

МАЙН РИД
МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

Издательство
"Детская литература"

(Н)

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МАЙН РИД

МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

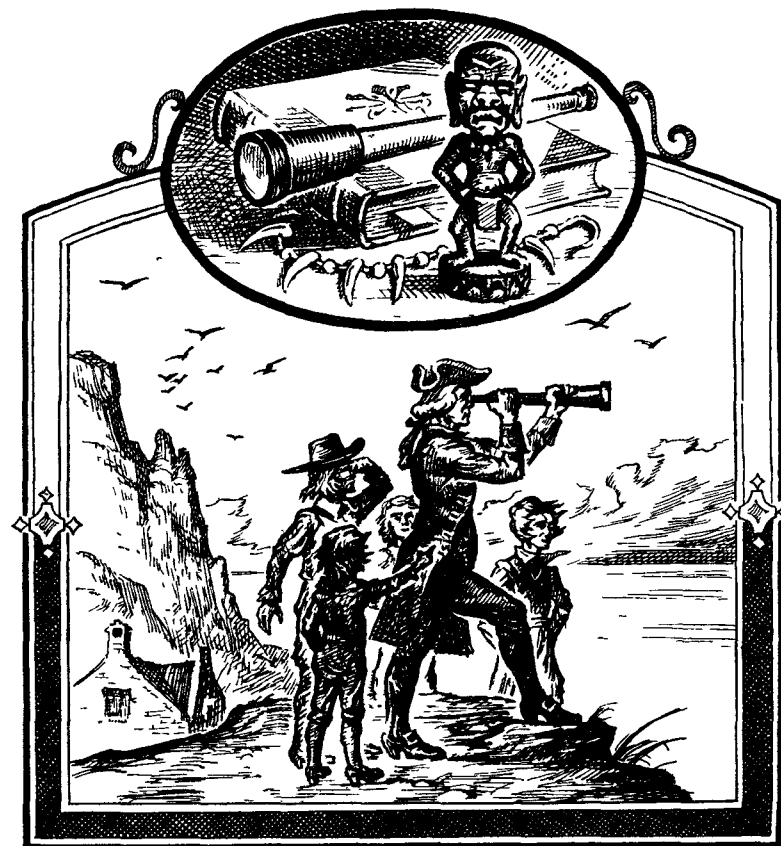
ПОВЕСТЬ

Ленинград
1990

«Детская литература»
Ленинградское отделение

И (Англ.)
ББК 84.4Вл
Р49

Перевод Л. Рубинштейн
Художник П. Парамонов

Глава I МОИ ЮНЫЕ СЛУШАТЕЛИ

Меня зовут Филиппом Форстером. Я уже старик. Живу я в глухой деревушке, на морском берегу, в глубине большой бухты. Я назвал нашу деревушку глухой — она и есть глухая, хотя претендует на звание морского порта. Есть у нас гранитный мол, около которого всегда можно пайти один-два парусника, шхуну, иногда бриг. Большие корабли к нам не заходят. Но зато у нас много рыбацких лодок. Одни лежат на песке, другие плавают в

Р 4804010100—168 Без объявл.
М101(03)-90

ISBN 5-08-000015-5

© Парамонов П. Иллюстрации
оформление 1990

бухте. Легко догадаться, что жители деревушки промышляют рыбной ловлей.

В этой деревушке я родился и здесь хотел бы умереть.

Несмотря на это, соседи очень мало меня знают. Они зовут меня капитаном Форстером или попросту капитаном, считая, что я единственный моряк в околотке.

Строго говоря, я недостоин такого звания. Я никогда не служил в военном флоте. Я был водителем торгового судна, то есть шкипером. Но из вежливости соседи зовут меня капитаном.

Знают, что я живу в славном домике в полумиле от поселка, на берегу моря; знают, что я один и что старая служанка ведаёт моим хозяйством. Каждый день я прохожу по деревне с подзорной трубой под мышкой, выхожу на мол, внимательно осматриваю море и возвращаюсь домой или гуляю часа два вдоль берега. Вот и все, что мои сограждане знают обо мне, о моих привычках и обо всей моей жизни.

Они убеждены, что я когда-то был великим путешественником. Знают, что у меня много книг и что я постоянно читаю, потому и думают, что я очень учен.

На самом деле я много путешествовал и читал, но простодушные соседи ошибаются насчет моей учености. В молодости я не имел возможности получить образование, и все, что я знаю, я усвоил самоучкой, урывками, в продолжение бурной жизни.

Я сказал, что соседи мало знают обо мне, и это должно казаться странным. Но это легко объяснить: двенадцатилетним мальчиком я ушел из дому и в течение сорока лет меня не было в родных местах.

Трудно рассчитывать, что тебя вспомнят после сорокалетнего отсутствия, — и, действительно, меня забыли. С трудом вспоминали даже моих родителей. Оба они умерли еще до того, как я ушел из дому. Кроме того, отец мой, профессиональный моряк, редко бывал дома, и я его почти не помню. Единственное, что я запомнил о нем, — это весть о том, что он утонул вместе с судном и командой. Мать пережила его не надолго. Прошло много лет, и память о родителях почти заглохла. Вот почему я стал чужестранцем у себя на родине.

Но не думайте, что я избегаю людей и что у меня нет знакомых. Хотя я и бросил жизнь на море и вернулся домой, чтоб провести остаток дней на покое, тем не менее я

не угрюмый человек. Наоборот, я очень люблю встречаться с людьми. И, несмотря на свою старость, я люблю общество молодежи, особенно мальчиков. Смело могу сказать, что со всеми мальчиками деревушки я в хороших отношениях. Часами я помогаю им запускать змёя и спускать корабли на воду — при этом вспоминаю, как много удовольствия я получал от всего этого в детстве.

Играя со мной, вряд ли они догадываются, что добрый старик, так охотно забавляющийся с ними, провел большую часть жизни в грозных приключениях, среди головокружительных опасностей.

Правда, кое-кто в деревне знает отдельные эпизоды моей жизни, которые я сам рассказывал. Я никогда не избегаю слушателей, и в нашем глухом поселке у меня нашлась благодарная аудитория — школьники. Около поселка находится школа, которая носит громкое название «учебного заведения для юных джентльменов», — вот откуда взялись мои лучшие слушатели.

Мы не раз встречались с этими ребятами на берегу, и по моему обветренному, «просоленному» виду они сразу поняли, что я могу рассказать им многое о морских приключениях. Мы встречались часто, почти ежедневно, вскоре подружился, и по их просьбе я рассказывал им отдельные случаи из своей жизни. Часто меня видели на берегу сидящим на траве и окруженным толпой мальчишек с раскрытыми ртами и горящими глазами. Последнее без слов говорило о том интересе, который они испытывали к моим рассказам.

Не стыжусь сказать, что я сам находил большое удовольствие в этих рассказах, как все старые моряки и военные, которые, вспоминая, сражаются сызнова в давно минувших битвах.

Однажды, немного ранее обычного часа, я увидел моих слушателей несколько озабоченными. Старший держал в руке сложенный листок бумаги, на котором, по-видимому, было что-то написано.

Они подошли и, не говоря ни слова, вручили мне этот листок. Я развернул его и прочел следующую просьбу, подписанную всеми присутствовавшими:

Дорогой капитан!

Сегодня мы свободны целый день. Мы думали, как бы провести его получше, и решили просить Вас

рассказать нам какую-нибудь интересную и поучительную историю. Мы хотели бы услышать что-нибудь захватывающее. Выберите то, что Вам самому больше всего нравится, а мы обещаем слушать внимательно. Сделайте это для нас, дорогой капитан, и мы всегда будем Вам благодарны.

Я не мог ответить отказом на такую вежливую просьбу и решил рассказать им о своем детстве и о первом путешествии по морю, которое произошло в довольно странной обстановке. Я назвал его «Путешествием во мрак».

Мы уселись на прибрежной гальке, и, поглядев на широкий морской простор, я начал рассказ.

Глава II СПАСЕННЫЙ ЛЕБЕДЕМ

С самого раннего детства я инстинктивно любил воду. Мне бы следовало родиться уткой или ньюфаундлендом¹. Отец мой был моряком, дед и прадед также; должно быть, от них я унаследовал это влечение. Так или иначе, вода была для меня родной стихией. Еще крохотным ребенком меня с трудом отгоняли от луж и прудов. Первое приключение в моей жизни произошло на пруду. Правда, оно не было таким страшным, как те приключения, которые мне пришлось испытать впоследствии,— оно было скорее смешным, но я расскажу его вам, чтоб показать свою страсть к воде. Я был еще маленьким мальчиком, но это происшествие было как бы предзнаменованием будущих приключений.

Я был в том возрасте, когда дети уже разгуливают без взрослых и спускают на воду бумажные кораблики. Я уже умел мастерить их, выдергивая для этого страницы из старых книг или похищая старые газеты, и пускал их плавать через большую лужу, которая заменяла мне океан. Но мне быстро надоели бумажные кораблики. Скопив за шесть месяцев достаточно денег, я купил у старого рыбака полностью оснащенный игрушечный парусник, который он смастерил на досуге.

¹ Ньюфаундленд — одна из самых крупных пород собак; они прекрасно плавают и любят воду.

Мой парусник имел в длину всего пятнадцать сантиметров, в ширину — восемь, а тоннаж его не превышал двухсот пятидесяти граммов. «Утлое суденышко», — скажете вы, но мне оно представлялось ничем не хуже большого трехпалубного корабля.

Мой парусник был слишком велик для лужи, где купались утки, и я начал искать место, где он мог бы по-настоящему показать свои морские качества. Скоро я нашел довольно большой пруд, который назвал озером. Вода в нем была прозрачна, как кристалл, и тихий ветерок, вроде морского бриза, рябил ее поверхность. Этого ветра было совершенно достаточно для того, чтоб надувать паруса моего кораблика, который легко пересекал пруд. Мне надо было только добежать до другого берега, чтобы встретить его там.

Много раз мы с ним состязались в скорости с переменным успехом, в зависимости оттого, был ли ветер попутным или, наоборот, дул навстречу кораблю.

По этому маленькому озеру плавали стая лебедей, — точнее, шесть лебедей — и другие довольно редкие водяные птицы. Дети любили их кормить и обычно приносили с собой куски хлеба. Я также приходил на озеро с набитыми карманами. Лебеди скоро привыкли к нам и так осмелели, что подплывали к берегу и хватали корм прямо из рук.

Но у нас был еще один забавный способ кормежки. Берег пруда в одном месте образовывал нечто вроде насыпи высотой метра в полтора. Здесь пруд был поглубже, а берег покруче, так что лебеди могли здесь подныться на берег только с помощью крыльев.

Сюда мы и заманивали лебедей. Мы натыкали кусок хлеба на расщепленный кончик длинного прута и, поднимая его высоко над головами лебедей, забавлялись, глядя, как они вытягивали длинные шеи, подпрыгивали на воде и тотчас же грузно падали обратно, как собаки при виде лакомого куска.

Однажды я пришел к пруду, по обыкновению неся с собой свой кораблик. Было еще рано, никого из моих товарищей не было. Я спустил кораблик на воду и направился к другому берегу, чтоб встретить его.

Ветра почти не было, и парусник двигался медленно. Спешить было нечего, и я бродил по берегу. Выходя из дому, я не забыл о лебедях. Мои любимцы заставляли меня

пускаться на небольшие кражи, так как куски хлеба, которыми были набиты мои карманы, я добывал из буфета.

Выйдя на высокий берег, я поманил лебедей. Все шестеро, надменно выгнув шею и слегка приподняв крылья, плавно заскользили по направлению ко мне. С вытянутыми клювами и горящими глазами они следили за моими движениями. Я достал ветку, расщепил ее на конце, приладил хлеб и начал кормить их.

Мои карманы были уже почти пусты, как вдруг кусок дерна, на котором я стоял, обвалился под моими ногами, и я рухнул в воду.

Я шлепнулся с шумом, как большой камень. Я не умел плавать и, должно быть, как камень, опустился бы на дно, если б не лебедей.

Из инстинкта самосохранения, свойственного каждому живому существу, я начал размахивать руками, стараясь схватиться за что-нибудь. Утопающие хватаются за соломинку, но вскоре в моих руках оказалось нечто лучшее, чем соломинка, — это была нога самого большого и сильного из лебедей, и я держался за нее изо всех сил.

Во время падения в уши мои набралась вода, и я плохо соображал, что делаю. Я слышал только плеск и крики шарахающихся лебедей. Птица, которую я держал за ногу, увлекала меня к другому берегу, и в одно мгновение я пронесся через половину пруда. Лебедь даже не плыл, а, скорее, летел, ударяя крыльями по поверхности воды и помогая себе свободной лапой. Без сомнения, страх удвоил его силы и энергию. Трудно сказать, сколько все это продолжалось. Думаю, что не очень долго. Но я все больше терял силы; погружаясь, я набирал воду ртом и ноздрями и уже терял сознание.

В этот момент с величайшим облегчением почувствовал я что-то твердое под ногами. Это были камешки и галька на дне. Я стоял на мелком месте. Птица оттащила меня в другой конец пруда, богатый мелями.

Не мешкая ни минуты, я отпустил лебедя, который, пронзительно крича, тотчас же поднялся в воздух. Я побрел к берегу, шатаясь, чихая и фыркая, и наконец очутился на твердой земле.

Я был так испуган, что забыл о паруснике. Он продолжал свое плавание, а я сломя голову бросился домой и бежал не останавливаясь, пока не добрался до горящего камина, возле которого высушил свою одежду.

Глава III

ПОДВОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Пожалуй, вы подумаете, что урок, который я получил, отбил у меня вкус к воде. Ничего подобного. Случай с лебедем не научил меня ничему хорошему, но он оказался благотворным для меня в другом отношении: я понял, как опасно попадать в глубокие места, не умея плавать. Я решил немедленно научиться этому искусству.

Мать одобрила мое решение; то же самое писал мне отец из дальних стран. Он даже посоветовал мне самый лучший способ обучения. Я с жаром принялся за дело в надежде стать первоклассным пловцом. В хорошую погоду, после конца занятий в школе, я отправлялся на море и плескался в воде, как морская свинка.

Старшие мальчики, уже умевшие плавать, дали мне несколько уроков, и скоро я убедился в том, как приятно плавать на собственной спине без всякой посторонней помощи. Хорошо помню, что я был очень горд, усвоив этот несложный фокус.

Разрешите, юные читатели, дать вам хороший совет: учитесь плавать! Это умение пригодится вам скорее, чем кажется. Вам придется его применять, спасая других, а может быть, и самих себя.

В наше время случаев утонуть представляется гораздо больше, чем в старые времена. Многие ездят по морям, океанам и большим рекам, и количество людей, которые ежегодно подвергают опасности свою жизнь, отправляясь в путешествие по делу или ради удовольствия, даже трудно себе представить. В бурные месяцы многие из них, не умея плавать, тонут.

Не скажу, конечно, что пловец, потерпевший крушение где-нибудь вдали от берега, например посредине Атлантического океана, может добраться саженками до земли. Но и вдали от суши можно спастись: можно доплыть до шлюпки, до какой-нибудь доски, пустой бочки или плетеного курятника, плавающего на поверхности воды, и таким образом спастись. Можно продержаться на воде, пока другой корабль не явится на место катастрофы. Кто не умеет плавать, тот камнем пойдет ко дну.

К тому же вы знаете, что большинство кораблей терпит крушение не в открытом море. В редких случаях буря до-

стигает такой исключительной силы, чтоб море «разгулялось», как говорят моряки, и разбило корабль в щепки. Большинство крушений происходит вблизи или у самого берега, и именно тогда бывают человеческие жертвы, которых не было бы, если б все на корабле умели плавать. Мы знаем много случаев, когда сотни людей тонули в кабельтове¹ от берега и когда от всего экипажа оставалось только несколько хороших пловцов. Такие же несчастия бывают на реках даже шириной в каких-нибудь полтора метра. Десятки людей тонут в виду зеленых лужаек и ветряных мельниц.

Все это общеизвестно, и приходится лишь удивляться беспечности людей и их нежеланию учиться плавать. Берите пример с меня, мои читатели, постарайтесь сделаться хорошими пловцами. Возьмитесь за это немедленно — только в теплую погоду — и затем уже не пропускайте ни одного дня. Сделайтесь пловцами прежде, чем вы станете взрослыми. Потом у вас не будет ни времени, ни возможности, ни желания учиться плаванию. А между тем, не умея плавать, вы можете утонуть еще до того, как у вас появится первый пух на верхней губе.

Лично я неоднократно тонул и спасался. Водная стихия, которую я так любил, как бы задалась целью сделать меня своей жертвой. Я мог бы упрекнуть волны в неблагодарности, но не делал этого потому, что знал, что они неодушевлены и не отвечают за свои поступки. И вот однажды я безрассудно доверился им.

Это случилось через несколько недель после моего вынужденного купания в пруде, когда я уже немного умел плавать.

На этот раз катастрофа произошла не на красивом пруду, где плавают лебеди.

Само собой разумеется, что жители морского побережья не нуждаются в озерах для купания. Они купаются в море, и первые уроки плавания я брал в соленой воде.

Место, на котором купались жители нашего поселка, было выбрано не совсем удачно. Правда, пляж был прекрасный, с желтым песком, белыми ракушками и галькой, но в глубине скрывалось подводное течение, опасное для всех, кроме хороших, выносливых пловцов.

¹ Кабельтов равняется 183 метрам.

Рассказывали, что кое-кто утонул, вовлеченный в воронку, но это произошло много лет назад и было почти забыто. Не так давно несколько купальщиков было унесено течением в море, но рыбаки спасли их.

Самые почтенные жители поселка, старые рыбаки, не любили говорить об этом. Они только молча пожимали плечами, а некоторые из них и вовсе отрицали существование подводного течения или говорили, что оно неопасно. Но тем не менее родители не позволяли мальчикам купаться вблизи опасного места.

Долго я не понимал, почему мои односельчане так упорно не хотят признаться, что подводное течение существует. Когда я вернулся в поселок через сорок лет, я наткнулся на все то же таинственное пожимание плечами, хотя за это время народилось новое поколение. Однако скоро я понял истинную причину: наш поселок считается дачным местом и получает некоторые доходы от приезжих купальщиков. Правда, купание здесь не первого сорта, но, если б слухи о подводном течении распространились повсюду, поселок лишился бы и этого небольшого заработка. Поэтому, чем меньше вы говорите об этом течении, тем лучше ваша репутация в поселке.

Итак, друзья, я сделал длинное вступление к довольно обыкновенной истории, но дело в том, что я утонул благодаря подводной струе — именно утонул!

Вы скажете, что я, во всяком случае, не захлебнулся до смерти. Может быть, но я был в таком состоянии, что ничего не почувствовал бы, даже если б меня разрезали на куски, и наверняка бы никогда не очнулся, если бы не Гарри Блю.

Всю историю о моей гибели я рассказываю вам для того, чтоб вы знали, как я познакомился с Гарри Блю, так как он оказал решительное влияние на всю мою последующую жизнь.

Я отправился на пляж купаться, как обычно, но вошел в воду в новой для меня и пустынной части берега. Считалось, что в этом месте особенно сильно подводное течение, и, действительно, оно мгновенно подхватило меня и понесло в открытое море. Меня отнесло так далеко, что всякая надежда доплыть до берега пропала. Страх и уверенность в гибели так сковали мое тело, что я перестал удерживаться на поверхности и начал погружаться в глущину, как кусок свинца.

Не знаю, что было потом. Помню только, что передо мной появилась лодка и в ней человек. Вокруг меня как бы спустились сумерки, а в ушах раздавался грохот, похожий на удары грома. Сознание мое померкло, как пламя задутой свечи. Гарри Блю вернул мне сознание.

Я открыл глаза и увидел человека, стоявшего возле меня на коленях. Он растирал руками мое тело, нажимая мне на живот под ребрами, дул мне в рот, щекотал мне ноздри пером, всячески стараясь возратить меня к жизни.

Это и был Гарри Блю. Как только я пришел в себя, он взял меня на руки и отнес домой, где мне влили водки в рот, приложили к ногам горячие кирпичи и бутылки, дали мне понюхать нашатыря, завернули меня в одеяло и так далее, пока не было решено, что опасность миновала.

Через сутки я уже был на ногах как ни в чем не бывало. Казалось, после такого случая мне следовало бы вести себя осторожнее. Но я этого не сделал, а почему и как — вы узнаете в следующих главах.

Глава IV

ТУЗИК

Все уроки прошли даром. Я побывал на краю гибели, но это не только не отбило у меня охоту к воде, но дало обратные результаты.

Знакомство с молодым лодочником скоро переросло в дружбу. Гарри Блю был прекрасный человек и хороший моряк. Он мне еще больше нравился тем, что относился ко мне, как будто я его спас, а не он меня. Он положил много трудов на то, чтоб сделать из меня образцового пловца; кроме того, он выучил меня грести так, что через некоторое время я работал веслами лучше многих мальчиков моего возраста. Я греб не одним веслом, как дети, а двумя, как взрослые, и управлялся без всякой посторонней помощи. Это было великое достижение, и я был очень горд, когда Гарри поручал мне взять его шлюпку из заводи, где она стояла, и привести ее в какое-нибудь место берега, где он ждал пассажиров, желающих покататься. Проходя мимо судов, стоявших на якоре, или вблизи пляжа, я не раз слышал насмешливые восклицания вроде: «Гляди, какой забавный малый на веслах!» или «Разрази

меня гром, посмотрите на этого клопа, ребята!», после чего до меня доносился взрыв смеха. Но я нисколько не смущался. Наоборот, я был очень горд тем, что могу вести лодку куда нужно без всякой помощи и быстрее, чем всякий другой мальчик постарше и побольше меня.

Прошло немного времени, и надо мной перестали смеяться. Все привыкли к тому, что я хорошо управляю лодкой, и даже начали меня уважать. Меня звали морячком или матросиком, и наконец за мной укрепилась кличка «морской волчонок». Отец хотел сделать меня моряком; если б он не погиб так рано, я бы отправился вместе с ним в море. Родители не мешали мне привыкать к воде, а мать одевала меня по-морскому: в синие штаны и куртку с отложным воротником, с черным шелковым платком на шее. Я гордился этим костюмом и своим прозвищем, тем более что не кто иной, как Гарри Блю, впервые назвал меня морским волчонком, а я считал его своим покровителем.

Он был в то время владельцем шлюпки — нет, даже двух! Одна из них была немного больше другой, ее называли яликом, на ней Гарри возил пассажиров целыми компаниями. Вторая шлюпка была маленькая, называли ее тузиком, и она была предназначена для одного пассажира. Во время купального сезона, конечно, ялик был в действии чаще, почти каждый день на нем катались отдыхающие, а тузик спокойно стоял у причала. Мне было позволено брать его и кататься сколько угодно, одному или с товарищем. Обычно после школьных занятий я садился в тузик и катался по бухте. Редко я бывал один, потому что многие мальчики любили морское дело, и все они смотрели на меня с величайшим уважением, как на хозяина шлюпки. Мне стоило только захотеть, и я всегда мог найти себе спутника. Мы катались почти ежедневно, если море было спокойно. Понятно, в бурную погоду ездить на крошечной лодочке нельзя было — сам Гарри Блю запретил такие прогулки. Мы ездили только по бухте, держась берега, потому что в открытом море любой случайный шквал мог опрокинуть шлюпку.

Впоследствии, однако, я стал смелее, и меня потянуло к открытому морю. Я стал уходить километра на полтора от берега, не думая о последствиях. Гарри предупредил меня, чтоб я этого не делал, но его слова я пропустил мимо ушей, может быть, потому, что я слышал, как спустя минуту он

сказал кому-то из своих товарищей: «Вот парень, не правда ли, Боб? Из него выйдет настоящий моряк, когда он вырастет».

Я тут же решил, что мои далекие прогулки не так уж страшны, и совет Гарри «держаться по берегу» не произвел на меня никакого впечатления.

Я недолго пренебрегал его указаниями; невнимание к советам опытного моряка едва не стоило мне жизни, как вы сейчас убедитесь.

Но прежде позвольте мне отметить одно обстоятельство, которое перевернуло вверх дном мою жизнь. Случилось большое несчастье: я потерял обоих родителей.

Я уже говорил, что мой отец был профессиональным моряком. Он командовал судном, которое, если не ошибаюсь, плавало в американских водах, и отца так долго не было дома, что я вырос, почти не зная его, — мне помнится только, что это был высокий мужественный человек, типичный моряк, с обветренным, темным, почти медного цвета, но красивым и веселым лицом.

Мать моя вечно тосковала в разлуке и жила только краткими отцовскими побывками. Узнав о гибели отца, она стала чахнуть и мечтать о смерти. Ждать долго не пришлось: через несколько недель ее похоронили.

Смерть матери окончательно перевернула всю мою жизнь. Теперь я был сирота, без средств к жизни и без дома. Родители мои были бедняки и существовали только на небольшие заработки отца. Они не сделали никаких сбережений: мать моя была в полном смысле слова бессребреницей. Я должен был прийти ей на помощь, но я был маленьким мальчиком. Долгие годы должны были пройти, прежде чем я мог бы стать на ноги, — и жалкая бедность была уделом моей покойной матери.

Последствия смерти родителей были очень серьезны. Я не остался на улице, конечно, но условия моей домашней жизни совершенно изменились. Меня взял к себе дядя, который ничем не был похож на мою нежную, мягко-сердечную мать. Он был человек сердитый и грубый и относился ко мне не лучше, чем к своим слугам.

С того дня, как я перешагнул порог дома дяди, мои школьные занятия кончились. Дядя считал излишним посылать меня в школу. Но он и не думал оставлять меня без дела. Дядя мой был фермером и быстро нашел мне работу на ферме. С утра до вечера я пас свиней и скотину,

погонял лошадей на пашне, ходил за овцами, носил корм телятам. Я был свободен только по воскресеньям. Дядя строго следовал старым обычаям, но только потому, что боялся, как бы религиозные соседи не заклевали его. В противном случае он заставил бы нас работать всю неделю напролет.

В воскресенье я мог делать, что мне угодно. Вы сами понимаете, что я не мог шататься по деревне и развлекаться лазаньем за птичьими гнездами, когда передо мной лежало широкое море. Как только выдавалась свободная минута, я бежал к Гарри Блю и помогал ему возить пассажиров по бухте или уезжал сам на тузике. Так проходило у меня воскресенье. Оно не было для меня скучным днем благочестия, а, наоборот, превратилось в самый веселый день недели.

Впрочем, одно из воскресений было для меня невеселым днем и, больше того, едва ли не последним днем моей жизни. И как всегда, в новом приключении участвовала моя любимая стихия — вода.

Глава V ОСТРОВOK

Было прекрасное воскресное утро. Стоял чудесный месяц май, солнце ярко сияло, и птицы наполняли воздух радостным щебетанием. Сильные резкие голоса дроздов смешивались с нежными трелями жаворонков, а над полями то здесь, то там звучал неумолчный монотонный крик кукушки. Сильное благоухание, похожее на запах миндаля, разливалось в воздухе: цвел боярышник и легкий бриз разносил его запах по всему побережью. Деревня с лугами, которые пестрели маргаритками и одуванчиками в полном цвету, деревня, с ее птичьими гнездами и птичьим пением, конечно, была соблазнительна для моих сверстников, но меня больше влекла к себе другая стихия — спокойная, блистающая пелена небесно-голубого цвета, искрящаяся под солнечными лучами, как поверхность зеркала. Великая водная равнина казалась мне гораздо более красивой, чем волнуемая ветром пшеница или цветущий луг, легкий плеск прибоя был для меня музыкальнее, чем пение дроздов и жаворонков, и йодистый запах волн приятнее, чем аромат лютиков и роз.

Когда я вышел из комнаты и увидел улыбающееся, сияющее море, мне захотелось окунуться в него с тоской почти неопишуемой. Я не ждал ни минуты, не дождался завтрака, а, проглотив вместо него кусок хлеба со стаканом молока, бросился на берег.

Собственно говоря, я покинул ферму украдкой, потому что опасался, что дядя может меня позвать и приказать мне остаться дома. Дядя мог простить мне бесцельное блуждание по полям, но прогулки по воде он никогда бы не простил, тем более что он уже дважды запрещал мне ездить на шлюпке.

Поэтому я не пошел по прямой дороге к морю, а избрал окольный путь и дошел до берега никем не замеченный.

Подойдя к стоянке лодок Гарри Блю, я увидел, что ялик ушел в море. Оставался только тузик. Ничего другого мне и не нужно было, потому что я намеревался совершить на тузике большую прогулку. В шлюпке набралось порядочно воды, — по-видимому, ею уже несколько дней не пользовались, — но с помощью старой жестяной кастрюли, которая валялась в шлюпке, я вычерпал всю воду в четверть часа, принес весла из сарая Гарри (разрешение дано мне было раз навсегда), уселся в тузик, вставил уключины, вложил в них весла, потом уселся на скамью и оттолкнулся от берега. Крохотная лодочка послушно заскользила по воде, легкая и подвижная, как рыба. С бьющимся сердцем повернул я в открытое искрящееся море. Оно было спокойно, как озеро, не было ни малейшего волнения, вода была так прозрачна, что я видел под лодкой рыб, играющих на большой глубине.

Морское дно в нашей бухте покрыто чистым, серебристо-белым песком. Маленькие крабы, величиной с золотую монету, гонялись друг за другом и преследовали еще более мелкие создания, рассчитывая позавтракать ими. Стайки сельдей, широкая плоская камбала, крупный палтус, красивая зеленая макрель и громадные морские угри, похожие на удавов, — все играли или подстерегали добычу.

В это утро море было абсолютно спокойно, что редко случается на нашем побережье. Погода как будто была создана специально для меня. Ведь я предполагал совершить большую прогулку, как я уже говорил вам.

Вы спросите, куда я направлялся? Сейчас я вам расскажу. Примерно километрах в пяти от берега виднелся маленький островок. Собственно говоря, даже не островок,

а скала площадью около пятнадцати квадратных метров, а высотой не больше сорока сантиметров над уровнем воды. Островок был виден только в часы отлива, потому что приливная волна покрывала его целиком. Тогда виднелся только небольшой столб, поднимавшийся из воды на несколько метров и увенчанный бочонком. Он был поставлен для того, чтобы небольшие суда, идущие по бухте во время прилива, не разбились о подводный камень.

Во время отлива островок был виден с суши; он был блестящего черного цвета, но порой казался белым, словно покрытый снегом. Я знал, почему он меняет цвет. Белая шубка иногда появляется на нем потому, что густые стаи морских птиц садятся на камни, делая передышку после полета, или же ищут мелкую рыбешку и ракообразных, выброшенных сюда приливом.

Этот небольшой риф давно притягивал меня, может быть, потому, что он лежал далеко и не был связан с берегом, а может быть, и оттого, что на нем густо сидели птицы. Такой картины никогда нельзя было наблюдать в окрестностях. По-видимому, они любили это место. Я видел, как в час отлива они тянулись к рифу, летали вокруг столба, а затем садились на черную скалу, покрывая ее своими телами, так что она казалась белой. Это были чайки нескольких пород: побольше и поменьше. Там были и другие птицы, вроде гагар и морских ласточек. Конечно, с берега трудно было их различить, потому что самые крупные из них казались не больше воробья, и, если бы они не летали такой массой, их и вовсе не было бы видно.

Полагаю, что из-за птиц меня больше всего и тянуло на островок. Когда я был поменьше, я увлекался всем, что относится к естественным наукам, особенно птицами, и, конечно, редкие мальчики ими не увлекаются. Возможно, что другие науки не менее важны, но ни одна так не подходит к жизнерадостным вкусам молодежи, как наука о природе. Из-за птиц или из-за чего-нибудь другого мне всегда хотелось съездить на островок. Всегда, когда я смотрел на него, во мне пробуждалось желание его исследовать. Я знал все его черты и мог бы нарисовать их, не видя самого острова. Профиль камней образовывал над водой кривую с неравномерным спуском и подъемом, напоминая гигантского кита, лежащего на поверхности воды, а столб на вершине был похож на гарпун, застрявший в спине кита.

Мне очень хотелось потрогать столб, узнать, из какого материала он сделан, низок ли он на самом деле, потому что с берега казалось, что в нем не больше двух метров высоты. Особенно меня интересовал бочонок на верхушке столба. Должно быть, он был из очень прочного материала, потому что мне случалось видеть, как в штормовую погоду гребни волн перекашивались через него, покрывая и бочонок, и столб, и самый островок.

С нетерпением ждал я случая съездить на островок, но случая не было. Островок лежал слишком далеко для моих обычных прогулок, и слишком опасно было отправляться туда на утлой лодчонке в одиночестве, а плыть со мной никто не соглашался. Гарри Блю как-то раз обещал взять меня с собой, но начал смеяться, когда я захотел отправиться на остров. Что ему эта скала? Он не раз проходил мимо нее, даже высаживался на нее или привязывал лодку к столбу, чтоб пострелять морских птиц или половить рыбу. Но он никогда не брал меня с собой. Я ждал, что он это сделает, но напрасно: я был свободен только по воскресеньям, а воскресенье было для моего друга самым рабочим днем, потому что в праздник множество людей едет кататься. Долго я ждал. Наконец я решил действовать. В то прекрасное утро я принял дерзкое решение взять тузик и в одиночестве отправиться на риф. И я отправился. Я вывел тузик из бухты и стрелой помчался в открытое море.

Глава VI

ЧАЙКИ

Я назвал свое решение дерзким. Сама по себе затея не представляла ничего особенного. Но для мальчишки она была дерзкой. Надо было проплыть добрых четыре-пять километров по глубоким местам, почти совершенно потеряв из виду берег. Я никогда еще так далеко не ходил на шлюпке. Редко случалось мне выходить из бухты на какую-нибудь милю, да и то по мелководью. Правда, я объехал с Гарри всю бухту, но шлюпкой всегда управлял он, и, доверяя его опытности, я никогда не боялся. Теперь было другое дело, я был один. Все зависело от меня самого. Если б что-нибудь случилось, мне бы не от кого было ждать помощи или совета. Едва я отъехал на полтора

километра, как моя затея стала мне казаться не только дерзкой, но и безрассудной, и любой пустяк мог заставить меня повернуть обратно.

Но мне казалось, что на меня смотрят с берега. Какой-нибудь мальчик из тех, что мне завидуют — такие были в поселке, — мог видеть, как я отправился на островок, мог легко понять, почему я повернул назад, и уж наверняка стал бы меня называть трусом. Поэтому я прибодрился и приналег на весла.

В восьмистах метрах от рифа я бросил весла и обернулся, чтобы посмотреть на него. Прилив был на самой низкой точке, и островок совершенно вылезал из воды, но черные камни не были видны из-за птиц. Казалось, что на них сидит стая лебедей или гусей. Но я знал, что это чайки, многие из них кружились в воздухе, наблюдая за рыбой. Я слышал их резкие крики издали, потому что ветра не было.

Трудно сказать, как мне хотелось попасть на риф и поглядеть вблизи на птиц. Я думал подойти к ним поближе и остановиться, чтоб не спугнуть их. В надежде, что они меня не заметят, я греб мягко и бесшумно, как переступает лапами кошка, подстерегающая мышь.

Сделав таким образом метров шестьсот, я поднял весла и оглянулся. Они меня не замечали. Чайки — робкие птицы, они хорошо знакомы с охотничьими ружьями и разом снимаются с места, как только подойдешь к ним на дистанцию ружейного выстрела. У меня не было ружья, и им нечего было бояться. Возможно, если б они заметили у меня ружье, они бы улетели, потому что чайки в этом отношении напоминают ворон и прекрасно знают разницу между ружьем и рукояткой мотыги. Им хорошо знаком блеск ружейного ствола.

Я долго и пристально их разглядывал, и, если бы мне пришлось вернуться назад, я считал бы себя вознагражденным за потраченные усилия. Я уже говорил, что на камнях сидели чайки двух пород: одни — с черными головами и сероватыми крыльями, другие — целиком белые и покрупнее первых. Оперение их казалось белее снега, а лапки были ярко-красные, как коралл. Все они были заняты: одни охотились за пищей, состоявшей из мелкой рыбешки, крабов, креветок, омаров, двустворчатых раковин и других морских животных, выброшенных последним приливом, другие кокетливо чистили свои белые перышки.

Однако, несмотря на кажущуюся беззаботность, чайки были полны забот и страстей. На моих глазах разыгралось несколько свирепых ссор, возможно, из-за рыбы.

Очень забавно было глядеть, как чайки ловили рыбу: они падали пулей с высоты в сто метров и почти бесшумно исчезали под водой. Через несколько мгновений они появлялись с блестящей полоской добычи в клюве.

Из всех птичьих маневров, я думаю, самый интересный — это движение чайки-рыболова, когда она преследует добычу. Даже полет коршуна на так изящен. Крупные виражи чайки, мгновенная пауза в воздухе, когда она нацеливается на жертву, молниеносное падение, кружево взбитой пены при нырании, внезапное исчезновение этой крылатой белой молнии и появление ее на лазурной поверхности — все это неопишимо.

Я долго любовался чайками. Убедившись, что моя поездка не прошла даром, я решил выполнить свою основную задачу и высадиться на риф.

Чайки подпустили меня очень близко, как бы чувствуя, что я не причиню им никакого вреда. Правда, они поднялись в воздух, но держались так низко над моей головой, что я мог многих из них схватить руками.

Одна из чаек, — как мне показалось, самая крупная из стаи — все время сидела на бочонке, на верху сигнального столба. Возможно, что я нашел ее более крупной только потому, что лучше разглядел неподвижную чайку; но я заметил, что, перед тем как снялись с места другие птицы, эта чайка поднялась первая, с пронзительным криком, похожим на команду. Очевидно, она была вожаком или часовым всей стаи. Такой же порядок я заметил у ворон, когда они отправляются в экспедицию — грабить бобы на огородах.

Отлет птиц меня почему-то опечалил. Самое море как будто потемнело, белая одежда пропала с рифа, обнажились голые скалы с черными блестящими, как будто смазанными дегтем, камнями.

Поднялся легкий бриз, облако закрыло солнечный диск, и зеркальная поверхность воды замутилась и посерела. Появились волны.

Риф имел теперь довольно унылый вид. Тем не менее я решил довести до конца свою задачу и осмотреть его. Я налег на весла, и вскоре нос тузика врезался в гальку.

Я спрятал шлюпку в маленькой бухточке, затем вскочил на уступ и зашагал к сигнальному столбу,¹ который годами привлекал мое внимание.

Глава VII

ПОИСКИ МОРСКОГО ЕЖА

Наконец я дотронулся руками до загадочного столба. При этом у меня было такое настроение, как если б я открыл Северный полюс. С большим удивлением я отметил основательные размеры этого столба. С берега он казался тонким, как шест от граблей, а бочонок — вроде круглой репки. Как же я был удивлен, когда увидел, что на самом деле столб толще моего бедра, а бочонок — больше меня самого! Это была настоящая бочка вместимостью в сорок — пятьдесят литров, насаженная на верхний конец столба. Бочка ослепительно сверкала в солнечных лучах, если смотреть с берега. Когда-то она, может быть, была черной, но совершенно обесцветилась благодаря соленым валам, которые окатывали ее в бурную погоду.

Я ошибся и в высоте столба. С берега он казался не выше человеческого роста, а на самом деле был вышиной с небольшую корабельную мачту: метров семь или восемь.

Я ошибся и насчет площадки островка. Я говорил, что в нем около пятнадцати квадратных метров. На самом деле здесь было по крайней мере полгектара. Островок был усеян камнями всех размеров: от мелкой гальки до камней с человека величиной. Были и более крупные глыбы, вложенные в расселины скал, из которых состоял островок. Все камни были покрыты черной скользкой массой, похожей на деготь, кое-где росли большие пучки водорослей, в том числе знакомый мне вид морской травы, которую я таскал для удобрения картофеля на дядин огород.

Осмотрев сигнальный стол и подивившись на истинные размеры бочки, я стал исследовать риф. Я хотел забрать с собой на память об этой приятной поездке какую-нибудь дикий раковину. Но это оказалось труднее, чем я думал. Камни были скользкие, как если бы их смазали мылом. Я сразу упал и получил несколько основательных ушибов. Я колебался, идти ли мне дальше (мой тузик остался на другой стороне рифа), но вдруг увидел на

конце узкой стрелки, выдававшейся в море, целую коллекцию редких раковин и решительно отправился за ними.

Я уже раньше подобрал несколько раковин в расселинах скал; одни были пустые, в других сидели моллюски. Но это были самые обыкновенные раковины: трубянки, сердцевидки, острячки, голубые двустворчатые. Я не раз находил их в морской траве, которой удобряли огороды. Не было ни одной устрицы, о чем я искренне пожалел, потому что я проголодался и с удовольствием съел бы дюжины две. Я находил только маленьких крабов и креветок, но их нельзя есть сырыми.

Я искал морского ежа¹, но пока не нашел ни одного. Мне давно уже хотелось найти хорошего ежа. Иногда они попадались у нас на взморье, но редко, и очень ценились. На этом отдаленном рифе они могли быть, и я тщательно обыскивал каждый провал между скалами и каждую расщелину дна.

Вообще я надеялся найти что-нибудь редкое на стрелке. Блестящие раковины, из-за которых я отправился в поход, казались мне все более яркими по мере приближения. Но я не спешил. Я не боялся, что раковины удержат от меня в воду: их обитатели давно покинули свои дома. Я шел с прохладцей, но, дойдя до конца, увидел чудесную вещь. Она была темно-красная, круглая, как апельсин, и гораздо крупнее апельсина. Но я думаю, нечего вам описывать, как выглядит морской еж?

Я взял его в руки и долго любовался его великолепной раскраской. Я был доволен. Для этого стоило съездить на риф.

Я заглянул под панцирь и полюбовался чистенькой белой комнаткой, в которой когда-то жил еж. Через несколько минут я оторвался от панциря и вспомнил о других раковинах. Все они были незнакомы мне. Здесь оказались три или четыре разновидности. Я наполнил ими карманы, набрал полные пригоршни и отправился обратно к лодке. О ужас! Что я увидел!

Раковины, морской еж и все прочее посыпалось у меня из рук, и сам я едва не свалился на них как подкошенный. Лодка! Лодка! Где моя лодка?

¹ Морской еж — животное из отряда иглокожих; живет на песчаном морском дне, у берегов, под камнями.

Глава VIII

ТУЗИК УПЛЫЛ

Куда делась лодка? Утонула?

Хуже: она уплыла.

Я видел ее вдалеке, она медленно удалялась от рифа. Тут не было ничего таинственного. Я не привязал ее и даже не вытянул конец каната на берег, а бриз, который теперь стал свежее, вывел ее из бухточки и погнал по воде.

Сначала я был поражен, потом мое удивление перешло в тревогу. Как мне достать лодку? Как вернуть ее к рифу? Проплыть пять километров, отделяющих меня от берега? Я этого не сделал бы и ценой жизни. Нет надежды, что кто-нибудь придет на помощь. Никто не видел, как я отправлялся в путешествие. Никто не заметит и самого тузика. Ведь на таком расстоянии, как я сам убедился, и большие предметы плохо видны. Казалось, что скалы рифа выступают над водой не больше чем на сорок сантиметров, а на самом деле здесь было больше полутора метров. Нет, конечно, никто не обратит внимания на мое бедственное положение — разве что кто-нибудь посмотрит в подзорную трубу. На это было мало шансов.

Чем больше я думал, тем больше убеждался, что своим несчастьем я обязан собственному легкомыслию.

Я не мог принять никакого решения. Я принужден был оставаться на рифе, потому что выхода не было. Затем мне пришло в голову, что я мог бы броситься вплавь за лодкой и вернуть ее обратно. Пока она отошла от островка на какие-нибудь восемьсот метров, но с каждой минутой уходила все дальше. Нельзя было терять ни одной секунды.

Больше я ничего не мог придумать. Если бы я не догнал лодку, мне пришлось бы попасть в крайне неприятную переделку, быть может, даже очень опасную.

Я мигом сорвал с себя одежду и запрятал ее меж камней. Затем я бросился в воду — без разбега, потому что глубина была достаточная у самых камней. Я направился к шлюпке по прямой линии.

Я работал руками и ногами изо всех сил, но подвигался вперед медленно. Мысль, что тузик, может быть, уходит от меня с той же скоростью, наполняла меня страхом. Если я его не догоню, мне придется вернуться на риф или пойти на дно, потому что, плывя за лодкой, я понял, что одолеть

пять километров мне будет не по силам. Это для меня так же трудно, как переплыть Атлантический океан. Кроме того, тузик удалялся не по направлению к берегу, а совсем в другую сторону. Я начал уставать и думал возвращаться обратно, но в этот момент ветер подул с другой стороны.

Лодка медленно и почти незаметно меняла курс. Теперь она была ближе ко мне, чем раньше. Я напряг все силы и снова направился к ней.

Наконец удача! Я догнал лодку и ухватился за нее руками. Это дало мне возможность немного передохнуть.

Затем я попытался вскочить в лодку. Но к величайшему моему ужасу, маленький тузик не выдержал моей тяжести и перевернулся килем вверх, а я оказался под водой.

Я моментально вынырнул на поверхность и, снова ухватившись руками за лодку, сделал попытку сесть верхом на киль. Результат был неожиданный: лодка опять перевернулась и пришла в нормальное положение.

В сущности, это было все, что мне нужно. Но, заглянув в лодку, я убедился, что она зачерпнула огромное количество воды.

Впрочем, благодаря этому она стала тяжелее, и мне удалось влезть в нее. Но через секунду я увидел, что положение ничем не улучшилось, потому что лодка т о н у л а!

Вес моего тела еще больше утяжелил ее, и она довольно быстро погружалась.

Если б я не потерял хладнокровия, я сообразил бы, что мне следует немедленно прыгнуть в воду. Тогда облегченная лодка осталась бы на поверхности. Но я был сильно напуган и торчал в ней, стоя по колени в воде.

Я хотел было вычерпать воду, но жестяная кастрюля исчезла вместе с веслами. Без всякого сомнения, она потонула, пока лодка переворачивалась, а весла плавали вдалеке.

В полном отчаянии я начал вычерпывать воду пригоршнями, но не успел и десяток раз нагнуться, как почувствовал, что лодка уходит вниз. В следующее мгновение она погрузилась, а я принужден был поработать руками и ногами, чтобы уйти от водоворота, который образовался на месте ее гибели.

С грустью глядел я на этот водоворот. Я знал, что больше никогда не увижу тузика. Затем я отправился обратно на риф.

Глава IX

СИГНАЛЬНЫЙ СТОЛБ

Я добрался до рифа с большим трудом. Плывя, я чувствовал, что иду против течения, — это начинался прилив. Именно прилив и поднявшийся ветер отогнали мою лодку от островка. Усилие, которое я затратил, чтоб вылезти на берег, было последним. Если б я не успел как раз добраться до скал, я наверняка не мог бы больше плыть.

Несколько минут я пролежал на камнях неподвижно, собирая силы. Однако нельзя было терять времени, следовало действовать. Я встал и огляделся.

Не знаю, зачем я посмотрел в сторону погибшей лодки. Быть может, во мне шевелилась смутная надежда, что она всплывет. Но об этом и думать было нелепо. На море не было ничего, и только весла плыли вдали по волнам, бесполезные и дразнящие.

Я посмотрел на берег. Но и там ничего не было видно, кроме низкой и плоской полосы земли, на которой стоял поселок. Людей на берегу я не заметил. Впрочем, я с трудом различал даже и дома в сыром, мгlistом воздухе. Небо посерело и покрылось облаками. Свежий бриз крепчал. Появились довольно высокие волны, которые мешали видеть, да и в хорошую погоду вряд ли я разобрал бы что-нибудь за пять километров.

Кричать не имело никакого смысла: даже в безветренный день меня бы не услышали.

Во всем заливе не было видно никакого судна: ни шлюпки, ни шхуны, ни брига. В воскресенье все суда стояли на причале. Рыбачьи лодки не выходили в море, а шлюпа для прогулок, в том числе и лодка Гарри Блю, отправилась вниз по бухте, к маяку.

На севере, востоке, западе и юге не было ни одного паруса. Кругом лежала водная пустыня, и я чувствовал себя заживо погребенным.

Страшное чувство одиночества охватило меня. Я прильнул к скале и зарыдал.

К тому же чайки неожиданно вернулись. Может быть, они сердились на меня за то, что я их прогнал: они летали над самой моей головой, испуская оглушительные дикие крики, как бы намереваясь напасть на меня. Теперь я

думаю, что они делали это скорее из любопытства, чем от злобы.

Я ничего не мог придумать. Мне оставалось только сидеть или стоять, ожидая, пока не подойдет помощь извне. Сам я никак не мог выбраться с островка.

Но когда может прийти помощь? Скорее всего кто-нибудь на берегу случайно посмотрит на риф... но не заметит меня без подзорной трубы. Подзорная труба была у Гарри Блю, но он очень редко ее пускал в дело, и десять шансов против одного, что он в нее не посмотрит. Да и кому придет в голову смотреть в этом направлении? Этим путем суда никогда не ходят. Корабли, направляющиеся в бухту, всегда далеко обходят опасный риф. Надежда, что меня заметят, была очень слаба. Но еще более слаба была надежда, что меня подберет какое-нибудь судно, раз они не ходят этим путем.

Все это было неутешительно, и я уселся на скалу в полном отчаянии.

Меня совсем не привлекала возможность умереть с голоду на островке. Тут мне пришла в голову одна успокоительная мысль: Гарри Блю наверняка заметит, что тузик пропал, и отправится на поиски! Однако вряд ли это случится до вечера: раньше сумерек ведь он не вернется с катания. Но к ночи он, наверно, будет дома, увидит, что лодки нет, и сообщит, что взял ее я, потому что другим мальчикам это запрещено. Так как тузик не вернется и к ночи, то Гарри, без сомнения, отправится к дяде. Начнется тревога, будут меня искать и в конце концов найдут.

Меня не столько беспокоила мысль о собственной судьбе, сколько страх перед тем, что я наделал. Как я теперь посмотрю Гарри в глаза? Чем я возмещу убыток? Дело серьезное: у меня денег нет, а дядя мой не станет платить за меня. Обязательно надо было возместить лодочнику потерю лодки, но как это сделать? Разве что дядя разрешит мне отработать этот долг Гарри, а я бы работал по целым неделям, пока не окупится стоимость шлюпки. Лишь бы нашлось у Гарри применение моим силам.

Я высчитывал, во сколько могла обойтись лодочнику утонувшая шлюпка, и это меня целиком занимало. Мне не приходило в голову, что моя жизнь в опасности.

Я предвидел, что мне придется провести ночь в голоде и холоде. Вдобавок я вымокну до костей, потому что прилив зальет весь островок и я буду всю ночь стоять в воде.

Но какова будет глубина воды?

Дойдет ли вода мне до колен?

Я осматривался, думая найти какие-нибудь указания об уровне воды. Я знал, что риф полностью покрывается приливом, но у меня было впечатление, что уровень воды не превышает десятка сантиметров над скалами.

Кругом не было ничего, что могло бы дать мне указания. Наконец мой взгляд остановился на сигнальном столбе. На нем был нанесен уровень приливной волны. Он был даже особо отмечен белой краской.

Вообразите мой ужас, когда я убедился, что белая полоска проходит в двух метрах над основанием столба! Чуть не теряя рассудок, я бросился к столбу. Я прижался к нему вплотную. Увы! Я не ошибся. Линия проходила над моей головой. Я с трудом доставал до нее, даже прижавшись к цыпочки.

Холод пробежал у меня по жилам. Гибель была неизбежна. Прежде чем придет помощь, меня настигнет прилив. Волны сомкнутся над моей головой, сорвут меня с рифа — и я погибну в водной пустыне!

Глава X

Я ЛЕЗУ НА СТОЛБ

Это была уже не опасность. Это была верная смерть. Все мои надежды рухнули. Прилив начнется задолго до наступления ночи. Вода быстро достигнет высшей точки, и это будет конец. Даже если меня хватят еще до вечера, все равно меня не успеют разыскать. Прилив ждать не будет.

Ужас и отчаяние совершенно сковали меня. Я ничего не воображал и только беспомощно оглядывал морскую ширь. Ни лодки, ни паруса. Ничто не нарушало однообразия водной пелены, только белые крылья чаек хлопали вокруг меня. Они уже не кричали, но реяли у самого моего лица, как бы удивляясь тому, что я нахожусь здесь, и спрашивая, что же я собираюсь делать. Внезапно на глаза мне попался сигнальный столб, и снова во мне зародилась надежда. Этот столб был виновником моего ужаса, но он же поможет мне.

Мне пришло в голову, что я могу взобраться по столбу

наверх, выше уровня прилива. Сидя на верхушке столба, я могу дожждаться отлива.

Добраться до верхушки было легко, тем более что я превосходно лазил по деревьям.

Я бесконечно радовался. Не было ничего проще. Мне предстояло провести тяжелую ночь, сидя на бочке, но жизнь моя была спасена, и я еще буду смеяться над своими несчастьями.

Я решил влезть на столб сначала для пробы. У меня было еще достаточно времени, пока прилив подойдет к моим пятам. Я просто хотел убедиться в том, что в нужную минуту я смогу спастись этим путем.

Оказалось, что это довольно трудно, особенно внизу, где столб до высоты двух метров был покрыт той же черной скользкой массой, которой подернуты были камни. Я невольно вспомнил шуточные столбы на ярмарках¹.

С большим трудом, ежеминутно срываясь, я поднялся выше уровня прилива. Дальше подниматься стало легче, и я быстро добрался до верхушки.

Я протянул руку, чтобы ухватиться за верхний край бочонка и вскарабкаться на него — при этом я уже поправлял себя со своим изобретением, — как снова впал в отчаяние.

Мои руки были слишком коротки. Я мог дотянуться только до середины бочки в том месте, где она расширяется. Я не мог ни двигаться вперед, ни оставаться на месте. Через секунду у меня ослабли руки, и я соскользнул к подножию столба.

Я попробовал еще и еще раз. Никакого результата. Я никак не мог подняться выше того места, где начиналась бочка, и, протянув руку, доставал только до ее середины. Я снова вернулся вниз.

Если бы у меня был нож, я мог бы сделать надрезы на столбе и, упираясь в них ногами, подняться повыше. Но ножа у меня не было, и делать надрезы было нечем, разве что грызть дерево зубами. Положение было безвыходное.

Наконец меня осенила блестящая мысль. Что, если устроить площадку из камней у основания столба? Там

¹ В старину на ярмарках ставились столбы, вымазанные салом. Тому, кто первый добирался до вершины столба, выдавалась награда.

уже лежало несколько камней, положенных, как видно, для прочности. Надо понатаскать еще, соорудить нечто вроде старинного могильника и стать на него.

Я с жаром взялся за дело. На рифе было сколько угодно камней и обломков скал, и я предполагал, что в несколько минут моя насыпь будет готова. Но уже через минуту я увидел, что это дело затянется надолго: камни были тяжелы, некоторые вросли в землю и я не мог их оторвать.

Несмотря на это, я работал изо всех сил. Я знал, что нужно спешить и тогда я спасусь, — но не слишком ли поздно?

Вода поднималась медленно, но неуклонно, она подходила все ближе и ближе, я это чувствовал! Я не раз падал, колени мои были разодраны в кровь острыми камнями. Но я не обращал никакого внимания на трудности, на боль и усталость. Мне угрожала большая опасность, смертельная опасность.

Я довел насыпь до высоты собственного роста, но этого было мало. Еще метр, и она сравняется с отметкой на столбе, и я яростно продолжал работать. Работа же становилась все труднее. Все близлежащие камни пошли в дело, и за новыми приходилось ходить все дальше. Я окончательно разбил себе руки и ноги, и это еще больше мешало работе. Теперь приходилось вкатывать камни на высоту моего роста. Я выбивался из сил. Вдобавок большие куски скалы внезапно срывались с вершины кучи и скатывались, ударяя меня по ногам.

Наконец, через два часа или больше, я бросил работу. Насыпь еще далеко не была готова, но меня прервали. Лишнее, пожалуй, говорить вам, что это был прилив. Волны внезапно захлестнули островок. Это произошло сразу, не так, как на берегу, где прилив наступает волна за волной, постепенно. Здесь вода достигла уровня прибрежных скал и, перекатившись через них, обрушилась на остров, как водопад.

Я работал, уже стоя по колени в воде, я плескался и погружался в воду, доставая камни. Меня обдавало пеной, и наконец я почувствовал, что едва удерживаюсь на ногах. Последний камень я притащил почти вплавь. Я водрузил его на кучу и сам вскарабкался на нее. Прижавшись к столбу, стоял я и с трепетом глядел на прибывающее море.

Глава XI ПРИЛИВ

Не могу сказать, что я был спокоен. Наоборот, я весь дрожал от страха. Я чувствовал бы себя увереннее, если бы мне удалось сделать насыпь повыше и покрепче, чтоб волны не разбили ее.

В сигнальном столбе я не сомневался: он был испытан и выдержал уже не одну бурю. Но я боялся, что насыпь не выдержит или что ее зальет. Я успел поднять ее на высоту полутора метров, так что до белой отметки не хватало меньше метра. Ясно было, что мне придется стоять в воде на глубине около метра, но это меня мало беспокоило. Другая мысль меня волновала. Я сомневался, верна ли отметка на столбе.

Я знал, что эта полоска обозначает высшую точку приливной волны, когда море абсолютно спокойно. Но море не было спокойно. Довольно свежий бриз вздымал волны высотой в полметра. Таким образом, мое тело будет на две трети или на три четверти в воде, не считая гребней волн, которые будут меня обдавать с головой. Но все это было бы ничего. Предположим, что ветер усилится и перейдет в бурю или просто начнется сильное волнение, — тогда вся моя работа ни к чему. В бурную погоду белая пена проносилась через островок на несколько метров выше верхушки сигнального столба.

Да, если будет буря, я пропал!

Правда, некоторые обстоятельства были благоприятны для меня. Стоял великолепный май, утро было чудесное. В другом месяце скорей можно было ожидать шторма. Но и в мае может случиться шторм. На суше может стоять безоблачная погода, а в это время в море гибнут корабли. Да наконец, ураган вовсе не обязателен; обыкновенное волнение может смыть меня с моей кучи камней.

Кроме того, мой «могильник» был сделан непрочно. Не было времени сложить его как следует. Камни были навалены друг на друга как попало, и, встав на них, я сразу почувствовал, что это довольно шаткая опора. Что будет, если они не смогут сопротивляться течению, напору прилива и ударам волн? Тогда я трудился напрасно. Если они рухнут, я рухну вместе с ними и больше не встану.

Сомнения мои усиливались: я снова глядел на море и снова видел только пустынную бухту.

Я стоял, крепко обнимая столб, прижавшись к нему. Это был мой единственный друг; если бы не он, я бы не мог соорудить насыпь. Без столба ее мгновенно размыла бы вода, да и я не мог бы удержаться на ней стоя. С помощью столба я все-таки сохранял равновесие.

Я старался не двигаться, даже не переступать ногами, чтобы камни не покатались, потому что собрать их во второй раз уже нельзя было.

Вода вокруг столба превышала мой рост, и я мог только плавать.

Я осматривал горизонт, в то время как тело мое сохраняло полную неподвижность. Отчаянно вертя головой, я глядел вперед, назад, в стороны, но по-прежнему не видел ни следа шлюпки или судна. Я следил за уровнем прилива и за большими волнами, которые неслись к рифу и бились о скалы, как будто возвратясь из далекого странствия. Они казались разъяренными и словно угрожали мне и негодовали за то, что я забрался в их приют. Что нужно тут мне, слабому смертному, в их собственном доме, в месте, которое было предназначено для их диких игр? Мне казалось, что они говорят со мной. У меня началось головокружение. Мне чудилось, что я уже сорвался и лечу в темное бушующее пространство.

Они поднимались все выше и выше. Вот они залили верхушку моей насыпи и подошли к моим ногам; вот они подмывают мне колени. Когда же они остановятся? Когда прекратится прилив?

Выше! Выше! Я стою уже по пояс в соленом потоке, и пена брызжет мне в лицо. Вода доходит мне до плеч, вот она во рту, в глазах, в ушах — я тону! Я гибну!

Нет! Вода дошла до высшей точки, но не целиком меня залила. С отчаянным упорством я крепко держался за столб. Это продолжалось долго, прилив как будто прекратился, мне казалось, что я выдержу до утра. Но меня ожидало еще одно тяжелое испытание — приближалась еще большая опасность.

Настала ночь. Ветер все усиливался, облака сгущались, с минуты на минуту дождь должен был хлынуть как из ведра. Волны становились все круче и несколько раз обдавали меня с головой. Я с трудом удерживался за столб, меня едва не сорвало.

Я был полон страха. Если волны превратятся в могучие, бурные валы, я не смогу сопротивляться и меня сне-

сет. Даже если этого не случится, не знаю, хватит ли у меня сил так долго удерживаться,

Последняя волна сдвинула меня с места, и мне надо было переменить положение и утвердиться более прочно. Я слегка приподнялся на руках, нащупывая ногами более высокую и надежную точку на насыпи, но в этот момент нагрянула новая волна, сорвала мои ноги с насыпи и отнесла их в сторону. Цепляясь руками за столб, я повис на секунду почти в горизонтальном положении. Наконец волна прошла. Я снова опустился на насыпь и дотронулся ногами до камней. Именно дотронулся, потому что в следующую секунду под моей тяжестью камни «могильника» осыпались, как будто невидимая рука отбросила их прочь. Лишившись опоры, я соскользнул по столбу и упал в воду.

Глава XII

Я ДЕРЖУСЬ НА СТОЛБЕ

К счастью, я умел плавать, и это меня спасло.

Мое умение оказалось как нельзя более кстати, иначе я бы утонул.

Я очутился посредине огромных глыб, покрывавших островок, и мог бы разбиться, но вынырнул на поверхность, как утка.

Новая волна меня подняла, и я оглянулся. Я искал столб, но найти его было нелегко, потому что пена хлестала мне в глаза. Как большая собака, вертелся я в воде, стараясь найти его. Я потерял направление из-за воды, которая ослепила и оглушила меня.

Наконец я увидел столб; он был от меня далеко, пожалуй, метрах в пятнадцати. Я отчаянно боролся с волнами и ветром. Если бы я поддался им, они бы отнесли меня в море.

Я поплыл прямо к столбу, не соображая, зачем я это делаю. Просто меня гнал туда инстинкт, мне казалось, что там я найду спасение. Я поступаю, как все утопающие: хватался за соломинку. Утратил последнюю каплю хладнокровия, но при этом одна мысль меня не покидала — мысль о том, что, чем ближе я буду держаться к столбу, тем ближе я буду к спасению. Я не сомневался, что смогу

доплыть до столба, — это было в моих силах, и об этом я думал все время.

Я мог бы легко влезть на столб и добраться до бочки, но не дальше. Влезть на бочку я не мог, даже под страхом смерти. Я пытался сделать это не раз, пока не убедился, что это недостижимо. Если бы я мог туда влезть, я бы уже сидел там давно и спокойно переждал бы бурю.

Кроме того, усядись я наверху до наступления ночи — я мог бы быть замечен с берега и все приключения окончились бы благополучно. Мне положительно казалось, что когда я влез в первый раз на столб, меня заметили какие-то празднующиеся на пляже, но, вероятно, подумали, что это просто мальчишеская проказа, и перестали обращать на меня внимание.

Все это мгновенно пронеслось у меня в голове, пока я плыл к столбу. Ясно было, что влезть на бочку нельзя. Что же я буду делать, когда доберусь до столба? Я смогу некоторое время висеть на нем, но как быть дальше?

Я достиг столба после долгой борьбы с ветром, приливом и дождем и снова обнял его, как старого друга. Если б его не было, я пошел бы ко дну.

Таким образом, достигнув столба, я уже как бы чувствовал себя в сохранности. Теперь можно было держаться за столб. Конечно, это было довольно утомительно.

Если б море было спокойно, я бы мог долго оставаться в таком положении, пожалуй, до конца прилива. Но море волновалось, и это меняло дело. Правда, минут на пять наступило сравнительное спокойствие, и я воспользовался им, чтоб отдохнуть. Но ветер подул снова, и море забушевало еще сильнее. Меня подняло и подбросило почти до самой бочки — и сейчас же потащило вниз, к камням, потом завертело волчком вокруг столба. Я продельвал акробатические упражнения, годные для любого цирка.

Первую атаку волн я выдержал с честью, но я не тешил себя иллюзиями: с минуты на минуту поднимется новый шквал; я отлично предвидел исход этой неравной борьбы. Как мне удержаться? Я ломал себе голову в перерыве между двумя валами. Если б у меня была веревка, я бы привязал себя к столбу. Но веревка была так же далека от меня, как лодка или как уютное кресло у камина в доме дяди. Не было смысла даже думать о ней. Но вдруг у меня мелькнула великолепная идея: если веревки нет, надо ее заменить чем-нибудь!

Вы хотите скорей узнать, что я придумал? Сейчас скажу.

На мне была надета куртка — просторное одеяние из грубой бумажной полосатой ткани, какое носят рыбацкие дети. При жизни матери я носил ее по будням, а теперь и по праздникам. Однако не будем умалять ее достоинств. С тех пор мне случалось одеваться получше и носить платье из лучшей, тончайшей шерсти, но всю эту роскошь я не отдал бы и за пуговицу моей старой куртки. Именно она спасла мне жизнь. На куртке был ряд пуговиц — не нынешних роговых, костяных, слабеньких, нет! Это были железные кружочки, крупные, как шиллинг.

Мне повезло: куртка была на мне, а ее могло и не быть. Ведь, отправляясь в погоню за лодкой, я сбросил куртку и штаны. Но, вернувшись, я надел снова и то и другое, потому что было уже довольно свежо. Все это произошло очень кстати.

Вы спросите, зачем мне понадобилась куртка? Разве для того, чтобы разорвать ее на полосы и привязать себя к столбу? Нет! Я бы все равно не мог этого сделать, потому что только одна рука у меня была свободна, а другой я держался за столб. Я даже не мог снять куртку, потому что промокшая ткань прилипла к телу, как приклеенная. Я не снял ее. Мой план был гораздо лучше: я расстегнул и широко распахнул куртку, плотно прижался грудью к столбу и застегнул куртку на все пуговицы с обратной стороны столба.

К счастью, куртка была достаточно широка. Она была сделана на вырост и с огромным запасом.

Застегнув все пуговицы, я вздохнул свободно: наконец-то я мог обдумать свое положение!

Теперь меня уже не могло смыть, и мне нечего было бояться. Я мог сорваться с рифа только вместе со столбом. Я стал составной частью столба, как бочка на его верхушке, даже больше, потому что и корабельный канат не мог бы так прочно меня с ним связать, как борта моей крепкой куртки.

Если б от близости к столбу зависело мое спасение, я мог бы сказать, что я уже спасен. Но увы! Это было еще не все. Через некоторое время я увидел, что мое положение немногим только улучшилось. Громадный вал пронесся над рифом и окатил меня с головой. Пожалуй, я устроился еще хуже, чем раньше. Я был так плотно пристегнут к

столбу, что не мог взобраться повыше. Правда, волна не могла меня смыть, но какой в этом толк? Я скоро задохнусь от таких повторных купаний. Силы оставят меня, я соскользну вниз и утону.

Глава XIII ПОДВЕШЕН К СТОЛБУ

Я не потерялся и стал придумывать, как бы подняться над уровнем волн. Я мог бы это сделать, не расстегивая ни одной пуговицы. Но как мне удержаться наверху? Я медленно соскользнул вниз. О, если б здесь была какая-нибудь зарубка, узелок, гвоздь, если б, наконец, был у меня нож, чтоб сделать надрез! Но все это было далеко.

Идея! Как я упустил это из виду! Я вспомнил, что столб суживается кверху и в том месте, где он входит в бочку, получается небольшая выемка, вроде тех, что плотники называют гнездом. Я бы мог закинуть свою куртку в выемку и повиснуть под самой бочкой. Выбора у меня не было, и, не дожидаясь, пока очередная волна настигнет меня, я полез наверх. Это не помогло. Я моментально соскользнул вниз, и меня опять окатило водой.

Вся беда была в том, что я не мог как следует натянуть воротник куртки: голова мешала.

Я полез снова, на этот раз с новым изобретением. Надо попробовать закрепить наверху не курткой, а чем-нибудь другим.

На что я мог еще рассчитывать кроме куртки? Сейчас вы узнаете. На плечах у меня были помочи — не современные матерчатые подтяжки, а два крепких ремня бычьей кожи. Я и решил повиснуть на них.

Пробовать и соображать не было времени. Я снова отправился наверх. Куртка помогла мне. Я натянул ее, откинувшись изо всех сил на спину и стиснув ногами столб. Таким образом, у меня освободились руки. Я освободил помочи, вынул их из-под куртки. Я действовал с величайшей тщательностью и осторожностью. Я связал ремни вместе, стараясь, чтоб они не выпали у меня из рук. Я закрепил их самым прочным узлом, какой знал, экономя каждый свободный сантиметр. На конце я сделал петлю, предварительно опоясав помочами столб, затем закинул

петлю под бочку так, чтоб она попала в «гнездо», и натянул весь ремень, после чего мне осталось только пропустить его через куртку, опоясав себя свободным концом, завязать его — и я повис.

Я откинулся назад и налег на ремень всей своей тяжестью. Я даже убрал ноги и висел с минуту, как повешенный. Если б кто-нибудь увидел меня в таком положении, он наверняка решил бы, что я самоубийца или что произошло кошмарное преступление.

Ремень не поддался. Усталый, наполовину захлебнувшийся, я вряд ли сознавал весь комизм своего положения. Но теперь я мог смеяться над опасностями. Я был спасен, я был в такой безопасности, как если б шлюпка Гарри Блю находилась в двух метрах от меня. Пусть буря крепчает, пусть дождь льет, пусть ветер воет, пусть вокруг меня беснуются пенистые гребни — им не добраться до меня.

Правда, мое положение нельзя было назвать особенно удобным. Я сразу начал соображать, как бы устроиться получше. Ноги у меня затекли, и мне приходилось опускать их и повисать на ремне, что было неприятно и даже опасно. Однако я придумал новое средство. Я разорвал штаны снизу до колен — кстати, они были сделаны из той же плотной ткани, что и куртка, — и, закрутив жгутом повисшие вниз концы, обвел их вокруг столба и крепко завязал. Таким образом, полувися-полусидя, я провел остаток ночи.

Начался отлив. Вы думаете, что, как только камни рифа обнажились, я спустился вниз? Ничего подобного. Я и не думал снова доверяться этим скользким камням.

Мне было неудобно, но я оставался на столбе: я боялся переменить положение. Я знал, что наверху меня скорее заметят, когда настанет утро, и с берега пошлют на помощь.

И помощь пришла. Едва заря занялась над морским горизонтом, я увидел шлюпку, несущуюся ко мне с берега. Наконец-то! Гарри Блю сидел на веслах.

Не стану распространяться о том, как Гарри Блю смеялся над моими страхами, как бережно снял он меня со столба и положил на дно лодки и как смеялся надо мной, когда я рассказал ему о гибели тузика и о своих опасениях. Он сказал, что беда невелика; и с того дня он ни разу больше не вспомнил о погибшем тузике.

Глава XIV

ЗАВТРА — В ПЕРУ!

Приключение на рифе не оказало на меня никакого влияния: я не разлюбил моря. Пожалуй, я еще больше его полюбил именно за опасности.

Мне захотелось увидеть чужие страны, пересечь океан, побывать у дальних берегов. Каждый раз, когда я глядел на бухту, эта мысль приходила мне в голову. Когда я видел на горизонте белые паруса, я думал, как счастливы должны быть те, которые плывут на этих кораблях. С удовольствием поменялся бы я местами с последним матросом из экипажа.

Может быть, меня бы не так тянуло в море, если бы домашняя моя жизнь сложилась получше: если бы у меня были добрый отец и любящая мать. Но мой сердитый старый дядя совершенно не думал обо мне, и, не чувствуя никакого влечения к дому, я еще больше стремился в океан.

На ферме я работал, не разгибая спины, с утра до вечера. К такому образу жизни меня совсем не влекло. Черная работа только разжигала мои стремления увидеть те красочные сцены, о которых я читал в книгах, о которых рассказывали матросы, бывшие рыбаки из нашего поселка, приходившие на побывку в родные места. Они толковали о львах, тиграх, слонах, крокодилах, обезьянах величиной с человека, о змеях, длинных, как якорный канат. Завлекательные рассказы о приключениях, которые они испытали, наполняли меня бешеным желанием увидеть собственными глазами редких животных, поохотиться за ними и захватить их живьем. Коротко говоря, мне надоела тупая, однообразная домашняя жизнь, которая в моем представлении была возможна только у нас, в Англии, потому что, судя по рассказам моряков, все остальные страны были битком набиты манящими приключениями, дикими зверями и удивительными происшествиями.

Помню одного молодого парня, который прокатился на остров Мэн и вернулся с такими рассказами о своих приключениях среди чернокожих и удавов¹, что я ему страшно

¹ Остров Мэн находится в двух часах езды от побережья Англии. Естественно, что никаких чернокожих и удавов там нет.

завидовал. Я неплохо знал правописание и арифметику, но о географии имел самые туманные представления. У нас в школе на нее обращали мало внимания. Поэтому я толком не знал, где находится остров Мэн, но решил при первой возможности съездить туда и поглядеть на чудеса, о которых рассказывал парень. Конечно, это было для меня сложным предприятием, но я не терял надежды, что мне удастся его осуществить. В особых случаях между нашим поселком и островом ходила шхуна, и я рассчитывал совершить на ней это трудное плавание. Я решил добраться туда во что бы то ни стало. Я вошел в приятельские отношения с некоторыми матросами шхуны и просил их взять меня с собой, когда они тронутся в путь.

Но пока я терпеливо дожидался счастливого случая, произошло нечто окончательно заполонившее мои мозги, и я забыл и о шхуне, и об острове.

Километрах в восьми от нашего поселка, на берегу той же бухты, находился большой город, настоящий морской порт, в который заходили большие корабли — трехмачтовые суда, ходившие по всем морям с торговыми грузами.

В один прекрасный день мне посчастливилось отправиться в город вместе с дядиным батраком, который вез на продажу овощи и молоко. Меня послали в качестве помощника — смотреть за лошадью, пока он будет торговать.

Наша тележка случайно поехала мимо пристани, и я получил прекрасную возможность увидеть громадные суда, стоявшие вдоль набережной, и полюбоваться их высокими, стройными мачтами и изящной оснасткой.

Мы остановились около одного корабля, который особенно мне понравился. Он был больше всех соседних судов, и его красиво суживающиеся кверху мачты поднимались на несколько метров выше остальных. Но не величина и изящный вид корабля привлекли мое внимание: самое интересное заключалось в том, что корабль на другой день должен был отплыть. Я узнал это по доске, подвешенной к снастям, на которой было написано: «„ИНКА“ отправляется в Перу завтра».

Сердце мое забило от страха, хотя истинной причиной моего волнения была странная мысль, которая молнией сверкнула в моем мозгу, как только я прочитал короткую фразу: «Отправляется в Перу завтра».

Не отправиться ли мне завтра в Перу? Почему бы и нет?

Но тут возникло множество препятствий. Во-первых, дядюшкин батрак, который находился рядом и который должен был привезти меня домой. Не имело смысла просить у него разрешения съездить в Перу. Во-вторых, надо было, чтоб меня захотели взять с собой корабельщики. Я не был так наивен, чтоб не подумать о громадной сумме денег, которую должно стоить длительное путешествие. А без денег никто не взял бы на борт даже маленького мальчика.

Денег на поездку у меня не было. Как же мне попасть в число пассажиров?

Я уже говорил, что все эти мысли промелькнули у меня в голове с быстротой молнии. Через несколько минут я уже пришел к заключению, что обязательно должен отправиться в Перу завтра.

В какой части света находится это Перу, я не знал. Я умел читать, писать и знал арифметику. Последнюю я знал неплохо, потому что наш школьный учитель очень ее любил. Мы занимались главным образом арифметикой, географии же мы почти не учили. Вот почему я не имел понятия, где находится Перу, хотя и знал, что оно существует на свете.

Матросы, приходившие на побывку, говорили о Перу, что это жаркая страна и плавание до нее от Англии занимает шесть месяцев. Говорили, что эта страна изобилует золотоносными жилами, чернокожими, змеями и пальмами. Для меня этого было достаточно: именно о такой стране я мечтал. Словом, решено: я еду в Перу на «Инке». Но где взять деньги и как избавиться от Джона с его тележкой? Впрочем, первое казалось мне не очень трудным. Я много слышал о мальчиках, которые убегали в море, поступали на корабли юнгами и впоследствии становились хорошими матросами. Я думал: достаточно сильному и ловкому парню пожелать поступить в юнги, чтоб его сейчас же приняли на судно. Я сомневался только в росте, потому что я был маленький, казался меньше своего возраста, несмотря на крепкое сложение и закаленность. Я всегда стеснялся своего небольшого роста и боялся, что только потому меня не возьмут в юнги. Я всерьез решил наняться юнгой на «Инку».

Я не знал, как избавиться от Джона. Сперва я думал просто удрать и предоставить ему возвратиться домой без меня. Но, подумав, я решил, что из этого ничего не выйдет.

Джон утром вернется с людьми, — возможно, даже с дядей, — и меня будут искать. Возможно, что они придут как раз перед отплытием, потому что корабли редко отплывают рано утром. О моем побеге объявят на площадях. Весь город взбудоражится, сделают обыск на судах, найдут меня и вручат дяде, который отвезет меня домой и жесточайшим образом выпорет.

Я слишком хорошо изучил дядюшкин характер, чтоб представить себе иной конец моего побега. Нет, нет, не имеет никакого смысла бежать от Джона с его тележкой.

Хорошо, что я поспешил отложить побег: это дало мне возможность выработать гораздо лучший план. Я решил бежать непосредственно из дому.

Стараясь ничем не вызвать подозрения Джона, я уселся в тележку и отправился назад в поселок. Казалось, что со мной ничего не произошло, и я вернулся домой, сохраняя наружно тот же беззаботный вид, с которым утром отправился в город.

Глава XV

Я УБЕГАЮ ИЗ ДОМУ

Мы приехали на ферму поздно вечером. Весь остаток вечера я старался вести себя так, чтоб не возбудить ничьих подозрений. Родственники и работники — никто не догадывался о важном решении, которое я принял и мысль о котором временами заставляла мое сердце сжиматься.

Были минуты, когда я начинал жалеть о нем. Глядя на привычные лица домашних — все-таки это был мой дом и другого у меня не было — и думая о том, что я их больше никогда не увижу, что некоторые из них, может быть, будут тосковать обо мне, я уже почти отказывался от своего плана. Если б кто-нибудь в ту минуту посоветовал мне остаться дома, я бы остался. Конечно, через некоторое время моя любовь к воде все равно снова увлекла бы меня в море.

Вам кажется странным, что я не обратился за советом к старому другу, Гарри Блю? Увы! Это было невозможно:

Гарри был слишком далеко. Он бросил свое ремесло, ему надоели лодки. Несколько месяцев назад он продал свой ялик и поступил матросом в торговый флот.

Если бы Гарри был дома, быть может, меня не так тянуло бы в море. Но с тех пор как он уехал, мне каждый день и час хотелось последовать его примеру. Каждый раз, когда я смотрел на море, меня страшно тянуло уйти в плавание. Чувство это трудно объяснить. Заключенный в тюрьме не испытывает такого настойчивого желания выйти на свободу и не глядит через прутья решетки с такой тоской, с какой я глядел на морскую синеву и стремился уйти далеко-далеко, за дальние моря. Если бы Гарри жил в поселке, я еще подумал бы. Но мой лучший друг был в море. У меня не было никого, с кем бы я мог поделиться своей тайной. На ферме был один молодой работник, которому я доверял. Двадцать раз я пытался рассказать ему о своем плане, но слова застревали у меня в глотке. Больше всего я боялся, что он начнет меня отговаривать и, если я останусь при своем убеждении, выдаст меня.

Я поужинал и лег в постель, как обычно.

Вы думаете, что ночью я встал и сбежал из дому? Как бы не так! Я лежал в постели до утра. Спал я очень мало и во сне видел большие корабли, волнующееся море, верхушки мачт, просмоленные веревки. Я карабкался по веревкам, натирая себе волдыри на ладонях.

Сначала я предполагал удрать ночью. У нас в поселке не было воров, и двери на ночь закрывались только на задвижку. Дверь дядиного дома по случаю жаркого летнего времени была и вовсе открыта настежь. Я бы мог удрать, даже не скрипнув дверью.

Но, несмотря на юный возраст, у меня неплохо работали мозги. Я сразу сообразил, что ранним утром на ферме хватятся меня и начнут искать. Преследователи быстро доберутся до гавани и наверняка схватят беглеца. С таким же успехом я мог бы убежать от Джона, когда мы стояли в гавани. Кроме того, до города всего семь-восемь километров. Я явлюсь туда слишком рано, люди на судне еще только начнут вставать, а капитан, наверно, будет в постели, и я не смогу поговорить с ним.

Я решил остаться дома до утра и обуздать свое нетерпение. Я позавтракал со всеми. Кто-то заметил, что я необычайно бледен. Джон объяснил, что я вчера провел целый

день на солнце, и работники согласились, что это резонная причина.

Я взял игрушечный кораблик, который так забавлял меня в часы досуга. Была суббота, а по субботам в школе не было занятий и мальчишки, у которых были игрушечные корабли: шлюпы, шхуны, бриги,— устраивали на пруду гонки. Не было ничего подозрительного в том, что я отправился к пруду, бережно обняв свой кораблик.

Я миновал двор фермы, дошел до парка, вошел в него и добрался до самого пруда, по которому уже на полных парусах неслись кораблики моих друзей. «Что-то будет,— подумал я,— если я сейчас скажу ребятам, куда я иду? Какой шум поднимется!»

Мальчики радостно меня встретили. Я был занят на ферме по целым дням и довольно редко с ними виделся; еще реже принимал я участие в играх.

Но когда игрушечный флот закончил свой первый рейс через пруд и мой кораблик пришел первым, я распрощался с ребятами и, взяв кораблик под мышку, зашагал дальше.

Я перелез через стену парка, еще раз поглядел издали на друзей моего детства. Слезы выступили у меня на глазах: я знал, что оставляю их навсегда.

Скоро добрался я до шоссе, которое вело в город, но не пошел по нему, а направился кружным путем, через окрестные рощи, чтоб не встречаться с односельчанами. Я не знал, в котором часу уходит «Инка», и это меня сильно беспокоило. Если бы я пришел слишком рано, меня могли бы еще поймать и вернуть. С другой стороны, явись я слишком поздно — я не попал бы на судно, а это было бы еще хуже, чем угодить в руки дядиных работников.

Мне и в голову не приходило, что капитан может отклонить мои услуги. Я позабыл о своем маленьком росте: дерзость моего замысла поднимала меня в собственных глазах. Я считал себя взрослым.

Я пробрался через лес, не встретив ни лесничего, ни охотников. Дальше предстояло идти через открытое поле, но я так удалился от поселка, что не было опасности встретить здесь знакомых. Дорога все время шла по самому берегу моря, и я следовал вдоль нее. Наконец вдали показался лес мачт,— значит, я шел правильно.

Я перебирался через канавы и ручьи, перелезал через изгороди, топтал чужие огороды и в конце концов достиг городских предместий. Без отдыха двинулся я дальше,

нашел улицу, которая вела к пристани. Над крышами домов виднелись мачты, и сердце мое забилось, когда я поглядел на самую высокую из них, с вымпелом, гордо реявшим по ветру.

Пожирая взглядом этот вымпел, я пробежал по широкой доске, взобрался по трапу и через секунду стоял на палубе «Инки».

Глава XVI

«ИНКА» И ЕЕ ЭКИПАЖ

Я остановился возле люка, куда пять-шесть матросов спускали на лебедке ящики и бочонки. На них были грубые куртки, теплые фуфайки и широкие холщовые штаны, выпачканные жиром и дегтем. Один из них был в синей куртке и таких же штанах, и я принял его за помощника капитана. Я был глубоко уверен, что капитан такого большого судна — великий человек и одет с ослепительной роскошью.

Человек в синей куртке отдавал распоряжения, которые, как я заметил, не всегда исполнялись беспрекословно: часто слышались возражения и возникали даже споры. На борту военного корабля не может быть никаких вопросов и замечаний, все приказы офицера исполняются без рассуждений. Здесь, на торговом судне, дело обстояло по-другому. Как я понял, к приказам помощника матросы относились как к советам и подчинялись им не всегда.

Конечно, дисциплина зависит от характера помощника, но на «Инке» она была, по-видимому, в упадке.

Крики, визг блоков, грохот ящиков, скрип талей смешивались в одно целое и создавали невероятный шум. Никогда в жизни я не слышал такого шума и несколько минут стоял совершенно оглушенный.

Наконец наступила относительная тишина: спускали в трюм огромную бочку и бережно устанавливали ее на место. Один из матросов заметил меня, насмешливо прищурился и крикнул:

— Эй! Коротышка! Что нужно? Отправляешься в плавание?

— Что ты,— сказал другой,— он сам капитан! Видишь, у него собственный корабль под мышкой!

Я забыл, что в руках у меня была моя игрушечная шхуна.

— Эй, на шхуне! — заорал третий. — Куда держишь курс?

Грянул взрыв хохота. Матросы разглядывали меня с оскорбительным любопытством.

Я стоял и молчал, ошеломленный встречей, которую мне устроили эти морские волки. Тут помощник подошел ко мне и более серьезным тоном спросил, что мне нужно.

Я сказал, что хочу поговорить с капитаном. Я был в полной уверенности, что где-то здесь есть капитан и что с ним-то и следует говорить о таком важном деле.

— С капитаном? — повторил помощник. — Зачем тебе капитан, малыш? Я — его помощник. Может быть, этого достаточно?

Секунду я колебался, но затем подумал, что раз передо мной стоит заместитель капитана, то лучше будет прямо объявить ему о своих намерениях. И я выпалил:

— Я хочу стать матросом!

Полагаю, что громче они никогда не хохотали. Поднялся настоящий рев, к которому и помощник присоединился от всего сердца.

Со всех сторон посыпались веселые замечания.

— Гляди, гляди, Билл, — кричал один из них, обращаясь к кому-то в стороне, — гляди, паренек хочет стать матросом. Лопни мои глаза! Ах ты сморчок, два вершка от горшка, да у тебя силенок не хватает закрепить снасть! Матро-о-ос! Лопни мои глаза!

— А мать твоя знает, куда тебя занесло? — осведомился Билл.

— Клянусь, что нет, — ответил за меня третий, — и отец тоже не знает. Ручаюсь, парень сбежал из дому. Ведь ты смылся потихоньку, а, карапузик?

— Послушай, малыш, — сказал помощник, — я тебе советую: вернись к маме, передай старушке привет от меня и скажи ей, чтоб она привязала тебя к стулу тесемкой от нижней юбки и держала бы так годиков пять-шесть, пока ты не вырастешь.

Новый взрыв хохота. Я растерялся, не зная, что ответить.

— У меня нет матери, — пролепетал я.

Суровые лица моряков смягчились. Раздались даже замечания, но помощник продолжал:

— Тогда передай отцу, чтоб он задал тебе хорошую трепку.

— У меня нет отца!

— Бедняга, он сирота,— жалостливо сказал один из матросов.

— Нет отца,— продолжал беспощадный помощник,— тогда отправляйся к бабушке, дяде, тетке или куда хочешь, чтобы тебя здесь не было, а не то я привяжу тебя к мачте и угощу ремнем. Марш, понял?

По-видимому, он не шутил. Я обиженно удалился, дошел до трапа и собирался сойти по доске, как вдруг увидел похожего на купца человека в черном сюртуке и касторовой шляпе, который шел мне навстречу. Однако что-то в нем было от моряка: обветренное лицо, острые суровые глаза, характерные для людей, живущих на воде. И брюки у него были из синей морской ткани. Мне пришло в голову, что это и есть капитан.

Незнакомец взошел на палубу, как хозяин. Я услышал, как он на ходу бросал приказания тоном, не допускающим возражений. Он не остановился на палубе, а решительно направился к шканцам¹.

Следовало обратиться к нему непосредственно! Я побежал за ним.

Мне удалось проскочить мимо помощника и матросов, которые пытались перехватить меня на бегу, и я настиг капитана у самых дверей его каюты.

Я ухватил его за полу.

Он удивленно обернулся и спросил, что мне нужно.

Я коротко изложил свою просьбу. Он улыбнулся и крикнул кому-то из матросов:

— Уотерс! Возьмите карапуза на плечи и выставьте его на берег!

Тут он скрылся. Крепкие руки Уотерса подхватили меня, пронесли по трапу, вынесли на набережную и поставили на мостовую.

— Ну, ну, рыбешка,— сказал он,— послушай Джека Уотерса, держись до поры до времени подальше от соленой воды, чтоб акулы тебя не цапнули.

Он поглядел на меня внимательно.

¹ Шканцы — часть палубы между грот-мачтой и бизань-мачтой (то есть между второй и третьей мачтами), на которой обычно находились капитанский мостик и каюта.

— Ты сирота, а, малыш? Ни отца, ни матери?

— Никого,— сказал я.

— Жаль! Я тоже был сиротой. Хорошо, что ты так рано потянулся в море, это чего-нибудь да стоит. Будь я капитан — я бы взял тебя. Но понимаешь, я только матрос и не могу тебе помочь. Когда-нибудь мы вернемся, а ты за это время подрастешь. Вот, возьми эту штуку на память и вспомни обо мне, когда мы снова будем стоять в гавани. Тогда я, может быть, выхлопочу тебе койку. А теперь — до свидания! Иди домой, будь хорошим мальчиком и оставайся на суше, пока не вырастешь.

Добродушный матрос протянул мне свой нож и быстро избежал по сходням на борт.

Я остался на набережной и долго смотрел ему вслед. Я машинально положил нож в карман, но долго не мог сдвинуться с места.

Глава XVII

НЕ ВЫШЕЛ РОСТОМ!

Ничего утешительного я не мог придумать. Пожалуй, никогда еще в жизни я не был так огорчен. Разлетелись в дым все мои мечты о том, как я буду брать рифы на парусах, как я увижу чужие страны. Все мои планы окончательно рухнули.

Мне казалось, что я унижен и опозорен. Казалось, что все прохожие знают, как меня прогнали и в каком жалком положении я нахожусь. На палубе, у бортов, я увидел ухмыляющиеся лица матросов. Некоторые громко смеялись.

В негодовании я зашагал в сторону от этого места. На набережной были разбросаны мешки с товарами, стояли большие ящики, бочки. Между ними образовались щели и проулки. Я залез в один из таких проулков, чтоб меня никто не видел, и только тут почувствовал себя несколько легче. Я сел на ящик меньших размеров и принялся раздумывать.

Что мне делать? Отбросить все мечты о море и вернуться на ферму к ворчливому старому дяде?

Вы скажете, что это было бы самым разумным выходом из положения. Может быть, вы и правы, но мне такой

выход и в голову не приходил. Вернее, я решительно отбросил его, как только он пришел мне в голову.

«Нет, — думал я, — не сдамся, я не побегу, как трус. Сделал решительный шаг, сделаю и второй. Что в том, что меня не хотят брать на это большое гордое судно? В порту стоят десятки других. На любом из них будут мне рады. Я перепробую все, прежде чем переменею свое решение.

Отчего мне отказали? Отчего? Неизвестно. Ах, да! Маленький рост! Говорили, что я слишком мал, чтоб быть матросом. Но юнгой-то я могу быть? Бывали юнги и поменьше меня. Интересно: каков мой рост? Эх, будь у меня плотничий «сантиметр» — я бы измерил себя. Жаль, что я не сделал этого дома. Нельзя ли здесь измерить рост? Не может быть, чтоб нельзя было». Тут мои размышления прервались, потому что я заметил на одном из ящиков надпись мелом: «4 фута»¹. По-видимому, кто-то обозначил длину ящика, потому что в высоту он не мог иметь четыре фута. Возможно, это была пометка плотника или она была сделана для матросов, чтобы они знали, как грузить ящик. С помощью этой пометки я высчитал свой рост с точностью до сантиметра.

Я поступил так: лег на землю, пятками к краю ящика, выпрямился и нащупал рукой макушку. Сравнив свой рост с длиной ящика, я высчитал, что во мне сто двадцать сантиметров.

Я поднялся на ноги, обескураженный этой цифрой. Сто двадцать сантиметров! Значит, я совсем маленький!

Никак не думал, что я такой коротышка. Каждый мальчик считает себя почти мужчиной. А тут я убедился, что я очень мал. Нет ничего удивительного в том, что Джек Уотерс назвал меня рыбешкой, а другие — сморчком и карапузиком.

Убедившись, что я совершеннейший лилипут, я впал в мрачное настроение. Теперь я чувствовал, что меня не возьмут ни на одно судно. Не бывало еще юнги такого маленького роста. Наоборот, мне случалось видеть рослых парней, которые служили в командах бригов и шхун, посещавших нашу гавань, и которых почему-то именовали мальчиками. Нет, дело безнадежное. Придется мне вернуться домой.

¹ Фут — английская мера, чуть больше 30 сантиметров.

Но я продолжал сидеть на ящике и раздумывать. Уже в раннем детстве ум мой был склонен к изобретательству. Скоро у меня зародился новый план, который, как мне казалось, вполне годился, чтобы осуществить мое первоначальное намерение.

Тут помогла память. Я вспомнил истории про мальчиков и взрослых, которые тайком прокрадывались на суда и уходили с ними в море. Когда суда отходили далеко от берега, беглецы покидали свои убежища и продолжали путешествие в качестве матросов.

Я думал об этом еще раньше, но сейчас разом принял решение: я спрячусь где-нибудь на судне, — пожалуй, даже на том самом, с которого меня так грубо прогнали. Этот корабль отчалит быстрее других. Да и по правде сказать, если б дюжина кораблей уходила в море одновременно, я выбрал бы именно «Инку».

Вы удивитесь, почему именно ее, но это легко объяснить. Я был так обижен на моряков, особенно на помощника, за невежливое обращение, что решил отомстить им и сыграть с ними шутку. Я знал, что они не выбросят меня за борт. За исключением помощника, все они были люди не злые. Конечно, они не упустили случая пошутить надо мной, но некоторые из них пожалели меня, когда узнали, что я сирота.

Итак, решено: я отправляюсь в плавание на «Инке», наперекор капитану, помощнику и команде!

Глава XVIII Я ПРОНИКАЮ НА КОРАБЛЬ

Как пробраться на корабль? И как укрыться на нем? Вот какие трудности передо мной стояли. Я мог снова явиться на палубу «Инки» только с расчетом быть снова же изгнанным.

Нельзя ли подкупить кого-нибудь из матросов? Но чем? У меня не было денег. Все мое имущество состояло из потрепанного платья и игрушечной шхуны. Я мог бы отдать шхуну, но вряд ли кто-нибудь возьмет вещь, которую он сам легко может смастерить. Нет, матроса не подкупишь игрушкой, нечего и думать об этом...

Вспомнил! У меня есть ценность — часы. Обыкновенные старомодные серебряные часы. Стоят они, конечно, не много, но идут хорошо. Я получил их от покойной матери вместе с другими, более ценными часами, но те присвоил себе дядя. Старые серебряные я повсюду таскал с собой, и, к счастью, они были и сейчас при мне. Неужели Уотерс или кто-нибудь из матросов откажется от часов в уплату за то, чтоб спрятать меня на борту до отплытия корабля? Я решил попытать счастья.

Довольно трудно будет теперь потолковать с Уотерсом или с матросами. Придется шататься вокруг «Инки», пока я не встречу кого-нибудь из них на берегу и не поговорю с ним с глазу на глаз.

Я надеялся, что на крайний случай мне удастся и самому пробраться на судно, особенно вечером, когда матросы кончают работу и уходят на нижнюю палубу. В таком случае я мог бы даже не сговариваться с матросами. В темноте я мог бы пройти мимо вахтенных и спрятаться где-нибудь внизу. Нет сомнения, что нетрудно было бы мне найти убежище между бесчисленными ящиками и бочками.

Но у меня были другие сомнения. Не снимется ли «Инка» с якоря до наступления вечера? И не достигнет ли меня дядя с работниками?

Признаться, первое меня не очень волновало. На судне красовалась все та же вывеска: «„Инка“ отправляется в Перу завтра». Не похоже было, чтобы судно собиралось отплыть сегодня, тем более что на набережной еще лежало множество тюков с товарами, несомненно предназначенными для «Инки». Кроме того, я не раз слышал, что суда дальнего назначения отправляются не очень-то аккуратно.

Следовательно, «Инка» вряд ли уйдет сегодня и ночью я смогу пробраться на борт.

Тут выступила на сцену другая опасность — попасть в руки преследователей и очутиться дома. Но по зрелом размышлении я признал и эту опасность не очень основательной.

Вряд ли на ферме хватятся меня до вечера, да и вечером вряд ли будут меня искать, рассчитывая, что ночью я сам вынужден буду вернуться. Значит, об этом можно и вовсе не беспокоиться.

Я рассчитывал, что мне придется скрываться на судне не меньше двадцати четырех часов, может быть, больше.

Нельзя было оставаться без еды. Но где запастись едой? Я уже говорил, что у меня не было ни одного пени, и я не знал, как мне раздобыть денег.

Тут мне пришла в голову превосходная идея: я мог продать игрушечную шхуну и на вырученные деньги купить еду!

Игрушечный кораблик больше не был мне нужен, и избавиться от него было бы очень кстати.

Итак, я вышел из своего убежища и отправился искать покупателя.

Я нашел его в игрушечной лавке, которая торговала всем, что может быть интересно детям, живущим у морских берегов. Поторговавшись немного с хозяином, я продал кораблик за шиллинг. По-настоящему моя шхуна стоила в пять раз больше, но торгош сразу понял, что я нуждаюсь в деньгах, и воспользовался этим. Теперь у меня были деньги. Я купил у бакалейщика на шесть пенсов сыру и на столько же сухарей, рассовал провизию по карманам и вернулся в тайничок между ящиками.

Я был голоден — на ферме в это время обедали, — и сыр, и сухари пришлось, кстати, груз в моих карманах сразу заметно уменьшился.

Приближался вечер, и я решил выйти на разведку. Надо было сообразить, в каком месте легче всего было бы взобраться на борт, когда придет время. Матросы могли увидеть, как я гуляю около судна, но, конечно, им бы не пришло в голову, что я делаю это с определенной целью. В лучшем случае, они могли бы меня заметить и начать снова насмехаться надо мной. Тогда я бы стал отвечать им и, пользуясь этим, высмотрел бы все, что мне было нужно.

Не теряя ни минуты, я начал прогуливаться по набережной с нарочито небрежным видом. Я остановился около «Инки». Палуба судна опустилась почти до уровня набережной, потому что нагруженная «Инка» сидела теперь гораздо глубже, но высокие перила совершенно закрывали от меня палубу. Я сразу заметил, что нетрудно будет с набережной влезть на поручни и проникнуть на судно, держась за ванты¹. Конечно, надо пользоваться вантами с большой осторожностью: если ночь будет не слишком темная и вахтенный матрос меня заметит, все будет

¹ Ванты — снасти, которыми укрепляются с боков и сзади мачты.

кончено — меня схватят, примут за вора и посадят в тюрьму. Я рисковал многим.

На судне было тихо. Не слышно было ни шума, ни голосов. Товары все еще лежали на набережной, — значит, погрузка не кончилась. Но матросы прекратили работу, на трапе и вокруг люка никого не было. Куда они делись?

Крадучись я поднялся до середины трапа. Передо мной была вся корма и палуба. Не видно было ни синей куртки помощника, ни засаленных курток матросов. По-видимому, весь экипаж отсутствовал.

Я остановился и прислушался. Откуда-то из передней части судна до меня донеслись заглушенные голоса.

Кто-то прошел мимо трапа, неся с собой большой дымящийся бак с кофе. Без сомнения, команда ужинала, а это был кок¹. Вот почему работа прекратилась и матросы ушли.

Отчасти из любопытства, отчасти побуждаемый новой идеей, которая появилась у меня в голове, я поднялся на палубу. Матросы сидели на носу: некоторые расположились возле брашпиля², другие прямо на палубе, с оловянными тарелками и с ножами. Никто из них не смотрел в мою сторону. Все их внимание было сосредоточено на коке и на дымящемся котле с кофе.

Я оглянулся — никого. Новая мысль осенила меня.

— Теперь или никогда! — пробормотал я.

И без оглядки побежал по палубе к основанию грот-мачты³.

Теперь я находился у самого края открытого люка. Лестницы не было, но с талей⁴ свисала веревка, конец которой уходил вниз, в трюм.

Я попробовал веревку, повис на ней — она не поддавалась. Тогда я, часто перебирая руками, спустился по ней вниз. Счастье, что я не сломал шеи; я отделался только сотрясением, потому что упал на дно. Тотчас поднявшись на ноги, перелез я через несколько расставленных в беспорядке ящичков и спрятался за большой бочкой. Кругом были полный мрак и тишина.

¹ Кок — корабельный повар.

² Брашпиль — горизонтальный ворот, употребляемый для подъема якоря.

³ Грот-мачта — средняя мачта на корабле.

⁴ Тали — снасти, протянутые между двумя блоками, с коренным концом, крепленным у одного из блоков.

Глава XIX

УРА! МЫ ОТЧАЛИВАЕМ!

Прикорнув за бочкой, я крепко заснул. Даже колокольный звон не разбудил бы меня. Я мало спал в последнюю ночь, да и предыдущая была немногим лучше, потому что мы с Джоном очень рано поднялись, чтобы поспеть на базар. Усталость и волнение окончательно подкосили мои силы, и я спал как убитый.

Сам не понимаю, как меня не разбудил шум погрузки: блоки визжали, ящики с грохотом опускались в трюм, но я ничего не слышал.

Проснувшись, я решил, что уже глубокая ночь. Вокруг меня был полный мрак. По моему ощущению, я спал очень долго. Раньше полоска света падала в трюм из люка, но сейчас она исчезла.

«Который может быть час? Должно быть, матросы уже храпят, покачиваясь в своих подвесных койках... Скоро ли рассвет? Не слышно ли чего?»

Я прислушался. Не нужно было обладать хорошим слухом, чтобы уловить звуки падения больших предметов. Как видно, на палубе еще шла погрузка. Я смутно слышал голоса. Иногда до меня отчетливо доносилось: «Налегай!», «О-хе!», «Наддай еще!».

«Неужели они даже ночью не прекращают работы? Однако это было бы странно. Может быть, они хотят захватить прилив или попутный ветер и потому так спешат?»

Прошел час, но беготня и стук не прекращались.

«Какие работы! — подумал я. — Должно быть, времени у них немного. Правда, объявление о том, что судно уходит в Перу «завтра», оказалось неверным третьего дня, но вчера оно, пожалуй, стало верным. К утру мы действительно отчалим. Тем лучше! Я скорей выберусь отсюда. Неважная у меня здесь постель, да и есть хочется».

Я снова набросился на сухари и сыр и поглощал их с большим аппетитом, хотя и не привык есть ночью. Шум на палубе не прекращался.

«Ого! Они будут работать до утра! Бедняги, работа тяжелая, но, без сомнения, они получают за нее двойную плату».

Вдруг шум прекратился, и наступила полная тишина.

«Кончили погрузку, — сообразил я, — теперь они ложатся спать. Уже близок рассвет, хотя еще темно. Ладно, я тоже лягу спать».

Я снова улегся, но не мог заснуть. Прошло около часа, и снова до меня донесся стук ящиков.

«Опять! Они не спали и часа. Стоило ли ложиться?»

Я прислушался. Сверху, как и раньше, доносились лязг, скрежет, визг блоков.

«Странные у них нравы, — подумал я, — пока половина команды работает, другая спит. Пришла смена».

На этом я успокоился, но уснуть уже не мог. Ни одна ночь в моей жизни не тянулась так долго. Матросы работали, отдыхали часок и вновь принимались за работу, но утро все не приходило.

Мне пришло в голову, что я спал. Ощущение времени было потеряно. Мне казалось, что прошло несколько минут, но странно было, что за эти несколько минут я трижды ощущал голод и мои запасы сухарей и сыра совершенно истощились.

Наконец шум совершенно прекратился. Несколько часов, по-видимому, царил полная тишина, и я заснул по-настоящему.

Проснувшись, я снова услышал шум, но звуки были иного рода. Звуки эти казались мне музыкой, потому что я смутно слышал характерный скрип лебедки и громыхание большой цепи. И хотя, находясь в глубине трюма, трудно наверняка определить источник шума, но я догадывался, что происходило наверху.

Наверху поднимали якорь — судно отправлялось в плавание! Я с трудом удержался от радостного восклицания. Нельзя было кричать, меня могли услышать. Рано было еще выдавать себя. Я знал, что меня немедленно выволокут из трюма и отправят на берег. Я сидел тихо, как мышь, и слушал, как большая цепь с грохотом ползла через клюз¹.

Затем до меня долетел новый звук: он напоминал шум ветра, но я знал, что это плеск моря вокруг бортов корабля. Я был вне себя от восторга. Я понял, что судно движется!

Ура! Мы отчалили!

¹ К л ю з — отверстие в борту судна для якорной цепи.

Глава XX

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Судно двигалось, вода плескалась у бортов. Все это говорило о том, что мы отошли от пристани и движемся вперед. Я был счастлив: опасность вернуться на ферму миновала. Теперь подо мной соленая вода, а через двадцать четыре часа я буду далеко от берега, среди просторов Атлантики, где никто меня не настигнет и не вернет назад. Удачный исход моего плана опьянял меня.

Странно только, что судно ушло в море ночью — кругом все еще царил полный мрак; но, должно быть, у них имеется опытный лоцман, который знает все выходы из бухты настолько хорошо, что может вывести судно в открытое море в любое время суток.

Меня несколько удивляла необыкновенно длинная ночь — в этом было даже что-то таинственное. Должно быть, заснув накануне, я проспал весь следующий день и слил две ночи в одну. Но я был так рад отплытию, что не стал долго ломать голову над этой загадкой. В конце концов не имело значения, днем или ночью мы отчалили, лишь бы благополучно выйти в открытое море. Я улегся и стал ждать желанной минуты, когда я смогу выйти на палубу.

Я с нетерпением ждал этой минуты по двум соображениям. Во-первых, мне очень хотелось пить. Соленый сыр и черствые сухари вызвали жестокую жажду, и я готов был отдать остаток провизии за чашку воды.

Во-вторых, я отлежал себе бока, валяясь на голых досках, скрючившись из-за недостатка места. Все тело мое болело, я едва мог повернуться, но лежать было еще хуже. Наверняка я проспал весь день — иначе я не мог бы утомиться до такой степени!

Несколько часов без перерыва я вертелся во все стороны, страдая от жажды и ломоты в костях.

Мне очень хотелось поскорее покинуть узенькую нору и выйти на палубу, но я заставлял себя сидеть смирно и ждать.

Я знал, что по портовым правилам полагается выходить из бухты в море, имея лоцмана на борту, и если меня за это время обнаружат в трюме, то доставят на берег в лоцманской шлюпке и все мои усилия пропадут даром.

Да и не будь здесь лоцмана, меня могли пересадить на любую рыбацью лодку или охранное судно и отвезти обратно в порт.

Обдумав все это, я решил превозмочь и жажду, и усталость и оставаться в убежище.

В течение часа или двух судно легко скользило по воде. Должно быть, погода была тихая. «Инка» находилась еще в бухте. Потом началась качка, и шум волн усилился. Волны били у борта, и под их ударами потрескивали шпангоуты¹. Но в этом не было ничего страшного. Как видно, мы выходили в открытое море, где ветер всегда свежее, а волны выше.

«Скоро лоцман вернется на берег, — думал я, — тогда я смогу выйти на палубу».

По правде сказать, перспективы у меня были не очень-то веселые: встреча с грубым помощником и насмешливыми матросами. Возможно, что они рассвирепеют, когда увидят, какую штуку я с ними сыграл, и еще, чего доброго, избьют меня. Я не ждал, что они примут меня слишком вежливо, и с удовольствием уклонился бы от такой встречи.

Но иначе поступить было невозможно. Я не мог сделать весь рейс, сидя в трюме, то есть провести несколько недель или даже месяцев без еды и питья. Придется выйти на палубу.

Среди этих грустных размышлений я вдруг почувствовал томление, резко отличавшееся от моих нравственных страданий. Это было физическое недомогание, худшее, чем жажда и усталость, — какая-то новая беда. Голова закружилась, на лбу выступил пот, явились приступы тошноты. Я задышался, чувствовал тяжесть в груди и горле, как будто кто-то давил мне на ребра и сжимал легкие. Я ощущал гнилой запах стоячей воды, которая скопляется обычно в глубине трюмов, и слышал, как она булькала под настилом. Судя по всем симптомам, это была обыкновенная морская болезнь.

Я не очень испугался. Просто я чувствовал себя все хуже. Это было неудивительно в моем положении: жажда жгла меня, а кругом не было питьевой воды. Я был убеж-

ден, что стакан воды прекратил бы тошноту и облегчил бы меня. Я все отдал бы за один глоток.

Ужас перед лоцманской шлюпкой помогал мне крепиться первое время. Но качка становилась все резче, а запах стоячей воды все тошнотворнее. Внутренности мои выворачивались наизнанку.

«Наверно, лоцман уже уехал, — подумал я, — так или иначе, я больше не могу здесь оставаться. Надо выйти на палубу, иначе я умру».

Я поднялся и вылез из тайничка; шел я ощупью, придерживаясь бочки, достиг уже отверстия, через которое влез в тайник. Тут, к величайшему моему изумлению, я увидел, что оно закрыто.

Я не верил себе. Несколько раз я ощупал ящики. Без всякого сомнения, отверстие заставлено! Повсюду мои руки натыкались на вертикальную стену, которая представляла собой боковую сторону огромного ящика. Ящик этот стоял как раз в промежутке между бочкой и стенкой трюма и был поставлен так аккуратно, что не было щели, в которую я мог бы просунуть палец. Я попытался сдвинуть ящик руками, напряг все силы, потом надавил плечом — бесполезно. Я не мог даже пошатнуть его. Это был огромный короб для тяжелого груза. Даже силач вряд ли сдвинул бы его с места, а уж обо мне и говорить не приходилось.

Я вернулся в свою нору, надеясь проскользнуть позади бочки и обогнуть ящик с тыла. Новое разочарование. Даже руку нельзя просунуть в промежуток между знакомой мне бочкой и другой, точно таких же размеров. Мышь с трудом проскользнула бы между первой и второй, которая вдобавок плотно прилегала к стене трюма.

Я попытался вскарабкаться на бочку, чтоб уйти верхним путем, но и там меня ждало разочарование. Между верхним днищем бочки и бимсом¹, протянутым наверху поперек трюма, оставалось лишь несколько сантиметров, и даже при моем маленьком росте я не мог пролезть в эту щель.

Теперь представьте себе сами, что я почувствовал, когда убедился, что заперт в трюме, замурован, погребен под тяжестью груза!

¹ Шпангоуты — ребра судна, изогнутые балки, идущие в обе стороны от киля. Они служат основанием для накладки бортов.

¹ Бимсы — поперечные балки между бортами.

Глава XXI

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ

Теперь я понял, почему ночь показалась мне такой длинной. Свет не доходил до меня. Ящик закрывал мне свет. Прошел целый день, а я принял его за ночь. Я думал, что матросы работали ночью, в то время как они работали днем. Не одна, а две ночи и целый день прошли с тех пор, как я спустился в трюм. Неудивительно, что я ощущал голод, жажду и боль во всем теле. Короткие перерывы в работе матросов наверху означали завтрак и обед. Длинный перерыв перед тем, как подняли якорь, означал вторую ночь: все спали и было тихо.

Я заснул сейчас же после того, как спрятался за бочкой. Это было вечером, и я проспал сладко и крепко до следующего полудня. Погрузка продолжалась, я ничего не слышал — и меня загородили ящиком.

Не сразу я понял весь ужас моего положения. Я был заперт и понемногу убеждался, что все усилия освободиться ни к чему не приведут. Оставалось лишь надеяться на крепкие мышцы матросов: если они сумели нагромоздить надо мной эти ящики, то сумеют и вторично их переставить, чтобы проложить мне дорогу. Надо было только крикнуть и обратить на себя внимание.

Увы! Мне в голову не приходило, что мои отчаянные вопли могут вовсе не быть услышаны; я не подозревал, что люк, через который я опустился на канате в трюм, был теперь плотно закрыт тяжелым щитом, что поверх щита была натянута толстая просмоленная парусина и что вряд ли в этом положении произойдет какая-нибудь перемена до конца путешествия. Если бы люк даже не был прикрыт, и то меня бы не услышали. Мой голос затерялся бы среди сотен тюков и ящиков, пропал бы в беспрестанном рокоте волн, плещущих о борта корабля.

Вначале, как вы знаете, я не очень беспокоился. Я думал только, что мне придется долго ждать глотка воды, в которой я очень нуждался, потому что команде понадобится много времени, чтобы раздвинуть ящики и привести меня в чувство.

И только после того, как я накричался до хрипоты и вдоволь настучался в доски борта, и снова закричал, и снова не дождался ответа, — только тогда начал я вполне

понимать ужас своего положения. У меня не было никакой надежды на спасение: я был заживо погребен!

Я еще кричал, вопил, звал на помощь. Не помню, сколько это продолжалось. Я совершенно выбился из сил.

Я прислушивался — ответа не было. Я слышал только жалобное эхо собственного голоса. Он возвращался ко мне, словно отраженный темнотой, царившей в закоулках трюма. Пока судно стояло на месте и волны не шумели у его бортов, до меня доходили крики и песни матросов. Но теперь я ничего не слышал. К тому же люк был наглухо закрыт.

Если я не слышу сильных матросских голосов, то как они могут услышать мой слабый голос?

«Они не слышат меня, — думал я, — и никогда не услышат. Никогда не придут на помощь! Я должен умереть!»

Это убеждение во мне крепло. К мукам морской болезни присоединилось отчаяние. Силы меня покидали, и наконец я свалился, как мешок.

Долго лежал я так. Мне хотелось умереть. Если б я мог, я ускорил бы течение событий. Но даже обладай я оружием — я не мог бы покончить с собой: у меня не хватило бы сил. Впрочем, у меня и было оружие, но я совершенно забыл о нем. Вас удивляет, что я хотел умереть? Но поставьте себя на мое место, и вы поймете, что значит ужас отчаяния. Желаю вам, чтобы вы никогда его не испытали.

Я был убежден, что умираю. Но я ошибался: люди не умирают ни от морской болезни, ни от отчаяния. Мальчики также. Вообще, жизнь сидит в нас прочно и от нее не так легко отделаться.

Я впал в бесчувственное состояние и долго не мог прийти в себя.

Понемногу я очнулся. Странное дело: мне захотелось есть. Морская болезнь, как известно, обостряет аппетит. Но хуже голода была жажда, которую я никак не мог удовлетворить. С голодом дело обстояло легче: у меня в кармане сохранились еще куски сухарей.

Не стоит рассказывать вам обо всех моих переживаниях. Долго находился я в полном отчаянии. Несколько часов я пролежал без движения, почти в бреду и наконец задремал.

Слишком долго я бодрствовал, и слишком устал мой мозг. Несчастье утомило меня. Я отупел от страданий — вот почему я опять заснул.

Глава XXII

ЖАЖДА

Спал я мало и беспокойно и видел во сне опасности и тревожения. Но действительность была опаснее снов. Очнувшись, я не сразу понял, где нахожусь. Только подняв руки, я вспомнил, в какую беду попал: руки мои повсюду натыкались на деревянные стены темницы. Я едва мог повернуться в ней. Мальчику нормального роста и вовсе негде было бы здесь повернуться.

Как только я осознал свое положение, я снова закричал изо всех сил. Я еще не совсем потерял надежду, что меня услышат, хотя, как вы знаете, надо мной громоздились целые этажи груза и люк был плотно закрыт.

Хорошо еще, что я не сразу узнал всю правду: она могла бы свести меня с ума. Проблески надежды воодушевили меня, и я решил твердо взглянуть в лицо судьбе.

Мои крики неслись с промежутками: я уставал, набирая сил и снова кричал. Но ответа все не было, промежутки становились все длиннее, пока наконец я не замолк.

Несколько часов еще я находился в состоянии полного безразличия. Но физические муки напоминали о себе, и, несмотря на оцепенение, я чувствовал, что схожу с ума от жажды. Никогда я не подозревал, что человек может так мучиться от отсутствия глотка воды. Читая рассказы о путешественниках в пустыне и о потерпевших крушение моряках, умирающих от жажды, я всегда думал, что их страдания преувеличены. Как все английские дети, я вырос во влажном климате, в местности, богатой ручейками и источниками, и никогда не страдал от жажды. Иногда, заигравшись в поле или на морском берегу, я чувствовал неприятную сухость в горле, которую мы называем жаждой, но это мимолетное ощущение вполне вознаграждалось глотком чистой воды, и даже отрадно было его терпеть, зная, что впереди тебя ждет утоление. В таких случаях мы бываем настолько терпеливы, что отказываемся от воды из случайного пруда в поисках чистого колодца или прозрачного ключа.

Но это еще не жажда. Это только первая и самая низшая ее степень — степень, граничащая с удовольствием. Представьте себе, что вокруг вас нет ни колодцев, ни

ручья, ни пруда, ни канала, ни озера, ни реки — на сотни километров нет свежей воды, нет ничего такого, что могло бы утолить вашу жажду, — и тогда ваши переживания превратятся в болезненное страдание.

В сущности, я еще не очень страдал: не так долго я был без воды. Я уверен, что до того мне случалось подольше обходиться без нее. Но я не обращал на это никакого внимания, потому что знал, что утолить жажду ничего не стоит. Но теперь, когда не было никакой надежды раздобыть воду, жажда томила меня, как предсмертная агония.

Я не страдал от голода. Оставалось несколько сухарей в кармане, но, будь я вдвое голоднее, я не решился бы их есть. Они только увеличили бы жажду. Так ведь и случилось в последний раз. Мое воспаленное горло требовало воды, и вода казалась мне драгоценнейшим благом в мире.

Это были муки Тантала. В нескольких шагах от меня, у бортов корабля, плескалась вода. Пусть соленая, морская, пусть не годная для питья, но все-таки вода, и это раздражающе равномерное бульканье еще больше увеличивало мои мучения.

Безусловно, жажда меня убьет; весь вопрос во времени. Я читал о людях, которые в несколько дней умирали от жажды: кажется, они жили по шесть-семь дней. Точного срока я не мог припомнить. Но как мог я проработать еще шесть-семь дней, когда мучения сегодняшнего дня уже казались мне невыносимыми! Страшно думать о будущем — уж лучше скорей бы смерти!

Однако надежда воскресла. Когда отчаяние мое достигло предела, до слуха долетел ничтожный звук, который сразу переменял все течение моих мыслей и заставил меня забыть весь ужас моего положения.

Какой это был чудесный звук!

Глава XXIII

СЛАДОСТНЫЙ ЗВУК

Я прислонился к одному из распоров корабля, пересекавшему мою келью сверху донизу и делившему ее на две равные части; я принял такое положение, чтобы отдохнуть от лежания на голых досках. Я испробовал уже тысячу

всяких положений: пытался сидеть, стоять, пригибая голову, лежать на боку, на спине, даже на животе. Теперь я стоял согнувшись, потому что потолок моей каюты был ниже моего роста. Спина моя опиралась о распор, а голова свесилась набок, и я почти принял ею к большой бочке.

И вот до моего уха, прильнувшего вплотную к крепким дубовым клепкам, донесся блаженный звук.

Очень просто было определить этот звук: я его всегда хорошо знал. Это было бульканье воды внутри бочки. Вода булькала, потому что судно качалось; качалась и бочка, не слишком устойчиво стоявшая в трюме.

Первый всплеск воды прозвучал для меня как музыка. Но я не верил себе, я хотел еще раз убедиться, что это так.

Я прижался щекой к дубовым клепкам и прислушался, затаив дыхание. Ждать пришлось довольно долго, потому что как раз в этот момент судно шло тихо, с едва заметной раскачкой. Но наконец оно качнулось и я был вознагражден. Буль-буль-буль! Без сомнения, в бочке вода! Я закричал от радости. Я чувствовал себя, как утопающий, который неожиданно коснулся берега.

От радости я чуть не лишился чувств. Голова у меня закружилась, и я откинулся назад в полубморочном состоянии.

Однако новый приступ жажды заставил меня очнуться. Я потянулся к бочке.

Зачем? Ну, конечно, для того, чтобы найти втулку, вынуть ее и пить, пить без конца!

Увы! Радость померкла, едва родившись. Правда, не сразу. Я обшарил всю выпуклую поверхность бочки; я ощупал ее кругом; я пересчитал все клепки, изучил каждый сантиметр с тщательностью слепца. В конце концов я убедился, что втулки на этой стороне бочки нет.

Скорее всего она находилась на противоположной стороне, на самом верхе. Впрочем, раз я не мог достать до нее, мне было все равно, где она находится.

Я искал другое отверстие, я знал, что в каждой большой бочке делается еще одно отверстие для крана, которое помещается посередине, в то время как втулка обычно бывает наверху или внизу; но и этого отверстия я не нашел. Зато я убедился, что с обеих сторон к бочке плотно приставлены ящики и еще одна бочка.

Мне пришлось в голову, что и в соседней бочке может быть вода, и я отправился на разведку, но сразу же на-

ткнулся на крепкий дубовый обруч, который не давал мне возможности даже ощупать вторую бочку.

Итак, я получил новое доказательство своей беспомощности, и мною овладел сильный приступ отчаяния. Я слышал бульканье воды в каких-нибудь трех сантиметрах от меня и не мог добраться до нее! Чего бы не отдал я сейчас за каплю воды, чтобы смочить горящее горло!

Если б у меня был топор и если б высота моей кельи позволяла им размахнуться, я расщепил бы огромную бочку и яростно стал бы глотать ее содержимое. Но у меня не было ни топора, ни какого-нибудь другого оружия. И дубовые клепки были так же непреодолимы для меня, как если бы они были сделаны из железа. Даже доберись я до втулки — я все равно не мог бы вынуть затычку пальцами: для этого нужен инструмент.

Не помню, что я предпринял дальше. От слабости мое сознание притупилось. Кажется, я встал и, пошатываясь, подошел к бочке, машинально ощупал ее поверхность, попробовал сдвинуть с нее ящик и, убедившись в бесплодности всех усилий, улегся снова.

Не помню, сколько времени длился упадок сил: но помню обстоятельство, которое снова пробудило меня к жизни.

Глава XXIV БОЧКА ПРОБУРАВЛЕНА

Я растянулся на голых досках, лежа на правом боку и подложив руку под голову. Ворочаясь на своем неудобном ложе, я почувствовал что-то твердое у себя под боком: казалось, выступ доски давит мне на бедро. Мне даже стало больно. Я приподнялся и подсунул руку под бедро, но ничего не нашел там. Твердый предмет находился в кармане моих штанов.

Что бы это могло быть? Я совершенно не догадывался. Может быть, сухарь? Но сухари лежали в карманах куртки и не могли попасть в штаны. Я ощупал странный предмет — он был очень твердый и длинный. Но все-таки я не мог понять, что это такое: ведь, кроме сыра и сухарей, у меня ничего не было.

Я приподнялся, запустил руку в карман и только тогда сообразил: твердый и длинный предмет, который впился мне в бедро, был не что иное, как нож, — нож, подаренный мне матросом Уотерсом!

Я машинально сунул его в карман тогда на набережной и совершенно забыл о нем.

Это открытие не произвело на меня, как сейчас вспоминаю, никакого особенного впечатления. Я подумал о славном матросе, который оказался так добродушен по сравнению с сердитым помощником. Помню, такая же мысль промелькнула у меня и на набережной, когда я получил нож.

Я вынул нож, положил его рядом, чтоб он не мешал мне, и снова улегся.

Не успел я еще по-настоящему устроиться, как вдруг мой мозг озаарила идея, которая заставила меня подскочить, как будто я лежал на раскаленном железе.

Нет, это была не физическая боль, а неожиданно вспыхнувшая надежда!

Ведь этим ножом я могу проделать дыру в бочке и добраться до воды!

Мысль эта была так проста, что я ни на секунду не сомневался в легкости ее выполнения. Добраться до содержимого бочки казалось так легко, что отчаяние во мне мгновенно сменилось надеждой. Я пошарил кругом, достал нож. Я не успел как следует познакомиться с ним на набережной, когда получил его от матроса. Теперь я изучил его самым тщательным образом, вернее, ощупал, чтобы решить, как им лучше воспользоваться.

Это был большой складной карманный нож с ручкой из оленьего рога, с одним-единственным клинком — такие ножи матросы обычно носят на шнурке, надетом на шею и проходящем через специальную дырочку в черенке. Клинок был прямой, с удлиненным концом, острый как бритва. Утолщенная сторона клинка была очень прочная, как нельзя более кстати: нужен был исключительно крепкий клинок, чтобы провертеть дыру в дубовой клепке.

Это был инструмент, как бы специально созданный для такой работы, — не хуже любого долота. Ручка и клинок были одинаковой величины, а весь нож в раскрытом виде имел не менее двадцати пяти сантиметров в длину.

Я нарочно так подробно описываю нож. Он стоит большого: если бы не он, меня сейчас не было бы в живых.

Итак, я открыл нож, ощупал лезвие, стараясь с ним освоиться, потом несколько раз открыл и закрыл, испытывая его упругость, и наконец приступил к работе.

Вас удивляет, что я был так осторожен. По-вашему, при нестерпимой жажде мне следовало поскорей пробуровать бочку и напиться воды? Правда, я весь дрожал от нетерпения, но меня никогда нельзя было назвать безрассудным мальчиком, и сейчас более чем когда-либо я чувствовал необходимость соблюдать осторожность. Меня подстерегала ужасная смерть от жажды. Я должен был во что бы то ни стало пробуровать бочку. Если б с ножом случилось какое-нибудь несчастье, если б клинок сломался или острый конец притупился, я бы, наверное, умер. Нет ничего удивительного в том, что я так тщательно проверял клинок и ручку.

Но если бы я трезво смотрел на вещи, я бы вряд ли так нянчился с ножом; жажду я утолю, а голод? Как быть с едой? Вода — питье, а не еда. Где же я достану еду?

Странно сказать: о еде я не думал. Я еще недостаточно проголодался, и больше всего мне хотелось пить. Позже, увы, я изучил все оттенки голода и страха перед голодной смертью.

Я нащупал на бочке место, где клепка была слегка повреждена. Место я выбрал немного пониже середины, рассудив, что бочка могла быть налита только наполовину. Необходимо было проделать дыру именно ниже поверхности воды, потому что в противном случае мне пришлось бы сверлить другую.

Затем я взялся за работу и скоро обнаружил, что дело идет на лад. Нож вел себя великолепно, и крепкая дубовая клепка уступала превосходной стали. Мало-помалу нож вгрызался в толщу дерева. Стружки я пальцем вынимал из щели и отбрасывал в сторону, чтобы дать простор клинку.

Я работал в темноте больше часа. Я так освоился с темнотой, что совершенно перестал чувствовать себя беспомощным. У меня, как у слепых, обострилось осязание. Я не страдал от отсутствия света, и оно не мешало работе. Я работал далеко не так быстро, как работают плотники с их долотами или бондари со сверлами, но все-таки подвигался вперед. Ямка становилась все глубже. Клепка не могла быть более трех сантиметров толщиной. Значит, скоро я ее продырявлю.

Если бы я не заботился о последствиях, я, может быть, сделал бы это скорей, но я боялся слишком нажимать на клинок, помня старую поговорку: «Торопись побольше, спеши поменьше», и старался осторожно обращаться с драгоценным инструментом.

Прошло больше часа, пока я приблизился к внутренней поверхности клепки. По глубине проделанного отверстия я определил, что скоро конец работе.

Теперь у меня дрожали руки. Сердце стучало. Странная мысль приходила в голову, ужасное сомнение меня беспокоило — сомнение в том, вода ли это?

И раньше я думал об этом, но сейчас я волновался.

Что, если это вовсе не вода, если это ром, или водка, или даже вино? Все эти напитки утоляют жажду только на мгновение, потом она еще больше разгорается. Если это не вода, я погиб! Тогда я умру, как многие от алкоголя. Вот уже влага просачивается под ножом через дерево.

Я боялся сделать последний надрез — боялся ужасного исхода. Но жажда мучила меня. Я надавил, и последние волокна уступили.

В то же мгновение из бочки брызнула холодная упругая струя. Она обожгла руку, в которой я сжимал нож, и сразу наполнила рукав.

Еще один поворот ножа, чтобы расширить отверстие. Струя бьет, как из кишки. Я прижимаюсь губами к отверстию и пью. Это не водка, не вино — это вода, холодная, вкусная, как влага родника!

Глава XXV

ВТУЛКА

Как жадно я пил чудесную воду! Казалось, я никогда не напьюсь. Только пресытившись, я оторвался от отверстия.

Впрочем, через короткое время я снова прильнул к бочке. Еще и еще. Я пил, пока не почувствовал, что жажда больше не томит меня, что страдания забыты.

Даже самое яркое воображение не способно представить мучений жажды: нужно испытать их самому, чтоб судить о них. Вы можете судить о жестокости этих страданий по тому, что люди, которых мучит жажда, ничем не брезгают, чтобы утолить ее. И все же, как только страда-

ние окончилось, оно исчезает, как сон. Жажда — наиболее легкоисцелимое страдание.

Итак, я больше не мучился от жажды, я насытился влагой.

Но вел я себя осторожно: переставая пить, я затыкал дырку указательным пальцем. Инстинкт подсказывал мне, что нельзя бессмысленно тратить драгоценную влагу, и я ему повиновался.

Под конец мне надоело придерживать струю пальцем, и я стал искать затычку. Я обшарил все кругом, но не мог раздобыть правой рукой ничего подходящего. Левой рукой я зажимал отверстие и боялся сдвинуться с места, чтоб тонкая струйка не превратилась, чего доброго, в поток.

Я достал из кармана остаток сыра. Но он раскрошился, как только я поднес его к отверстию. Его просто вырвало у меня из пальцев напором водяной струи. Сухари тоже никуда не годились. Что делать?

Тут мне показалось, что я могу заткнуть дыру куском материи от куртки. Грубый материал будет как раз к стати.

Не теряя времени, я отрезал ножом лоскут от полы и лезвием просунул его в дыру. Он вполне заменил палец, но скоро он промокнет. Это затычка временная. Надо было пошарить кругом и найти что-нибудь получше. Теперь я снова мог размышлять, но размышления снова привели меня к отчаянию. Я избежал смерти от жажды, но для чего? Для того, чтобы продлить мучения? Еще несколько часов, и я умру от голода. Выхода не было. Мой маленький запас пищи почти уничтожен. Два сухаря и пригоршня крошек сыра — вот все, что у меня было. Я мог еще раз поесть, а потом — потом голод, гнетущий голод, потом слабость, истощение, смерть!

Мучась от жажды, я, как ни странно, о голоде не думал. Вернее, я мало думал о нем. Иногда мне приходила в голову мысль о возможности такого исхода. Но теперь, избавившись от жажды, я понял, что голод будет не менее жесток, и чувство благополучия снова сменилось тревогой.

Впрочем, нет. Это была не тревога: тревога всегда оставляет место надежде. Это была чудовищная уверенность в том, что мне остается прожить два-три дня в невыносимых страданиях.

Я понял твердо, что должен умереть. Не удивляйтесь: поставьте себя в мое положение, и вы поймете, что это был естественный ход мыслей.

Умереть от жажды я не хотел: я уже испытал жажду и убедился, что хуже такой смерти ничего нет. Выбора нет. Умереть от истощения или покончить с собой. Я отказался от самоубийства. Я решил бороться за жизнь до последней минуты.

Мужественное презрение к трусости и лжи заставило меня спокойно взглянуть в лицо смерти.

Я не был ни фантазером, ни трусом. Я был храбрым моряком.

Глава XXVI ЯЩИК С ГАЛЕТАМИ

Итак, я твердо решил, что от собственной руки не умру. Больше того, я решил бороться за жизнь до последнего издыхания. Я разделил свои два сухаря на четыре части, рассчитывая съесть две из них сразу, когда почувствую, что не могу больше переносить голод.

Все более твердо я убеждался в том, что надо бороться за жизнь после того, как мне удалось избавиться от мучений жажды. В глубине души у меня теплилась надежда, что я не погибну от голода; правда, надежда очень слабая, но все же она поддерживала меня.

Понятно, откуда явилась эта уверенность: ведь несколько часов назад мне и в голову не приходило, что я найду воду, а теперь при желании ее хватит на то, чтобы утопиться.

Я съел половину сухаря и запил водой. Потом я заткнул дыру и присел возле бочки.

Больше ничего я не мог предпринять. Ничто не могло мне помочь. Что мне было делать? У меня была только надежда — слабая надежда, потому что я рассчитывал на счастливый случай.

Трудно описать те темные, молчаливые часы, которые я провел около бочки. Иногда во мне снова просыпалось отчаяние, но я старался держать себя в руках.

Примерно через двенадцать часов я съел вторую половину сухаря. Больше я не мог противиться голоду. Но крошечный кусочек сухаря не насытил меня. Я выпил много воды, но влага не утоляла голода.

Еще через шесть часов я съел третью порцию, но даже не почувствовал, что я ел. Я был голоден, как и раньше.

Прошло еще, кажется, около трех часов. Храброе решение растянуть четыре порции на несколько дней оказалось бессмысленным. Дня не прошло, а все сухари исчезли.

Что же дальше? Что есть? Я был голоден, как и раньше.

Я подумал о своих башмаках. Я читал о людях, которые поддерживали себя тем, что жевали сапоги, пояса, гетры, сумки и седла — одним словом, все, что делается из кожи. Кожа — органическое вещество и даже после дублирования сохраняет в себе небольшое количество питательных элементов. Потому я и подумал о башмаках.

Я наклонился, чтобы развязать их, но в этот момент что-то холодное прокатилось у меня по затылку. Это была струя воды. Тряпку вышибло из дыры, из бочки текла вода и заливалась мне за ворот.

Я заткнул отверстие пальцем, подобрал тряпку и снова закупорил бочку.

Это повторялось не раз, и я потерял порядочно воды даром. Тряпка промокла и легко поддавалась напору воды. Если я засну, большая часть воды утечет. Надо найти затычку получше.

Я обыскал весь пол моей кабины в надежде наткнуться на пучок соломы, но ничего не нашел.

Я попытался отщипить ножом планку от большой балки трюма, но она оказалась сделанной из очень крепкого крашеного дуба, и я долго не мог отделить достаточно большой кусок дерева; под конец я, может быть, и добился бы своего, но тут мне пришлось в голову взяться лучше за ящик, сколоченный из обыкновенных еловых досок. От него легче отделить щепку, чем от твердого дуба, и, кроме того, мягкое еловое дерево гораздо больше годится для затычек, чем дуб.

Я стал ощупывать ящик в поисках лучшего места для работы ножом. Я нашел наверху уголок, в котором боковая доска несколько выдавалась над крышкой, всадил лезвие в щель и начал действовать, прижимая его книзу и работая им одновременно как долотом и как клином. Через несколько секунд уже я убедился, что вся боковая доска держится плохо. Гвозди были забиты в нее кое-как, часть их торчала концами наружу. По-видимому, ящик упаковывали небрежно. Во всяком случае, вся боковая стенка была настолько слаба, что качалась у меня под пальцами.

Я вынул клинок. Не имело смысла работать ножом, когда можно было легко оторвать планку руками. Я подсунил нож под угол доски, ухватился за нее рукой и дернул изо всех сил.

Планка поддалась, затрещала, полетели гвозди. Затем я услышал новый звук — шорох чего-то твердого, что сыпалось из ящика и со стуком падало на пол.

Интересно было узнать, что это такое, не правда ли? Я поширил руками по полу и ухватил два каких-то кусочка одинакового вида и твердости. И когда я ощупал их пальцами, я не мог удержаться от радостного крика.

Я уже говорил, что осязание у меня обострилось, как у слепого; но даже с нормальным осязанием я тотчас бы определил, что это за куски. Тут не было никаких сомнений: это были галеты!

Глава XXVII БОЧОНОК С ВОДКОЙ

Да, это были галеты — величиной с блюдце и толщиной сантиметра в полтора, круглые, гладкие, темно-коричневого цвета: я так уверенно определил цвет потому, что знал, что это подлинные морские галеты, так называемые матросские, в отличие от пшеничных «капитанских» галет, которые, по-моему, уступают первым и вкусом, и питательностью.

До чего вкусными показались они мне! Я поднес одну из них ко рту, откусил — какая чудесная еда! — и скоро уничтожил всю. За ней последовала вторая, потом третья, четвертая, пятая... Может быть, я съел их и больше, не помню; я не считал, пока не насытился. И кроме того, я все время запивал их водой из бочки.

За всю жизнь не запомню более вкусной еды, чем эти галеты с водой. Дело было не только в насыщении — хотя само по себе утоление голода уже представляло собой удовольствие, — дело было в приятнейшем сознании, что жизнь спасена благодаря моей настойчивости и что несколько минут назад я еще находился на краю гибели.

С таким запасом я мог жить теперь недели и месяцы. Темноты я не боялся и мог спокойно ждать, пока судно закончит рейс и трюм освободят от груза.

Я обследовал ящик и окончательно убедился, что я в безопасности: галеты пересыпались у меня под пальцами, ударяясь друг о друга, они постукивали, как кастаньеты.

Этот звук был для меня музыкой. Я погружал руки все глубже в ящик, я перебирал его содержимое и наслаждался, как скряга, перебирающий золотые монеты. Казалось, я никогда не устану рыться в галетах, щупать, как они толсты и велики, вынимать их из ящика, бросать обратно, перемешивать их так и этак. Я играл ими, как ребенок игрушками, и много времени прошло, пока эта детская игра мне надоела.

Я убежден, что простоял у ящика около часа, пока не успокоился совершенно.

Трудно описать, что испытывает человек, ускользнувший от смерти. Избегать опасности — совсем другое дело, потому что в редких случаях в опасности отсутствует хотя бы маленькая надежда на благополучный исход. Но здесь, после того как смерть казалась неизбежной, переход от отчаяния к радости, к безбрежному счастью бывает так резок, что доводит до потрясения. Люди иногда умирают или сходят с ума от счастья.

Но я не умер и не сошел с ума. Хотя, глядя со стороны, можно было подумать, что я потерял рассудок.

Впрочем, одно обстоятельство довольно скоро привело меня в чувство: вода вытекала из бочки. Отверстие открылось. С ужасом сделал я это наблюдение. Я не знал, давно ли течет вода: шум морских волн заглушал все звуки в трюме. Вода просачивалась, падала на пол и уходила под доски. Может быть, это началось с тех пор, как я в последний раз пил. Не помню, заткнул ли я тогда отверстие тряпкой: уж очень я волновался. Вероятно, ушло попусту уже порядочно воды — и снова я был полон беспокойства.

Еще час назад я не очень испугался бы такой потери. Я был уверен, что воды мне хватит на все время, покуда не выйдет пища, то есть покуда я буду жив. Но теперь я думал по-другому: теперь сроки моей жизни удлинились. Возможно, мне придется пить из этой бочки несколько месяцев. Каждая капля теперь дорога. Если случится, что вода иссякнет до того, как корабль войдет в порт, то я снова окажусь под страхом смерти от жажды. Понятно, почему я так испугался, увидев, что вода вытекает. Я моментально заткнул отверстие пальцем, потом снова взялся за изготовление настоящей деревянной втулки.

Без особого труда я отколол от крышки ящика подходящую щепку, заострил ее клином и подогнал к размерам отверстия. Мягкое дерево уступало острому клинку.

Спасибо тебе, честный моряк! Спасибо за подарок! Я очень жалел, что пробил отверстие так низко. В свое время, однако, это было благоразумно: я думал только о том, как бы скорее утолить жажду.

Хорошо, что я вовремя спохватился: если бы бочка опорожнилась до уровня отверстия, остатка хватило бы на неделю, не больше.

Как ни старался я установить размеры утечки, я ничего не мог придумать. Я щелкал по бочке ножом, думая догадаться по звуку. Но потрескивание шпангоутов и шум волн сильно мешали мне. Получался как будто полный гулкий звук, что означало большую потерю. Невеселое открытие. Пришлось оставить этот способ. К счастью, отверстие было маленькое, не больше мизинца, которым я его затыкал.

Только за большой промежуток времени при такой тоненькой струе могло уйти так много воды. Я тщетно старался припомнить, когда я в последний раз пил, но напрасно: мне казалось, что это было только сейчас. В таком смятии чувств трудно заметить время. Пришлось отказаться и от этого способа.

Долго я стоял, изобретая метод, которым легче всего было бы определить оставшееся в бочке количество воды. Час назад я думал о пище. Раньше я беспокоился о воде и теперь снова вернулся к воде, потому что пищи у меня было сколько угодно.

Я слышал, что пивовары, бондари и таможенные надзиратели в доках определяют количество жидкости в бочке, не прибегая к измерениям, но не знал, как это делается, и очень жалел об этом.

Был, правда, один способ измерить бочку: зная из физики закон сообщающихся сосудов, по которому жидкость в них всегда стоит на одном уровне, я мог бы ввести в отверстие бочки трубку или кишку, соединенную с другим сосудом, и тотчас же увидел бы, сколько еще у меня осталось воды. Но у меня не было ни трубки, ни кишки, ни другого сосуда, и от этой идеи пришлось отказаться.

Тут же я придумал новый план, настолько простой, что я удивился, как не додумался до него раньше. Просто следовало проделать другую дыру, повыше, потом еще одну и

так далее, пока вода перестанет течь. Самая верхняя дыра покажет мне уровень жидкости, остальные же можно будет заткнуть втулками.

Конечно, предстояло основательно поработать, но другого выхода не было. Кстати, работа меня развлечет, и я не буду тосковать, сидя без дела в темноте. Я уже готов был приступить к работе, когда мне пришлось в голову проверить сначала дыру в другой бочке, стоявшей в конце моей крошечной камеры. Если и та, другая, тоже окажется с водой, то я могу путешествовать сколько угодно: двух таких огромных бочек хватит надолго.

Без промедления я стал сверлить вторую бочку. Я работал спокойно, так как моя жизнь, в сущности, от этого не зависела. И все же я был сильно разочарован, когда из новой дырочки брызнула не вода, а чистейшая водка.

Снова я вернулся к первой бочке, наметил клепку и стал ее буравить.

Через час или около того последний тонкий слой дерева начал поддаваться ножу. Я волновался немного: хотя непосредственной опасности умереть от жажды больше не было, но будущее было достаточно туманно; неудивительно, что я вскрикнул от радости, когда холодная струйка воды полилась по моему лезвию. Я быстро закупорил отверстие и перешел к другой клепке, повыше.

И эта клепка через некоторое время поддалась и смочила мои пальцы влагой.

Еще выше — тот же результат.

Еще выше — здесь уже не было воды. Я находился почти у самой крышки. В предыдущей дырочке еще была вода, — следовательно, уровень ее находился между двумя последними дырками, а это значило, что бочка полна на три четверти. Превосходно! Хватит на несколько месяцев!

Вполне удовлетворенный, я уселся и съел галету с таким удовольствием, словно это был черепаховый суп и оленье жаркое за столом у самого лорд-мэра.

Глава XXVIII

ПЕРЕХОЖУ НА ПАЙКИ

Я был совершенно удовлетворен. Ничто меня не беспокоило. Перспектива просидеть шесть месяцев взаперти, может быть, была бы неприятна при других обстоятель-

ствах, но теперь, испытав ужасный страх мучительной смерти, я относился к ней спокойно. Я решил терпеливо перенести свое долгое заключение.

Шесть месяцев предстояло мне провести в унылой тюрьме, шесть месяцев — никак не меньше. Вряд ли меня освободят раньше чем через полгода. Долгий срок — даже для пленного или преступника, в светлой камере, с постелью и очагом, когда ежедневно слышны звуки человеческих голосов. Даже при всех этих преимуществах находиться взаперти шесть месяцев — тяжелое испытание.

Мое заключение гораздо хуже. Я стеснен в узкой норе, где я не могу ни стоять в полный рост, ни лежать вытянувшись; нет ни подстилки, ни огня, ни света; я дышу затхлым воздухом, валяюсь на жестких дубовых досках, питаюсь хлебом и водой — самой грубой пищей, которую только способен есть человек, и так без малейших изменений, не слыша ничего, кроме беспрестанного поскрипывания шпангоутов и монотонного плеска океанской волны, — так должен я провести шесть месяцев.

Однако я не унывал. Я был так рад избавлению от смерти, что не заботился о том, как буду жить в ближайшее время, хотя наверняка мне предстояло скучнейшее существование.

Но при всем этом я не терял головы. Я решил точно измерить свои запасы пищи и питья, чтобы определить, хватит ли их до конца путешествия. Сначала я не сомневался, что такого большого ящика галет и такого неистощимого запаса воды мне хватит на бесконечное время. Но потом я стал рассудительнее. Капля долбит камень, и самый большой запас воды может истощиться за долгий срок, а ведь мне предстояло находиться в трюме шесть месяцев, то есть около двухсот дней.

После некоторого раздумья я пришел к заключению, что надо установить, сколько и чего у меня есть. Если воды и питья больше, чем надо, то я не буду вовсе о них думать. Но если есть хоть малейшее сомнение, хватит ли моего запаса до конца путешествия, то мне придется перейти на сокращенные пайки.

Когда я думаю теперь о тех временах, я удивляюсь, как благоразумен я был в столь раннем возрасте. Странно, до чего осторожно и предусмотрительно может вести себя ребенок, когда инстинкт самосохранения руководит его поступками.

Я немедленно приступил к расчетам. Я положил на путешествие шесть месяцев, то есть сто восемьдесят три дня. Неделю, которая прошла с момента отплытия, я не принимал во внимание, так как боялся преуменьшить истинный срок плавания. Но мог ли я быть уверенным, что за эти шесть месяцев корабль придет в порт и будет разгружен? Мог ли я доверять этим ста восьмидесяти трем дням?

Нет, не мог. Я не был уверен. Обычно считалось, что путешествие в Перу занимает шесть месяцев. Но я не знал, составляют ли эти шесть месяцев среднюю продолжительность плавания, или это кратчайший срок. У меня не было ни одной точной цифры, на которой я мог бы основываться.

Корабль мог задержаться из-за штилей в тропических широтах, из-за бурь вблизи мыса Горн, знаменитого неустойчивостью своих ветров; он мог задержаться и по другим причинам, и путешествие невольно продлилось бы дольше ожидаемого срока.

С такими мыслями начал я изучать свои запасы. Было нетрудно определить, на сколько хватит мне галет: следовало только сосчитать их. Судя по их величине, мне достаточно было двух штук в день. Даже одна в день может поддерживать жизнь. Я решил быть поэкономней.

Излишне было выкладывать галеты из ящика для подсчета: в длину ящик имел девяносто сантиметров, в ширину — шестьдесят и в глубину — тридцать, а круглые галеты имели пятнадцать сантиметров в диаметре при толщине в два сантиметра. Таким образом, в ящике было ровно тридцать дюжин галет.

В сущности, перебрать галеты поштучно было для меня не работой, а развлечением. Я вынул их из ящика и разложил дюжинами. Оказалось ровно тридцать; только в одном столбике не хватало восьми галет, которые я уже съел.

Значит, было триста шестьдесят галет минус восемь, что составляет ровно триста пятьдесят две. Если съедать две в день, то запаса хватит на сто семьдесят шесть дней. Это немного меньше шести месяцев. Но ведь я не был уверен, что мы будем путешествовать ровно полгода. Значит, я должен съедать меньше двух галет в день.

А что, если рядом стоит еще один ящик с галетами? Вот что освободило бы меня от всех расчетов! Я был бы застрахован. Почему бы ему и не быть?

При нагрузке судна считаются не с сортом товаров, но исключительно с их весом и формой упаковки; таким образом, самые разнородные предметы оказываются рядом благодаря размерам ящика, тюка или бочки, в которую они заключены. Я знал об этом, но отчего не предположить, что два совершенно одинаковых ящика галет стоят рядом.

Но как убедиться в этом? Я не мог узнать, что находится за ящиком, даже опустошив его. Я уже говорил, что ящик плотно закупорил то небольшое отверстие, через которое я пролез в эту часть трюма. Я не мог ни взобраться на него, ни подлезть под него.

— Нашел! — воскликнул я вдруг. — Я пролезу через него!

Это было нетрудно. Крышка, которую я оторвал, была отогнута настолько, что я мог свободно пролезть в отверстие. Как раз ко мне был обращен верх ящика, и, всунув в него голову и плечи, я мог пробить отверстие в его дне. А там, может быть, стоит второй ящик с галетами.

Я немедленно привел свой план в действие. Я расширил отверстие, пролез в него и пустил в ход нож. Мягкое дерево легко уступало клинку, но, поработав немного, я сообразил, что следует действовать совсем по-другому. Дело в том, что доски днища были прибиты небрежно. Несколькими ударами молотка можно было бы вышибить их без труда. У меня не было молотка, но я заменил его не менее крепким оружием — каблуками. Я лег на спину, ухватился руками за верхнюю поперечную балку трюма и уперся обеими ногами в стенку ящика. Таким образом, нанеся два или три основательных удара по днищу, я сорвал его с гвоздей и выдавил наружу, пока оно не уперлось во что-то твердое, стоящее позади ящика.

Затем я принял прежнее положение и осмотрел ящик изнутри. Доска была сорвана, но еще держалась. Руками я рванул ее в сторону и придавил книзу. Образовалась дыра, в которую я просунул руку.

Там стоял такой же большой ящик. Надо было определить, что в нем содержится.

Я напряг все силы, привел выломанную мной доску в горизонтальное положение, чтоб она мне не мешала. Второй ящик находился на расстоянии пяти-шести сантиметров от меня. Я приналег на нож и скоро проделал в ящике дыру.

Увы! Надежда найти галеты разлетелась, как дым. В ящике лежала какая-то шерстяная ткань — не то сукно, не то одеяла, — притом так плотно упакованная, что твердостью напоминала кусок дерева.

Больше галет не было. Приходилось довольствоваться сокращенным пайком и по возможности растягивать дольше тот запас, который был в моем распоряжении.

Глава XXIX ЕМКОСТЬ БОЧКИ

Я уложил галеты обратно в ящик, потому что вне ящика они занимали больше чем половину моей кабины и создавали большие неудобства. По этому вы можете судить, как велико было помещение, в котором я жил. Для того чтобы поместить их в проломанный ящик, пришлось ставить галеты на ребро — так, как их укладывают в пекарнях. Они заняли весь ящик, как и раньше, осталось лишь небольшая пустота, соответствующая восьми съеденным галетам.

Теперь я точно знал, сколько чего лежит у меня в кладовой. При норме две галеты в день я должен был продержаться около шести месяцев. Я решил есть меньше, так как не был уверен, что проплаваю ровно шесть месяцев. Я постановил по возможности урезать эту норму на четверть или полгалеты в день, иногда даже на целую галету, с тем чтобы протянуть подольше.

Урегулировав вопрос с едой, я, естественно, решил определить и количество воды, которое мне следует выпивать ежедневно. Но сначала мне это показалось невозможным. Казалось, не было никаких методов для определения количества жидкости в бочке. Передо мной стояла старая винная бочка, из тех, которые на судах употребляют для перевозки пресной воды для команды, но я не знал сортов и размеров винных бочек и не мог определить на глаз, какова ее емкость. Знай я емкость — я мог бы приблизительно определить, сколько я выпил и сколько еще осталось. Особая точность была здесь не нужна.

Я хорошо помнил таблицу мер жидкостей — самую трудную из всех таблиц, которые мы учили в школе. Эта таблица стояла мне немало розог, и я вызубрил ее наизусть.

Я знал, что винные бочки бывают самых различных видов и размеров, смотря для какого вина они сделаны, что их называют в Англии десятком различных слов, смотря по тому, сколько галлонов¹ жидкости в них помещается: от маленьких, вмещающих тридцать галлонов, до огромных, содержащих двести пятьдесят два галлона.

Я знал, что спиртные напитки — бренди, виски, ром и джин — и вина, как, например, херес, портвейн, мадера, tenerиф, малага и другие, перевозятся в бочках емкостью в среднем около сотни галлонов. Я даже вспомнил, сколько галлонов обычно полагается на каждый сорт, так как наш школьный учитель — великий любитель коммерческой арифметики — очень подробно обучал нас мерам жидкостей; и если б я только знал, какое вино раньше возили в этой бочке, я бы моментально сказал, сколько в нее входит. Если бы я ощутил в воде слабый вкус хереса, я сказал бы, что в бочке сто восемь галлонов; но это могла бы быть мадера — тогда здесь только девяносто два галлона. То же самое приходится сказать и про бордо, и про марсалу. Но если в бочке возили портвейн, то емкость ее мгновенно поднимается до ста пятидесяти галлонов. Шотландская водка дает нам сто двадцать галлонов, но вряд ли от нее была эта бочка, потому что слабый привкус шотландской водки всегда можно узнать в воде и через много времени. Эта вода, без сомнения, имела какой-то странный привкус, но по молодости лет и неопытности в напитках я не мог точно сказать, какой именно. Без всякого сомнения, опытный человек, дегустатор², сразу бы сказал, что именно было в этой бочке, потому что винный запах — букет — остается во всякой бочке на протяжении нескольких путешествий. К счастью, в математике моего учителя заключались еще некоторые правила, не относящиеся непосредственно к сортам вина, и я пустил их в дело.

Это была геометрия. Из нее я знал объем куба, параллелепипеда, пирамиды, шара, цилиндра и конуса. Меня особенно интересовал конус.

Я знал, что форма бочки состоит из двух усеченных конусов с общим основанием. Зная, как измерить обыкновенный конус, я, конечно, знал, как измерить и усеченный.

¹ Галлон — 4,5 литра.

² Дегустатор — специалист, определяющий сорт вина.

Чтоб вычислить емкость бочки, необходимо было знать ее высоту (или половину высоты), длину окружности ее основания и длину окружности самой ее широкой части. Зная все это, я мог бы сразу сказать, сколько в ней воды, то есть, другими словами, сколько в ней содержится кубических единиц жидкости.

Итак, необходимо найти три основные величины, в этом и заключалась вся трудность. Как же их найти? Высоту я бы еще измерил кое-как. Но как определить окружности дна и середины бочки? Я не мог достать до них, не мог ни влезть в бочку, ни подлезть под нее.

Кроме того, была еще одна трудность. У меня не было чем мерить — не было никакого инструмента, так что даже в лучшем случае я не мог бы получить нужные мне цифры.

Однако я решил не сдаваться, пока не придумаю чего-нибудь. Кстати, это поможет мне развлечься, да и, кроме того, все это имеет для меня первостепенное значение.

Старик учитель внушал нам, что настойчивость часто приводит к успеху там, где успех кажется невозможным. Вспоминая его наставления, я решил приложить все силы к решению задачи и отказаться от нее, только когда последние силы иссякнут.

И что же: не прошло и нескольких минут, как я придумал способ измерить бочку.

Глава XXX

ЕДИНИЦА МЕРЫ

План мой состоял в следующем.

Мне нужна была жердочка или палочка достаточной длины, чтоб ее можно было ввести в бочку в самом широком месте и достать ею до противоположной стенки. Таким образом я мог сразу измерить диаметр бочки. Умножив диаметр на три, я получил бы длину окружности.

Конечно, результат моих измерений получится не точный математически, но достаточно точный для практических надобностей.

Одно из просверленных раньше отверстий находилось как раз на середине бочки. Если я вставляю в него прутик, я узнаю диаметр.

А мне главным образом и нужен был диаметр, потому

что я не мог просто измерить длину окружности бочки, опоясав ее шнурком в самом широком месте, как это делается обычно, когда есть где повернуться.

Вы скажете, что я мог бы просто приложить свой прутик к бочке снаружи и на глаз определить ее толщину в самом широком месте, что и дало бы мне диаметр.

Конечно, я бы мог легко это сделать, если бы бочка стояла на ровной поверхности, если бы вокруг было достаточно светло, чтобы определить размеры и уровни. Но бочка стояла между балками и подпорками, на неровном полу, а в трюме было темно. Следовательно, я не мог этого сделать.

Итак, я склонился к первому способу — ввести жердочку в отверстие на высоте среднего обруча бочки.

Вы спрашиваете, где взять жердь?

Очень просто. Доска от ящика для галет — вполне подходящий материал.

Но доска имела в длину сантиметров шестьдесят, а диаметр бочки казался гораздо длиннее. Впрочем, из этого положения я очень легко вышел: надо отщепить от доски три планочки и связать их в одну тройную жердь длиной около ста восьмидесяти сантиметров.

Так я и сделал. Я отколол порядочную часть доски и расщепил ее в длину на три части. Сосновая доска вдоль волокон поддавалась легко. Я строгал осторожно, стараясь сделать жердь не слишком толстой и не слишком тонкой.

Потом я отстрогал планки, обрезал концы и подогнал их друг к другу, чтоб их можно было соединить.

Теперь надо было найти, чем их связать. Ничего проще нельзя было и придумать: у меня на ногах красовались высокие башмаки, зашнурованные до самой лодыжки полосками телячьей кожи, каждая в метр длиной. Я выдернул их из дырочек и связал ими планки. Теперь у меня в руках была линейка длиной в полтора сажа сантиметром.

«Прелестно,— подумал я, — вот сейчас мы определим диаметр».

Я попробовал встать на ноги. Трудно описать мое разочарование. Оказалось, что самая простая часть моего плана невыполнима.

Не то чтоб отверстие в бочке было недостаточное или линейка слишком велика. Я рассчитал правильно. Но пространства, в котором мне придется производить измерение, я не учел.

В длину моя кабина имела около двух метров, в ширину — не больше семидесяти сантиметров; но на уровне отверстия было еще меньше места. Таким образом, всунуть линейку в отверстие было невозможно, разве что согнув ее так, что она наверно бы сломалась.

Я пожалел, что не подумал об этом раньше; но очень уж меня захватила идея измерить бочку. Впрочем, поразмыслив еще немного, я нашел способ всунуть линейку в отверстие, не погнув ее.

Следовало развязать линейку и вводить ее туда по частям: сначала ввести первую планку, потом привязать к ней вторую и двигать дальше, пока снаружи останется только кончик, тогда привязать третью.

Это было легко, и через пять минут я осуществил свое намерение — только несколько сантиметров планки не вошло в отверстие.

Осторожно держа в руке кончик линейки, я стал подталкивать ее вперед, пока не почувствовал, что противоположный конец уперся в стенку бочки как раз напротив отверстия. Тогда я сделал на линейке зарубку ножом. Конечно, считать прямо от этой зарубки нельзя было, надо было вычесть толщину стенки бочки, потому что зарубку я сделал на внешней стороне отверстия. Сбросив с общей длины толщину стенки, я получил точный диаметр бочки. Затем так же осторожно я вынул из бочки по частям всю линейку, тщательно замечая места, где планки были связаны, чтоб потом связать их снова на том же месте. Здесь нужна была особая точность, потому что ошибка в каких-нибудь полсантиметра могла повлечь за собой недоучет многих галлонов воды при вычислении емкости бочки.

Теперь у меня был диаметр самой широкой части бочки. Оставалось раздобыть диаметр крышки и днища. Это заняло несколько секунд. Хотя я не мог просунуть руку между бочкой и окружающими ее ящиками, но пропустить между ними линейку мне удалось.

Теперь надо было определить высоту бочки. Казалось, что проще ничего нет, а мне пришлось помучиться, пока я определил ее сколько-нибудь точно. Вы скажете, что для этого достаточно было приставить линейку к бочке и сделать зарубку. Вы забываете, что это было бы легко при дневном свете, а ведь кругом была темнота. Между прямой стоящей линейкой и выпуклой боковой стенкой бочки наверху, естественно, образовалось порядочное расстоя-

ние, а я мог одновременно ощущать что-нибудь одно — верхний край бочки или линейку, но не мог одновременно ощущивать и то и другое, да еще вдобавок отрезок линейки, который торчал над верхним краем бочки. Кроме того, я не был уверен, что линейка у меня стоит прямо, а не косо. Ошибиться, даже на сантиметр, нельзя было, это спутало бы все мои расчеты. Надо было придумать что-то новое.

Мне ни разу не пришло в голову, что высоту бочки будет труднее определить, чем ее диаметр. Я этого никак не ожидал.

Но изобретательность снова пришла на выручку. Я сделал еще одну добавочную жердь из двух планок от ящика и пустил ее в дело.

Я поступил так: старую линейку ввел в бочку, как и раньше. Вторую линейку приставил к ней вертикально под прямым углом и прижал ее к самой широкой части бочки, а нижним концом к полу. Теперь я мог отметить на второй линейке то место, где она касалась этой самой широкой части бочки. Ясно, что это и была половина высоты бочки, а две половины всегда дают целое. Ошибки быть не может, так как прямой угол я установил весьма тщательно.

Теперь я измерил бочку жердями, но как практически выяснить, сколько в ней галлонов жидкости?

Глава XXXI

«ЧТО И ТРЕБОВАЛОСЬ ДОКАЗАТЬ»

Найти содержимое бочки в кубических мерах и перевести его потом в меры емкости — в галлоны и кварты, в сущности, не представило бы никакого труда. Я хорошо знал арифметику и мог произвести эти вычисления наизусть, без бумаги, карандаша или грифельной доски, и даже без света. Я сказал «не представило бы труда» — обычно, но в условиях моего заключения тут были большие трудности.

Существовало одно очень важное условие, без которого все мои достижения рассеялись бы прахом.

Я измерил бочку просто кусками дерева и отметил расстояние зарубками. Но что с того? Ведь я не знал, сколько

мои зарубки обозначают сантиметров и метров! Можно было прикинуть на глаз, но этого было недостаточно. Прежде чем измерить емкость бочки, следовало измерить самое линейку!

Вы скажете снова, что эту трудность преодолеть никак нельзя. У меня не было чем мерить: ни «сантиметра», ни плотничьей указки — ничего. Сама длина палки как таковой мне ровно ничего не давала. Чтобы определить емкость, надо иметь инструменты для измерения. Что было делать?

Я об этом думал раньше. И, уже приступая к работе, я сообразил, как измерить линейку и выразить ее длину в линейных мерах с точностью до сантиметра. Как же? А вот как.

Я сказал, что у меня не было чем мерить. Это верно. Но сам я был тем, чем следовало мерить!

Если помните, я еще на пристани измерил себя и установил, что росту во мне сто двадцать сантиметров. До чего кстати пришлось это измерение!

Итак, я взял самого себя за образец меры и стал определять длину линейки. Это было очень просто.

Я лег на спину, уперся ногами в балку трюма, поместил между носками ног конец моей жерди. Другой конец жерди прошел через середину лба. Я заметил то место, где приходилась моя макушка, и сделал зарубку на линейке. Теперь я мог отложить с помощью линейки сто двадцать сантиметров на любом предмете.

Но трудности еще не кончились. Со стодвадцатисантиметровой линейкой мне трудно было точно определить нужные мне диаметры и высоту бочки, потому что отрезок в метр с чем-то был слишком велик. При умножении и вычислении емкости бочки в галлонах я мог допустить серьезную ошибку. Как теперь разделить отрезок на сантиметры?

Конечно, половина линейки будет шестьдесят сантиметров, четверть — будет тридцать. Еще раз пополам — это будет пятнадцать. Делю на три части — получаю пять сантиметров. Пятью сантиметрами уже можно мерить.

Да, можно — в теории! Но как это выполнить практически на грубом куске дерева, в полной темноте, действуя ощупью, как слепец? Как найти точно середину жерди (абсолютно точно!), потом середину отрезка и так далее?

На минуту я приуныл.

Но скоро придумал, как поступать далее. Я мог отколоть новую планку от ящика — длиной сантиметров в семьдесят, дважды положить ее на свою линейку. Она покрыла бы всю длину моего роста и еще немного. Тогда укоротить ее, снова положить дважды, снова укоротить и поступать так, пока моя новая планка, будучи дважды переложена вдоль по линейке, не достигнет отметки в сто двадцать сантиметров. У меня в руках будет новая линейка длиной в шестьдесят сантиметров.

Затем отметить на старой жерди шестьдесят сантиметров, разделить новую линейку на две равные части тем же способом и снова нанести на старую жердь тридцать сантиметров. И так далее, до пяти сантиметров. Но для такой работы нужно было много времени, бездна терпения и огромная точность.

Правда, времени у меня было сколько угодно. Но зато терпения было немного.

Я придумал новый план, очень похожий на прежний, но гораздо более простой: следовало работать шнурками от ботинок.

Превосходные полоски телячьей кожи — ими можно было мерить с точностью до четверти сантиметра. Притом это была безусловно точная мера, не хуже линейки из самшита или слоновой кости.

Одного шнурка мне не хватило бы. Я связал два прочным, тугим узлом и таким образом получил довольно длинную полоску кожи, которую обрубил ножом, чтобы в ней было ровно сто двадцать сантиметров. Я проверил ее несколько раз по линейке, натягивая изо всех сил. Я уже говорил не раз и снова повторяю, что малейшая мелкая ошибка могла бы разрастись в большую, бесконечно повторяясь и увеличиваясь при делении.

Убедившись, что мера взята точно, я сложил шнурок пополам и придавил его пальцами. Затем я отрезал ножом ровно половину и получил шестьдесят сантиметров. Тот кусок, на котором был узел, я отложил в сторону, а второй кусок снова поделил на две части, потом на три.

Последняя операция потребовала больше времени и ловкости, потому что сложить отрезок тесьмы втрое, конечно, гораздо труднее, чем вдвое. Но и здесь работа прошла хорошо.

Я делил и делил шнурок, пока не получил отрезок кожи длиной в два сантиметра.

Для проверки я разрезал нетронутую половину шнура на кусочки по два сантиметра, положил на линейку и с радостью убедился в том, что мера в точности совпадает. Если после двух обмеров получился одинаковый результат, значит, я осилил все трудности.

Теперь оставалось только нанести зарубку на линейку, и с помощью кожного отрезка я нанес шестьдесят делений, из которых каждое соответствовало двум сантиметрам.

Это заняло порядочно времени, ибо я работал весьма осторожно и тщательно. Но терпение мое вознаградилось: теперь у меня в распоряжении была единица меры, на которую я мог положиться для того, чтоб произвести вычисление, от которого зависела жизнь или смерть.

Я больше не медлил.

Длина диаметров была переведена в сантиметры. Я взял их среднюю арифметическую, произвел необходимые вычисления и получил площадь основания цилиндра, которая равна площади основания усеченного конуса той же высоты. Результат я умножил на высоту бочки и получил емкость.

Я разделил полученную цифру на шестьдесят девять. Это дало мне емкость в квартах и галлонах: около ста восьмью галлонов.

Значит, я не ошибся: бочка была из-под хереса.

Глава XXXII

УЖАСЫ МРАКА

Результат моих вычислений был более чем удовлетворительный. Не считая пролитой и выпитой воды, у меня оставалось восемьдесят галлонов, что, считая по полгаллона в день, обеспечит меня на сто шестьдесят дней, а считая по четверти галлона — на триста двадцать дней, то есть почти на год!

Четверти галлона в день будет достаточно, а путешествие не может длиться больше трехсот двадцати дней. Можно объехать вокруг света за меньшее время. Я это знал давно и был счастлив, что припомнил такую успокоительную истину. Все же я решил пить не больше четверти галлона в день, чтобы быть уверенным в том, что в воде недостатка не будет.

Скорее могло не хватить галет; но я не беспокоился об этом, так как принял твердое решение урезать паек до последней возможности.

Теперь у меня были и пища и питье, и я не испытывал больше никаких страданий. Я не умру ни от жажды, ни от голода. И самое расположение моих запасов, находившихся прямо передо мной, ежеминутно напоминало мне о том, как я счастливо вышел из затруднения.

В таком настроении я находился несколько дней и, несмотря на скуку моего заточения, в котором каждый час казался мне целым днем, постепенно приспособился к новому образу жизни. Часто, чтобы убить время, я считал минуты и секунды и занимался этим странным делом часами. У меня были с собой часы, подаренные матерью, и я любовно прислушивался к их бодрому тиканью. Мне казалось, что у них особенно громкий ход в моей тюрьме, да это и было так: звук усиливался, отражаясь от деревянных стен, ящиков и бочек. Я бережно заводил часы, боясь, как бы они случайно не остановились и не сбили меня со счета. Я не очень интересовался, который час. В этом не было смысла. Я даже не думал о том, день сейчас или ночь. Все равно яркое солнце не могло послать ни лучика, чтобы рассеять мрак моей темницы. Впрочем, я хоть и не думал, но знал, когда наступает ночь. Вы спросите: как? Ведь с момента, когда я спустился в трюм, я находился в полной темноте и не заботился о времени в течение по меньшей мере сотни часов. На это я вам отвечу: всю жизнь я ложился в определенный час, а именно в десять часов вечера, и вставал ровно в шесть утра. Таково было правило в доме моего отца и в доме дяди — особенно в последнем. Естественно, что, когда наступало десять часов, меня сразу начинало клонить ко сну. Привычка была так сильна, что действовала в любой обстановке. Я это отметил и, когда мне хотелось спать, заключал, что в это время должно быть десять часов вечера. Я установил, что сплю около восьми часов и в шесть утра просыпаюсь. Таким образом мне удалось урегулировать часы. Я был уверен, что таким же образом я сумею отсчитывать сутки, но потом мне пришло в голову, что привычки мои могут измениться, и я стал аккуратно следить за часами¹. Я заводил их дважды в

¹ Старинные часы делались с крышкой, но без стекла. Таким образом, в темноте легко можно было нащупывать стрелки пальцами.

сутки — перед сном и при вставании утром — и не боялся, что они внезапно остановятся.

Строго говоря, самая смена дня и ночи ничего не означала для меня. Но, отсчитывая по двадцать четыре часа, я следил за путешествием. Я внимательно считал часы и, когда часовая стрелка дважды обегала циферблат, делал зарубку на палочке. Мой календарь велся с большой аккуратностью. Я сомневался только в первых днях после отплытия, когда я не следил за временем. Я определил количество этих дней наугад. Впоследствии оказалось, что я не ошибся. Так проводил я свои недели, дни, часы — долгие, скучные часы во мраке; настроение у меня было подавленное, иногда я опускал голову, но никогда не отчаивался.

Странно сказать: больше всего я страдал теперь от отсутствия света. Сначала мне причиняло большие муки мое согнутое положение и необходимость спать на жестких дубовых досках, но потом я привык. Кроме того, я придумал, как сделать свое ложе более мягким. Я уже говорил, что в ящике, который находился за моим продовольственным складом, лежала шерстяная ткань, плотно скатанная в рулоны, какие мы видим на полках у мануфактурщиков. Сразу я сообразил, как устроиться поудобнее, и немедленно привел свою мысль в исполнение. Я убрал галеты, увеличил отверстие, которое ранее проделал в обоих ящиках, и с трудом выдернул штуку материи. Дальше работа пошла легче, и через два часа я изготовил себе ковер и мягкое ложе, тем более драгоценное, что оно было сделано из лучшего сорта материи. Я взял столько, сколько было нужно, чтобы абсолютно не чувствовать под собой дубовых досок. Затем я убрал галеты в ящик и с удовольствием растянулся на мягкой подстилке.

Но с каждой минутой я все больше мечтал о свете. Трудно описать, что испытываешь в полной темноте. Только теперь я понял, почему подземная темница всегда считалась самым страшным наказанием для узника. Неудивительно, что люди выходили оттуда седыми и что самые чувства изменяли им. Трудно переносить крошечную тьму в течение долгого времени. Свет начинает казаться основой человеческого существования.

Мне казалось, что, будь я заключен в светлом помещении, время прошло бы вдвое скорей. Казалось, темнота вдвое увеличивает продолжительность заключения и как

нечто вполне материальное сдерживает колеса моих часов. Беспросветный мрак! Мне казалось, что я страдаю только от него и что проблеск света меня мгновенно бы вылечил. Иногда мне вспоминалось, как я лежал больной, в бессоннице, считая долгие мрачные часы ночи и нетерпеливо дожидаясь утра.

Так, медленно и тоскливо, шло время.

Глава XXXIII

БУРЯ

Больше недели провел я в этом томительном однообразии. Единственным звуком, доходившим до меня, был шум волн над мной. Я нарочно сказал «над мной», потому что я находился в глубине, далеко под поверхностью моря. Иногда я различал и другие звуки, например глухой шум тяжелых предметов, передвигаемых по палубе, а в тихую погоду — колокол, зовущий людей на вахту. Звук колокола я слышал только при полном штиле, да и то он доходил до меня заглушенным. Я прекрасно мог отличить штиль от других состояний погоды. Я различал легкое волнение при небольшом ветре, более сильное волнение при свежем ветре, наконец, бурю — как если бы я находился на палубе. Покачивание корабля, скрип балок говорили мне о силе ветра и о погоде. На десятый день началась настоящая буря. Она продолжалась два дня и ночь. Буря была свирепая, шпангоуты так скрипели, что казалось — они сломаются; по временам мне чудилось, что корабль распадается на куски, огромные ящики и бочки со страшным треском колотились друг о друга и о стенки трюма. В промежутках я ясно слышал, как могучие валы обрушивались на корабль с таким ужасным грохотом, как будто по оснастке изо всех сил били тяжелым молотом или тараном.

Я не сомневался, что судно может пойти ко дну: можете представить себе мое положение. Нечего говорить, как страшно мне было, когда я думал о том, что корабль может опуститься на дно, а я, запертый в трюме, не имею возможности ни выплыть на поверхность, ни вообще пошевелиться. Еще больший страх сковывал мои члены. Может быть, я не так боялся бы бури, если бы был на палубе.

Как назло, тут начался у меня новый приступ морской болезни, — так всегда бывает с теми, кто в первый раз плавает. Первая буря всегда возбуждает морскую болезнь — и с той же силой, с какой та возникает обычно в первые двадцать четыре часа путешествия.

Сорок часов продолжалась буря, пока море не успокоилось. Я это определил так точно потому, что долго не слышал характерного звука от движения корабля по воде. Ветер прекратился, но корабль все еще качался, бочки и ящики трещали, как и раньше. Это была мертвая зыбь, которая постоянно следует за сильным волнением и которая не менее опасна для корабля, чем буря. При сильной зыби иногда ломаются мачты и корабль переворачивается — а это самая страшная катастрофа для моряка.

Зыбь постепенно прекращалась, пока, через двадцать четыре часа, море не стало еще более спокойным, чем было до бури: корабль скользил, как по зеркалу. Приступы морской болезни уменьшились, мне стало немного лучше. Но за такой долгий срок я совершенно измучился и, обессиленный, задремал.

Однако сны мои были еще мучительнее, чем явь. Мне снилось то, чего я так боялся несколько часов назад: будто я утонул именно так, как предполагал, — стиснутый в узкой норе, не имея возможности выплыть. Снилось мне, что я лежу на дне моря, что я мертв, но не потерял сознания, а, наоборот, могу видеть и чувствовать. И вот я вижу ужасных зеленых спрутов и громадных крабов, ползущих ко мне и шевелящих своими громадными клешнями. Они хотят растерзать меня и насытиться моим мясом! Один из крабов, самый большой, страшный, полз прямо на меня. Я ясно чувствовал, как он карабкается по моей руке. Я ясно ощущал его холодное прикосновение, его жесткие лапы на моих пальцах, но я не мог пошевелить рукой. Вот он вскарабкался на запястье, ползет по руке, подбирается к лицу. Я понимаю, что он хочет вонзить мне клешню в горло, но ничего не могу сделать. Ни один мускул у меня не движется. Ведь я утонул, я мертв. Вот он уже на груди... У горла... он душит меня!

Я с криком проснулся и выпрямился на своем ложе. Я поднялся бы на ноги, если б мог выпрямиться. Но места не было; ударившись головой о дубовую балку, я пришел в себя. Сознание вернулось ко мне.

Глава XXXIV

ЧАША

Я прекрасно сознавал, что это был сон, что никакой краб не мог взобраться мне на руку, и, несмотря на это, не мог отделаться от впечатления, что какое-то живое существо проползло по мне, краб или что-нибудь другое. Я все еще ощущал жжение на обнаженной груди и руке, словно по ним пробежал зверек с когтистыми лапками.

Я размахивал руками и хлопал ладонями по шерстяному покрывалу, стараясь поймать живое существо.

Спросонья я все еще думал, что это краб. Но потом я понял нелепость этой догадки. Каким образом мог краб попасть сюда? А впрочем, почему бы и нет? Краб мог жить в трюме корабля; его могли сюда занести случайно, вместе с грузом. А может быть, кто-нибудь из матросов принес его для забавы, а потом пустил его в трюм, где он мог пристроиться в одной из бесчисленных нор и щелей в досках. Пищу он мог найти в стоячей воде под полом или среди мусора.

Но, поразмыслив, я отбросил и эти предположения. Крабов я мог видеть только во сне. Нет такого краба, которого я не мог бы поймать руками, а ведь я ощущал каждый сантиметр моего покрывала и ничего не нашел. Краб мог бы удрать только через две щелки, те самые, которые я сразу же ощущал, как только проснулся. Он не мог двигаться так быстро. Нет, никакого краба здесь не было! Но кто-то карабкался по мне; я в этом был уверен.

Некоторое время я размышлял. Но скоро неприятное ощущение исчезло. Вовсе не удивительно, что мне приснилось именно то, о чем я все время думал, пока бушевала буря.

Я ощущал часы. Оказалось, что я спал около шестнадцати часов! Конечно, в этом виновата морская болезнь. Я был очень голоден и не мог удержаться от искушения съесть больше, чем мне полагалось. Я уничтожил целые четыре галеты. Ничто не порождает такого аппетита, как приступ морской болезни. Четыре галеты едва насытили меня. Только боязнь остаться без пищи удержала меня от дальнейшего пиршества. Я мог бы съесть в три раза больше.

Жажда также разыгралась, и я выпил тройную порцию. Водой я не так дорожил, как едой, рассчитывая, что мне в избытке хватит питья до конца путешествия. Одно только меня беспокоило: когда я пил воду, я очень много разбрызгивал и проливал. У меня не было никакого сосуда, я пил прямо из отверстия в бочке. К тому же это было неудобно. Я вынимал затычку, и сильная струя била мне прямо в рот. Но я не мог пить без конца, мне нужно было перевести дыхание, а в это время вода обливала мне лицо, платье, обливала всю каморку и уходила попусту, пока я всовывал затычку обратно.

Где взять чашку?

Сначала я подумал о башмаках, которые праздно валялись около меня, но подобное применение обуви мне претит.

Сгорая от жажды в начале путешествия, я напился бы из чего угодно, но сейчас, когда воды было вдоволь, я хотел пить с удобствами. Грязную посуду можно вымыть, и лучше пожертвовать некоторым количеством воды, чтобы отмыть башмак, чем терять ее всякий раз при питье.

Я уже собирался пустить в дело башмак, когда лучшая мысль пришла мне в голову — сделать чашку из материи. Я заметил, что это сукно не пропускает воды. Вода, брызгавшая из бочки на мое суконное ложе, оставалась на нем, и, ложась спать, я выплескивал ее из складок материи, как из стакана. Вырежу кусок сукна, сверну из него подобие чаши и буду ею пользоваться.

Я отрезал ножом длинную полосу сукна, свернул ее кульком, стараясь, чтобы один слой заходил за другой, и подвязал снизу, для прочности, остатком шнурка от башмаков. Получилась чашка не хуже, чем самые тонкие изделия из фарфора или стекла. Теперь я мог пить спокойно, не теряя ни капли драгоценной влаги, от которой зависела моя жизнь.

Глава XXXV

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

За завтраком я съел так много, что решил в этот день больше не есть. Но из этого ничего не вышло: в середине дня я уничтожил еще одну галету, вследствие чего и решил

на обед обойтись половиной, а другую половину оставить на ужин.

Я разломил галету пополам, отложил одну часть, а вторую съел и запил водой.

Вам кажется странным, что я ни разу не хлебнул водки, а я бы мог пить водку с утра до вечера, здесь ее было не меньше ста галлонов. Но в водке для меня не было никакого толка, с таким же успехом бочонок мог быть наполнен серной кислотой. Почему? Во-первых, потому, что я не любил водки; во-вторых, потому, что от запаха этой водки меня тошнило: я полагаю, что это была водка самого низкого сорта, предназначенная не для продажи, а для раздачи матросам, — хозяева часто отправляют самую плохую водку и ром с кораблями, чтоб угощать ими команду; в-третьих, потому, что я уже пробовал эту водку — я выпил около рюмки и моментально почувствовал сильнейшую жажду. Мне пришлось осушить целый галлон воды, чтобы утолить ее, и я решил в будущем воздержаться от алкоголя, чтоб сохранить побольше воды.

Наступило время укладываться спать. Я решил съесть отложенную половину галеты и отправиться ко сну.

Приготовления ко сну заключались в том, что я менял положение на шерстяной подстилке и натягивал на себя один-два слоя материи, чтоб не закончить ночью.

В продолжение первой недели я мерз по ночам, потому что мы ушли из порта зимой. С тех пор как я нашел материю, я больше не страдал от холода, закутываясь в нее с головой. Однако с некоторого времени ночи становились все теплее. После бури я вовсе перестал покрываться материей: ночью было так же тепло, как днем. Сначала я удивлен был этим, но, подумав, понял, что судно все время идет на юг, так что мы находимся уже в южных широтах и вошли в тропическую зону.

Я мало знал о тропиках. Я слышал, что тропическая зона лежит далеко к югу от Англии и что климат в ней гораздо жарче, чем самое жаркое английское лето. Я слышал, что Перу — южная страна и, чтоб добраться до нее, надо идти на юг.

В потеплении не было ничего удивительного. Судно плыло уже две недели. Предположим, что оно делает около трехсот километров в сутки, или, по-морскому, имеет скорость около шести узлов (а корабли, как я знал, могут идти гораздо скорей), — оно должно было за это время

уйти далеко от Англии и вступить в полосу тропического климата.

Я ощупал циферблат часов и убедился в том, что маленькая стрелка стоит на десяти. Наступило время ужинать и ложиться спать.

Сначала я выпил чашку воды. Я не любил есть всухомятку. Затем я протянул руку за половинкой галеты. Я точно знал, где она лежит. Наверху толстой балки, проходившей через трюм, я устроил себе уголок, нечто вроде полки, где держал нож, суконную чашку и деревянный календарь. Туда я днем положил оставшийся кусок галеты, и там он должен был лежать. Я так хорошо изучил каждый уголок и каждую щелку своей кабины, что мог в темноте безошибочно определить любое место размером с монету в пять шиллингов, притом без всяких поисков.

Итак, я протянул руку, чтоб достать драгоценный кусочек галеты. Вообразите мое удивление, когда, ощутив место на полке, я обнаружил, что галеты там нет.

Сначала мне показалось, что я ошибся. Может быть, я положил сухарь не на обычное место?

Чашку я держал в руке, наполненную водой. Нож лежал на месте. Рядом лежали палочка с зарубками и остатки шнурков, которые я использовал, когда мерил бочку; но галета исчезла!

Куда я мог ее положить? Я понятия не имел, но тем не менее обыскал все кругом, шарил между складками материи, обследовал карманы куртки и штанов. Я обыскал даже башмаки, которые валялись в углу. Я не оставил ни сантиметра необысканным, но половины галеты не было.

В конце концов, кусок галеты не представлял собой ничего особенно ценного. Но исчезновение его с полки было очень странно, настолько странно, что над этим стоило призадуматься.

Может быть, я съел его?

Предположим, что я это сделал. Может быть, в припадке рассеянности я машинально взял галету, стал ее грызть и всю уничтожил. Но странно, что от этого события не осталось никаких следов: ни воспоминания, ни чувства сытости. Я был так голоден, как будто ничего не ел.

Я отчетливо помнил, что положил ее рядом с ножом и чашкой; она не могла сама сойти с места, а, кроме моей руки, больше ничто не могло к ней прикоснуться. Я не мог случайно задеть ее и сбросить вниз, потому что не делал

никаких движений в том направлении. Также не могла она завалиться в щель под бочкой, потому что щель была плотно забита материей (я это сделал, чтобы удобней было лежать).

Одним словом, половинка галеты пропала. Она ушла — то ли в мой собственный пищевод, то ли другим путем. Если я ее проглотил, я мог только пожалеть об этом, потому что не получил от еды никакого удовольствия.

Долго я колебался, взять ли мне другую галету или отправиться спать без ужина. Страх перед будущим заставил меня воздержаться от еды. Я выпил еще холодной воды, положил чашку на полку и устроился на ночь.

Глава XXXVI

ВТОРЖЕНИЕ

Я долго не спал. Лежа, я думал о таинственном исчезновении галеты. Я говорю «таинственном», потому что в глубине души был убежден, что я не съел ее, она исчезла другим путем. Каким — я не мог даже представить, ибо я был совершенно один; я был единственным живым существом в этой части корабля, и больше никому было дотрогнуться до галеты.

Теперь мне снова вспомнился мой сон. А краб? Может быть, все-таки это был краб? Мне приснилось, что я утонул, но краб мог действительно проползти по мне, и это уже не был сон. Не мог ли он съесть галету?

Я знал, что крабы не едят галет. Но, запертый в корабельном трюме, не имея выхода, кроме голодной смерти, краб мог съесть и галету. Значит, все-таки это мог быть краб?

Невеселые размышления и голодный желудок долго не давали мне заснуть. Наконец я заснул, вернее, задремал, просыпаясь через каждые две-три минуты.

В один из таких промежутков мне показалось, что я слышу необычайный шум. Корабль шел плавно, и я сразу отличил этот новый звук от мягкого плеска волн. Кстати, в последнее время волны плескались настолько тихо, что стук моих часов перекрывал их.

Этот новый звук был похож на глухое царапанье и доносился из угла, в котором валялись мои башмаки.

Что-то скреблось у меня в башмаках!

— Вот и краб! — воскликнул я.

Сон как рукой сняло. Я приподнялся, прислушался и подготовился схватить рукой вора. Я был уверен, что этот краб или кто б он там ни был, скребущийся у меня в башмаках, и есть, во всяком случае, похититель моего ужина.

Царапанье раздалось снова. Да точно, в башмаке ли это?

Я присел и нагнулся вперед с таким расчетом, чтобы схватить башмак одним движением, когда звук повторится.

Я ощупал башмаки. В них и около них не было ничего и никого. Я ощупал весь пол моей каморки, но напрасно. Все было в порядке.

Я был немного смущен и довольно долго лежал прислушиваясь. Таинственный шум не повторялся. Сон постепенно овладевал мною, и я снова задремал, ежеминутно просыпаясь.

Вдруг скребущий звук раздался снова, и я вскочил. Определенно это в башмаках! Но как только я сделал движение в ту сторону, шум прекратился, как будто я спугнул кого-то. Я обшарил башмаки и опять ничего не обнаружил.

— Эх, как же я сразу не догадался! — пробормотал я. — Это вовсе не краб. Краб не может так быстро бегать. Это самая обыкновенная мышь. Приди это сразу мне в голову — я бы не беспокоился. Если б не сон, я и не подумал бы о крабе.

Тут я снова улегся с твердым намерением спать и не думать больше ни о мышах, ни о звуках.

Не успел я как следует устроиться, как царапанье в углу возобновилось, и я подумал, что эта проклятая мышь может основательно испортить мне башмаки. Я не хотел, чтоб они были съедены мышами, хотя, в сущности, они не были мне нужны.

И я снова попытался схватить мышь. И снова безрезультатно. Я даже не притронулся к ней. Но я удостоверился, что она удирает в щель между бочкой с водкой и балкой трюма.

Взяв в руки башмаки, я с горечью убедился в том, что верхняя часть кожи совершенно съедена. Странно, что мышь могла так много уничтожить, да еще в такой короткий срок. Прошло немного времени с тех пор, как я держал

в руках эти башмаки. Может быть, здесь действовало несколько мышей? Похоже на то.

Чтобы спасти ботинки от окончательной гибели и избавить себя от новых волнений, я взял их из угла, поместил рядом с головой и накрыл сверху слоем материи. Теперь я могу спокойно спать.

Не тут-то было! Не успел я сколько-нибудь основательно задремать, как меня снова разбудили.

На этот раз что-то живое быстро пробежало у меня по ногам.

Я совершенно проснулся, но не шевелился. Лежал и ждал, не повторится ли это снова.

Конечно, теперь мышь ищет ботинки. Гнаться за ней нет никакого смысла, потому что она опять убежит в щель. Я решил лежать спокойно, дожидаться, пока она взберется на меня, и тогда схватить ее. Я не собирался ее убивать; я намеревался только хорошенько прижать ее или отодрать за ухо, чтоб она больше не мешала мне спать.

Мне пришлось ждать довольно долго. Но наконец мое терпение было вознаграждено. По слабому движению в складках материи, заменявший мне одеяло, я убедился, что по ней кто-то бежит, и мне показалось даже, что я различаю топанье маленьких лапок.

Вот снова зашевелилась материя. Я ясно почувствовал, что какое-то существо взбирается у меня по лодыжке и поднимается к бедру. Оно казалось слишком тяжелым для мыши, но думать было некогда, надо было хватать его сейчас или никогда!

Я протянул руки, схватил, сжал пальцы... но какой ужас! Какая ошибка!

Вместо нежной маленькой мышки рука моя сжимала туловище животного ростом почти с котенка! Здесь нельзя было ошибиться.

Это была огромная, страшная крыса!

Глава XXXVII

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРЫСАХ

Дерзкое животное моментально дало о себе знать способом, не оставляющим никаких сомнений. Только я до- тронулся до его гладких боков, не успел я отдернуть руку

и раскаяться в своем безрассудном поступке, как острые зубы глубоко прокусили мне большой палец. В ту же секунду я услышал ужасный визг.

Я отдернул наконец руку и отскочил в другой конец каморки, подальше от отвратительного гостя. Там я присел на корточки и в страхе прислушался.

Была полная тишина, и я понял, что крыса убежала. Возможно, что она испугалась не меньше меня; но она сохранила достаточно благоразумия, чтобы укусить меня в палец, перед тем как спастись бегством, в то время как я потерял всякое присутствие духа.

Из первой встречи мой противник вышел победителем. Мало того, что он испугал меня смертельно, он еще нанес мне серьезную рану. Боль с каждой минутой усиливалась. Я чувствовал, как кровь струилась у меня по пальцам. Но меня беспокоил не самый укус, а вопрос о том, ушла ли крыса, вернется ли она обратно. Мысль, что она может вернуться, наполняла меня беспокойством.

Вы удивляетесь? А между тем так это и было. Всю свою жизнь я испытывал отвращение к крысам, даже, прямо сказать, страх перед ними. И хотя мне впоследствии пришлось встречаться и сражаться с более опасными животными, но ни одно из них не внушало мне такого страха, как обыкновенная крыса. Страх смешивался с отвращением — и неспроста. Я знаю множество достоверных случаев, когда крысы нападали на людей, и не только на детей, но и на взрослых мужчин, особенно на раненых и больных, и даже умерщвляли их.

В детстве я слышал всяких историй о крысах и вспомнил их сейчас разом. Неудивительно, что я чувствовал страх, близкий к ужасу. К тому же укусившая меня крыса, если судить на ощупь, была ростом с крупного котенка. Я никогда еще не видал такой большой крысы.

Немного успокоившись, я заматал большой палец тряпичей, оторванной от рубашки. Рана болела ужасно, и я очень страдал.

Нечего говорить, что я не спал почти до утра. Под утро я заснул, чтоб через несколько минут проснуться в холодном поту: мне приснилось, что крыса подбирается к моему горлу.

Долго я лежал прислушиваясь. Но крыса исчезла бесследно. Должно быть, я основательно помял ее, набросившись на нее изо всех сил, и она все-таки испугалась.

Теперь я прекрасно понимал, куда делась половина галеты и кто так обгрыз кожу моих ботинок. Крыса уже давно бегала вокруг меня, а я ее не замечал.

Что же мне делать, если крыса вернется? Как уничтожить непрошеного гостя?

Я отдал бы год жизни за любую мышеловку. Но о мышеловке нечего было и мечтать. Надо было изобрести другой способ избавиться от опасного соседа. Я имел полное право называть крысу соседом, потому что знал, что дом ее недалеко и что в эту самую минуту она возится где-то на расстоянии не больше трех метров от моего лица — скорее всего под ящиком, с галетами или под бочкой с водкой.

Долго напрягал я мозги, но не мог придумать, как бы изловить крысу. Единственное, что я мог сделать, — это схватить ее руками, но у меня не было ни малейшей охоты повторять уже проделанный опыт. Я знал, через какую щель она ходит: это промежуток между двумя бочками — бочкой с водкой и бочкой с водой.

Я мог заткнуть все отверстия, кроме этого, кусками материи. Затем, подождав прихода крысы, закупорить и это последнее. Тогда крыса оказалась бы в плену, но и я попал бы в нелепое положение: ведь и сам я оказался бы в плену, и у меня не осталось бы другого выхода, кроме рукопашной схватки. Конечно, я мог задушить ее, как более сильный, но при этом она искусала бы меня жестоко, а с меня достаточно было и одного укуса.

Как же мне обойтись без крысоловки?

Все мои размышления были бесплодны. Было уже утро, когда, усталый от планов и предположений, я впал в полудремотное состояние, ничего не придумав, чтобы избавиться от проклятой твари, причинившей мне столько беспокойства и тревоги.

Глава XXXVIII

ВСЕ ЗА КРЫСОЛОВКУ!

Несколько часов я проспал, но потом проснулся от боли. Теперь не только большой палец, но и вся рука болела острой, щемящей болью и вдобавок опухла. Лечиться было нечем, оставалось терпеть. Я знал, что вос-

паление скоро пройдет, и запасся мужеством. Другие опасности волновали меня гораздо больше. Я так беспокоился по поводу возможного возвращения крысы, что скоро и вовсе забыл о пораненном пальце.

Я снова думал о своем мучителе. Я был уверен, что крыса вернется, потому что слышал ее возню. Была тихая погода, и самые слабые звуки доходили до меня отчетливо. Я слышал, как топотали ее лапки по поверхности пустого ящика. Не раз слышался короткий, резкий писк, похожий на треск сверчка, — типичный голосок крысы. Нет более противного звука, чем крысиный голос, а в тот момент он казался мне вдвойне противным. Вы смеетесь надо мной, но я ничего не мог поделать с собой. Я не мог отбросить скверного предчувствия, что соседство этой крысы угрожает моей жизни, и, как вы потом убедитесь, мое предчувствие оказалось почти правильным.

Я боялся, что крыса нападет на меня в то время, когда я буду спать. Пока я бодрствую, я ее не боюсь; она может меня укусить, но в этом большой беды нет. Зато я ее уничтожу.

Но что будет, если я засну крепко и это гнусное существо запустит мне зубы в горло? Вот что заставляло меня страдать. Не мог же я все время бодрствовать и стоять на страже! Чем больше я буду воздерживаться ото сна, тем крепче я буду спать потом, в минуты настоящей опасности. Я не могу спокойно заснуть, пока крыса не будет уничтожена, и потому необходимо уничтожить ее поскорей.

Как же мне справиться с ней? Я не мог придумать ничего другого, как схватить ее руками и задушить. Для этого надо схватить ее так, чтобы мои пальцы пришлось как раз вокруг ее горла, чтоб она не могла вонзить мне зубы в руку. Остальное легко. Но главная трудность заключалась в том, что все это надо было сделать в темноте, наугад, и крыса, конечно, могла воспользоваться преимуществом своего положения. Больше того: большой палец был в таком состоянии, что я вряд ли мог бы удерживать крысу правой рукой, не то что задушить ее насмерть. Как защитить пальцы? Только с помощью толстых перчаток, но об этом нечего и думать.

Однако нет! Неудачная мысль навела меня на другую. Я мог заменить перчатки, и как вы думаете чем? Башмаками! Надо было всунуть кисти рук в башмаки и, таким

образом предохранив себя от острых зубов крысы, давить ее между подошвами, пока она не испустит дух. Идея была прекрасная, и я немедленно приступил к ее осуществлению.

Я приготовил башмаки и принялся сторожить щель, через которую могла войти крыса. Я уже говорил, что все другие щели я тщательно заткнул и твердо решил, пропустив крысу внутрь моей кабины, заткнуть курткой и последнюю. Таким образом, крыса оказалась бы в моей власти. Тогда мне оставалось только надеть «перчатки» и приниматься за дело.

Странное дело: крыса как будто сознательно поспешила принять мой вызов.

Едва успел я приготовиться к встрече гостя, как раздался шорох и писк. Я понял, что крыса прошла через щель. Я слышал, как она бегала кругом, пока я забивал отверстие курткой. Дважды она пробежала у меня по ногам. Но я не обращал на нее никакого внимания, пока не закупорил отверстие. Затем я всунул руки в башмаки и начал размышлять врага.

Я так хорошо изучил свою каморку, что мне не пришлось долго искать. Я поднимал башмаки и колотил ими по полу, все время меняя место. По плану я должен был приплюснуть крысу подошвой одного из башмаков, придавить ее другим и жать ее изо всех сил до тех пор, пока она не испустит дух. Но этот план не был выполнен.

Дело кончилось совсем по-другому. Я придавил зверька одним башмаком, но мягкая материя, на которой все это происходило поддалась под нажимом, прогнулась, и крыса выскользнула с визгом. В следующее мгновение я почувствовал, как она карабкается мне на ногу и забирается под штанину!

Я похолодел. Но теперь нельзя было медлить. Я отбросил башмаки, которые были мне больше не нужны, и схватил крысу руками в ту минуту, когда она подобралась к моему колену. Я держал ее крепко, хотя она отчаянно барахталась, обнаружив поистине удивительную силу. Страшно было слышать ее дикий визг. Я сжимал ее изо всех сил, несмотря на боль в большом пальце. Материя штанины предохраняла от укусов мои пальцы, но нога была не защищена, и гнусное существо вгрызлось мне в мясо и до тех пор меня терзало, пока не потеряло способность двигаться. Только тогда мне удалось схватить его за

горло и окончательно задушить. Я почувствовал, как челюсти зверька медленно разжимаются, и понял, что противник мертв.

Я отпустил крысу и вытряхнул ее из штанов. Вынув куртку из отверстия, я выбросил мертвое животное туда, откуда оно пришло.

Я почувствовал громадное облегчение. Теперь я был уверен, что «госпожа крыса» больше не будет меня беспокоить.

И я лег спать с твердым решением отоспаться за все время, которое я потерял в течение беспокойной ночи.

Глава XXXIX ВРАЖЕСКАЯ СТАЯ

Напрасно я думал, что нахожусь в полной безопасности. Не успел я проспать и четверти часа, как был разбужен. Что-то пробежало у меня по груди.

Что это? Другая крыса?

Если и нет, то, во всяком случае, нечто весьма на нее похожее.

Несколько минут я лежал без движения и внимательно прислушивался. Ничего не было слышно.

Неужели мне это приснилось? Нет! Только я подумал об этом, как снова услышал топанье маленьких лапок по шерстяному покрову.

Я не ошибся. Через секунду я почувствовал эти лапки у себя на бедре.

Стремительно приподнявшись, я протянул руку, и снова ужас объял меня. Огромная крыса в один прыжок исчезла между бочками, как только я прикоснулся к ней.

Трудно поверить, что это та же самая. Говорят, что кошки часто оживают даже после того, как их закапывают в землю, но я никогда не слышал, чтобы крысы обладали такой исключительной живучестью. Кроме того, я душил мою крысу с такой силой, что она была бы мертва, даже если бы у нее было еще девять жизней. Когда я ее выбрасывал в щель, она была мертва, как гвоздь.

Убежавшая сейчас крыса несомненно была другая.

Но, несмотря на всю нелепость иного предположения, я в полуономном состоянии все продолжал думать, что это та же самая крыса. Она пришла мстить. Однако, проснувшись окончательно, я сделал более разумное допущение: это сожигательница убитой крысы.

Сна опять как не бывало. Как мог я спать, зная, что рядом разгуливает отвратительное животное, которое пришло с намерением напасть на меня?

При всей моей усталости я не мог позволить себе улечься спать, пока не разделаюсь с новым врагом.

Я был уверен, что крыса скоро вернется. Я не схватил ее рукой, когда проснулся, а только дотронулся пальцем. Должно быть, она не очень испугалась и скоро вернется обратно.

Снова я встал над отверстием с курткой в руках и прислушался.

Через несколько минут я явственно услышал писк и поскребывание, правда, слишком громкие для крысы. Мне пришло в голову, что этот звук производит какая-нибудь доска, трущаяся о пустой ящик. Шум продолжался. Мне показалось, что крыса уже вошла, но так как шум доносился снаружи, то я продолжал стоять наготове.

Снова мне показалось, что мимо меня пробежала крыса, но в эту минуту я опять услышал писк за бочкой.

Я стоял с курткой неподвижно, с трудом доверяя самому себе: мне казалось, что крыса несколько раз проскочила в мою каморку.

Наконец резкий писк раздался справа от меня, и я понял, что крыса здесь. Я моментально засунул куртку в отверстие.

Затем я надел башмаки на руки, предварительно привязав обе штанины к лодыжкам шнурками, чтобы крыса не могла опять забраться ко мне под штаны, и приступил к действиям.

У меня не было ни малейшего желания сражаться, но я должен был обеспечить себе покой и сон, и у меня не было выбора: я должен был убить и эту крысу.

Итак, я перешел в наступление.

Тут все прежние ужасы побледнели. Вообразите себе мой страх и отчаяние, когда вместо одной крысы я обнаружил в кабине целую стаю омерзительных врагов! Здесь было не меньше десятка! Они кишели повсюду, я не мог опустить башмак, чтоб не ударить по одной из них. Они

бегали вокруг меня, проносились по ногам, прыгали на руки, испуская свирепый писк, как бы угрожая мне!

По правде сказать, я потерял всякую способность действовать. Я уже не думал убивать их. Я толком не знал даже, что делаю. Припоминаю только, что у меня хватило благоразумия выхватить куртку из дыры и я принялся размахивать ею по всем направлениям, крича изо всех сил.

Мои крики и отчаянные движения подействовали на них: я слышал, как они бежали через щель, и когда я через несколько минут ощущал пол моей каюты руками, я убедился, что она пуста. Все крысы ушли.

Глава XL НОРВЕЖСКАЯ КРЫСА

Если одна крыса могла причинить мне столько мучений, то можете себе представить, как приятно сознавать, что их здесь, по соседству, целая банда. По всей вероятности, их было еще больше, чем то количество, с которым я имел дело, потому что, затыкая курткой отверстие, я слышал еще писк и шорох за бочкой. Наверняка здесь жили десятки крыс. Я слышал, что эти дармоеды в огромных количествах живут на кораблях, в бесчисленных щелях между балками. Я слышал также, что корабельные крысы — самые свирепые и часто, понуждаемые голодом, нападают на живые существа, не боясь ни кошек, ни собак. Они наносят большие повреждения грузам и причиняют много беспокойства на судах, особенно если корабль не был достаточно хорошо осмотрен, заделан и очищен перед рейсом.

Судовые крысы известны также под именем норвежских крыс. Есть поверье, что они приплыли в Англию на норвежских судах; но является ли Норвегия их родиной или нет, они распространены по всему земному шару, и в каждой части света, где когда-либо приставали корабли, обязательно есть и норвежские крысы. Даже если они действительно вышли из Норвегии, они легко приспособились ко всем климатам. Они прекрасно живут в огромных количествах в тропических странах Америки. Портовые города Вест-Индии наполнены ими. Они причиняют там такой

вред, что городские власти назначили специальную «крысиную премию» за их уничтожение. Тем не менее они продолжают существовать, и деревянные пристани американских портов являются для них настоящими «островами убежища».

Норвежские крысы, в общем, не очень велики. Большие экземпляры встречаются среди них в виде исключения. Дело тут не в размерах, а в свирепости и вредоносности, а также в огромной плодовитости. Замечено, что в тех местах, где они появляются, скоро исчезают все другие виды крыс. Они совершенно не боятся многих довольно крупных животных, например ласок, которых они превосходят силой. Даже кошки их боятся, повсюду кошка предпочитает иметь дело с животными более нежного сложения. Даже большие собаки, кроме специальных крысоловов, избегают встречи с ними.

Надо особо отметить один факт: норвежские крысы всегда как будто учитывают соотношение сил. Там, где их мало и они чувствуют, что победа может оказаться не на их стороне, они ведут себя очень смирно. Но там, где они чувствуют себя хозяевами положения, они наглеют от безнаказанности и не стесняются даже присутствием человека. В морских портах тропических стран они почти не прячутся, и в лунные ночи огромные стада крыс совершенно спокойно бегают, не давая дороги пассажирам. В лучшем случае, они чуть посторонятся, чтобы затем прошмыгнуть у самых каблуков прохожего.

Вот каковы норвежские крысы.

Всего этого я не знал, когда плыл на «Инке»; но и того, что я слышал от матросов, было совершенно достаточно, чтобы я чувствовал себя неважно в присутствии большого количества этих дерзких животных. Прогнав их из кабины, я не мог успокоиться. Я чувствовал, что они вернутся, и, может быть, в еще больших количествах. Они будут все больше страдать от голода и, следовательно, будут становиться все свирепее и наглее, пока не нападут на меня. По-видимому, они не очень меня испугались. Хотя я прогнал их криками, но они скреблись и пищали где-то по соседству. Что, если они замышляют новую атаку?

В этом не было ничего невероятного. Мысль о том, что я буду убит и растерзан этими чудовищами, внушала мне еще больший страх, чем опасность утонуть. Собственно

говоря, я предпочел бы утонуть. Когда я снова подумал о том, как меня будут есть крысы, я ощутил холодок в спине и волосы зашевелились у меня на голове.

Несколько минут я сидел, не зная, что предпринять. Мне все еще казалось, что у крыс не хватит смелости приблизиться ко мне, пока я на ногах. Но как я буду спать? Тогда они наверняка нападут на меня, и если им только удастся запустить зубы мне в мясо, они разъярятся, как тигры, которые, попробовав крови, не могут успокоиться, пока не уничтожат жертву. Нет, я не должен спать!

Но и вечно бодрствовать я тоже не могу. По временам сон будет меня осиливать, и я не смогу сопротивляться. Чем больше я буду бороться с ним, тем больше будет мне хотеться спать, и в конце концов я впаду в полуобморочное состояние, которое будет мне казаться кошмаром и в котором я потеряю способность двигаться и предоставлю свое тело прожорливым чудовищам.

Некоторое время мрачные мысли мучили меня, но потом новая идея меня осенила: заткнуть отверстие куртки и таким образом надолго избавиться от крыс.

Конечно, это была очень простая мысль. Вы спросите, почему я не подумал об этом раньше. Потому что раньше мне казалось, что передо мной всего две крысы и что я их истреблю другим способом. Но теперь все обернулось по-иному. Уничтожить всех крыс в трюме было очень трудным, пожалуй, невозможным предприятием, и я сразу отбросил эту мысль. Самое лучшее, конечно, заткнуть щель, притом не только эту, но и все вообще щели, через которые могут пролезть крысы, и таким образом совершенно избавиться себя от их нападения.

Без промедления я законопатил курткой щель и, удивляясь, как я не подумал об этом раньше, улегся спать. Сообразив я заткнуть дыру пораньше — я бы давно уже спал сладким сном.

Глава XLI СОН И ЯВЬ

Я так устал от страхов и борьбы, что стоило мне прикоснуться щекой к рулону материи, как я перенесся в царство снов. Я снова был в глубине моря и лежал на дне,

среди чудовищ, похожих на крабов, которые готовились меня проглотить.

Мало-помалу эти существа превратились в крыс, и мой сон стал походить на реальность. Мне снилось, что крысы собрались вокруг меня в огромных количествах и угрожают мне со всех сторон. У меня ничего не было для защиты, кроме куртки, и я размахивал ею изо всей силы; удары сыпались градом, но крысы почему-то увертывались. Одна из крыс — размером гораздо больше других — вела их за собой в атаку. Это была точная копия той, которую я убил! Она вела банду хвостатых разбойников, призывая их отомстить за убийство. Я не мог очнуться от ужасного кошмара.

Сначала я держал противников в отдалении; но скоро силы мне изменили, и, лишенный помощи, я должен был уступить крысам. Я озирался кругом, молил о помощи, но никто не приходил.

Противники наконец заметили, что силы мои иссякают, и по знаку своего вождя бросились на меня. Они напали на меня спереди, сзади, с боков. Я сыпал удары во все стороны, но безрезультатно. Я отбрасывал крыс дюжинами, но на их место приходили другие.

Больше я не мог сражаться. Сопротивление было напрасно. Они уже карабкались по моим ногам, по бокам, по спине. Они повисали на мне гроздьями — как пчелиные рои виснут на ветках. И прежде чем они начали меня терзать, я не выдержал их веса и тяжело упал на землю.

Это падение оказалось для меня спасительным: как только я упал, крысы разбежались, видимо напуганные шумом.

Некоторое время я провел в счастливом отупении; но затем голова моя прояснилась, и я с радостью убедился в том, что все это мне приснилось. Толчок, который я получил при падении, разбудил меня.

Впрочем, радость мгновенно исчезла. Увы, это был не сон! По мне разгуливали крысы, и множество их снова бегало по моей каморке. Я снова слышал возню и дерзкий писк. Не успел я вскочить, как одна из них пробежала по моему лицу.

Как они проникли сюда?

Таинственность этого нового вторжения сама по себе была настолько ужасна, что глубоко потрясла меня. Неужели они прогрызли куртку? Я машинально ощупал

Глава XLII ГЛУБОКИЙ СОН

ее. Нет. Все было в порядке. Я достал куртку и снова пустил ее в дело, чтобы прогнать негодяек. Опять я кричал и размахивал ею, и опять крысы ушли. Но теперь я находился в невероятном страхе. Я не знал, каким образом они проникают в кабину, несмотря на все мои предосторожности.

Долгое время я сидел в глубоком унынии, пока не сообразил, в чем дело: они прошли не через отверстие, заткнутое курткой, а через другую щель, которую я забил материей. Кусок материи был слишком мал — они вытащили его из щели зубами.

Да, именно так они вошли. Но объяснение не успокоило меня. Наоборот, мое беспокойство возросло. Зачем эти существа так упорно возвращаются? Что их влечет к моей норе? Неужели она лучше, чем другие части корабля? Что им нужно? Убить и съесть меня?

Ничего другого я не мог придумать.

Страх перед гибелью удвоил мою энергию. По часам я видел, что проспал не больше часа. Но я не мог снова заснуть, пока не обеспечу себя от нового нападения. Я решил привести мою крепость в порядок, более пригодный для обороны. Я вынул куски материи из всех щелей и дыр и заново прочно закупорил все лазейки. Из ящика с мануфактурой я вытащил даже две новых штуки сукна — для подкрепления. Именно возле этого ящика в стенке было множество щелей, над которыми я основательно потрудился. Заткнув их как следует, я для большей верности придавил их третьей штукой сукна, поставив ее стоймя и плотно засунув в угол. Теперь я успокоился. Ни одна крыса не проникнет в кабину, и я могу спать спокойно. Единственный недостаток этого укрепления в том, что оно затрудняет мне подступ к галетам. Но я об этом вовремя подумал и вынул из ящика запас галет приблизительно на две недели.

Все эти приготовления заняли у меня полных два часа. Я работал с большой тщательностью, стараясь сделать свою крепость неприступной. Это была не игра. Это было серьезное дело, от которого зависела моя жизнь. Закончив свою постройку, я улегся спать, на этот раз с твердым намерением выспаться по-настоящему.

Я спал двенадцать часов подряд, видел во сне новые сражения с крабами и крысами и не получил никакого удовольствия от отдыха. С тем же успехом я мог и действительно сражаться с ними. Мой долгий сон не был освежающим; самое приятное в нем было пробуждение, когда я убедился в том, что за все время ни один из непрошенных гостей не проник в кабину и не нанес никакого вреда моим укреплениям. Я все ощущал и нашел все на прежнем месте.

Несколько дней я прожил сравнительно спокойно. Крысы больше ничем мне не угрожали, хотя я знал, что они рядом. Долго стояла хорошая погода, и я слышал, как они возились между ящиками с грузом, временами испуская яростный писк, как бы сражаясь друг с другом. Но я больше не боялся их голосов. Если мне случалось на время передвинуть один из рулонов материи, защищавших мою кабину, я немедленно возвращал его обратно, тщательно следя за тем, чтобы ни одна крыса не успела проскочить ко мне.

Однако мануфактура, предохраняя меня от нашествия, причиняла мне и большие неудобства. Погода была очень теплая, и я в своей келье задыхался от жары, как в печке.

Возможно, что мы пересекали экватор. Во всяком случае, мы находились в тропических широтах, где бури бывают гораздо реже, чем в умеренном поясе. Только раз мы попали в шторм. Он продолжался сутки и сменился, по обыкновению, зыбью, от которой корабль качало так, как будто он собирался перевернуться вверх дном.

На этот раз обошлось без морской болезни.

Но мне не за что было держаться, и меня кидало, бросало, швыряло от бочки к борту и обратно.

Помятый, весь в синяках, я чувствовал себя как бы под градом палочных ударов. Бочонки и ящики двигались, а мои затычки постепенно ослабевали и вываливались. Боясь крысиного нашествия, я то и дело затыкал лазейки, и буря прошла в ушибах, толчках и хлопотах.

Хуже всего сидеть сложа руки. Оживленная деятельность помогала мне проводить время. Два дня бури и волнения на море показались мне короче обыкновенных двух дней. Самыми горькими часами моего заключения были те,

в которые я был предоставлен самому себе и своим мыслям. Долгие часы я лежал без движения, иногда даже без мыслей; и я боялся, как бы разум не оставил меня во мраке и одиночестве моего заключения.

Так прошло две недели с тех пор, как я начал делать зарубки на палочке. Временами эти недели казались мне месяцами и даже годами. В промежутках между бурями кругом меня царил монотонное спокойствие. Не происходило ничего такого, что можно было бы отметить и запомнить.

Все время я тщательно придерживался пайка, установленного мною для воды и галет. Иногда я голодал и чувствовал, что могу съесть недельный рацион за один раз. Но я владел собой и не позволял себе нарушать расписание. Часто это стоило мне трудов: скрепя сердце я откладывал в сторону полгалеты для следующей еды. Но в общем, я мог поздравить себя: я только один раз изменил расписание, а в остальные дни мужественно подавлял разгоревшийся аппетит.

От жажды я вовсе не страдал. Воды мне хватало с избытком. Иногда я пил меньше, чем полагалось, зато в другие дни вознаграждал себя лишним глотком. Скоро запас отложенных мною галет подошел к концу, и это меня обрадовало. Как-никак время шло, мое заключение сократилось на две недели. Я это определил по количеству съеденных галет. Надо было отправиться в кладовую и взять оттуда новый запас.

Странное дело: едва я приступил к этой операции, как недоброе предчувствие стеснило мою грудь.

Вернее, это было не предчувствие, а опасение, основанное на фактах. Все время я слышал крысиную возню снаружи, но в последнее время звуки стали доноситься до меня из нового места — со стороны ящика с галетами.

Пальцы мои дрожали, когда я сдвигал с места рулон материи. Затем я погрузил руку в ящик! Беда! Ящик был пуст!

Нет, не совсем пуст. Я нащупал в нем мягкий, ворсистый комоч, который бросился в сторону, как только я дотронулся до него рукой. Это была крыса. Я отдернул руку, чтобы пошарить снова в другом направлении, — там сидела другая, третья, четвертая! Ящик был битком набит крысами. Они разбегались кто куда: одна кинулась мне на

грудь, остальные с пронзительным пискom метались в ящике.

Вскоре я разогнал их. Но увы! — когда ящик опустел, я увидел, к ужасу своему и огорчению, что почти весь запас галет бесследно исчез. На дне осталась только кучка крошек, над которой крысы трудились, когда я их накрыл.

Это было страшное несчастье. Я был так подавлен своим открытием, что долгое время не мог прийти в себя.

Можно было легко себе представить, что будет дальше. Дальше меня ждала голодная смерть. В этом не приходилось сомневаться, это был почти совершившийся факт. Жалкими крохами, которые омерзительные разбойники оставили мне, нельзя было продержаться больше недели. Что же дальше?

Голод. Голодная смерть. Выхода не было. Иначе и не могло быть.

Я стоял совершенно уничтоженный. Я даже не принял мер к тому, чтоб защитить ящик от дальнейших вторжений. Я был уверен, что все равно умру от голода. Не стоило даже пытаться изменить свою судьбу. Лучше уж умереть сразу, чем ждать целую неделю. Томиться долгие дни, зная, что смерть подстерегает тебя, терпеть невыносимые страдания — все это хуже самой смерти; и снова в моем мозгу, после долгого перерыва, возникла мысль о самоубийстве.

Возникла, но только на минуту. Я вспомнил, что был уже на пороге самоубийства, но удержался от него и был вознагражден по заслугам. И опять луч надежды прорезал мрак моей тюрьмы. Правда, надежда эта ни на чем не была основана, но достаточно было ей появиться, как я почувствовал новый прилив энергии. Я не дал отчаянию овладеть собой. Кстати, крысы делали новые попытки войти в ящик, чтобы уничтожить последние остатки еды, и это заставило меня перейти к активной самообороне.

Крысы проникли в кладовку с тыла, через ящик с материей, который я для них предусмотрительно взломал. По счастью, их задержала доска, которую я укрепил в моем ящике в виде подпорки, поддерживающей грудку галет; иначе, пожалуй, не осталось бы ни одной крошки. Полное уничтожение моих запасов было только делом времени. Как только крысы почуяли за этой доской добычу, они прогрызли доску и моментально проложили себе путь к галетам.

Теперь я понял, почему они так стремились прорваться ко мне в кабину: их притягивал именно этот ящик с пищей.

Я глубоко раскаивался, что вовремя не подумал о его спасении. Собственно говоря, я думал об этом, но мне не приходило в голову, что крысы могут проникнуть в него сзади. Я рассчитывал на прочность моих шерстяных укреплений, а об оборотной стороне ящика и не позаботился. Но каяться было поздно. Сожаление — вещь пустая. Повинуясь инстинкту, который предписывает нам бороться за жизнь до конца, я собрал последние крошки и перенес их внутрь кабины. Затем я привел в порядок свою крепость и стал обдумывать положение, которое казалось мне печальнее, чем когда бы то ни было.

Глава XLIII

В ПОИСКАХ ВТОРОГО ЯЩИКА С ГАЛЕТАМИ

Долгое время я размышлял над своими делами; ничего утешительного не приходило в голову. Отчаяние овладело мною настолько, что я даже не пытался сосчитать количество оставшихся у меня галет, вернее, крошек. По величине этой кучки искрошенного теста я мог сказать, что хватит пищи (при самом ничтожном дневном пайке) примерно дней на десять. Следовательно, мне оставалось жить еще десять дней или максимум две недели, а в конце этих двух недель умереть мучительной смертью. Я уже страдал, вернее, умирал от голода, и мне было страшно испытать эти мучения вторично, но у меня не было абсолютно никакой надежды.

Я даже не мог думать: потрясение, которое я испытал, увидев ящик пустым, как бы парализовало мой мозг. Я мог себе ясно представить только страшный конец.

Под конец, однако, надежда ко мне вернулась. Правда, настолько неопределенная и необоснованная, что ее следовало бы назвать лучом надежды. Мне пришла в голову чрезвычайно простая вещь: если я нашел один ящик с галетами, отчего бы мне не поискать второй?

Если он не стоит рядом с первым, то он может быть где-нибудь поблизости. Я уже говорил, что при погрузке судна грузы размещаются не по сортам товара, а по объему

и форме упаковки, чтоб ящики и бочки не болтались при качке. Грузы, которые стояли вокруг меня, подтверждали это правило: здесь были галеты, мануфактура, водка и бочка с водой. Может быть, второй ящик с галетами не находился непосредственно за первым, но он мог быть неподалеку, может быть, даже за мануфактурой или где-нибудь в таком месте, куда я мог проникнуть.

При этой мысли я почувствовал новый прилив энергии и стал обдумывать план поисков.

План тотчас был выработан, но единственным средством для его выполнения мог служить только один инструмент — мой нож. Других средств у меня не было и не могло быть. Мне пришлось в голову проложить ножом дорогу через бочки, ящики и тюки и добраться до второго ящика с галетами. Чем больше я думал об этом, тем более выполнимой казалась мне моя идея. То, что нам кажется трудным или невыполнимым при обыкновенных обстоятельствах, становится легким, когда нам угрожает смертельная опасность и когда мы знаем, что таким путем сможем спасти жизнь. Самые тяжелые лишения и величайшие трудности становятся легкими затруднениями, когда дело идет о жизни и смерти.

А тут как раз решался вопрос, суждено ли мне жить, и я без колебаний взялся за долгую и трудную работу, как только почувствовал, что этим путем можно избавиться от голодной смерти.

Я решил ножом проложить себе дорогу через груды товаров в поисках драгоценного груза, содержащего пищу. Если будет удача, я останусь жить, если нет — умру. Кроме того, лучше провести это время в борьбе и надежде, чем в бесплодном отчаянии. Две недели дожидаться смерти в тысячу раз мучительнее, чем умереть.

Лучше бороться, питая надежду новыми усилиями. Самый труд сократит мне время и отвлечет меня от мрачных мыслей о возможной кончине.

Так думал я, и бодрость снова пробуждалась во мне.

Я стоял на коленях, полный решимости, сжимая в руке нож. Как я оценил в ту минуту счастье обладать этим куском стали! Я бы не обменял его на целый корабль, наполненный чистым золотом.

Я говорю, что стоял на коленях. Я не мог встать в полный рост, сколько бы ни добивался: не было места, потолок моей кабины был слишком низок.

И я глядел вверх и думал о той блаженной минуте, когда я выпрямлюсь...

В следующий момент я уже действовал. Прежде всего надо было узнать, что находится за ящиком шерстяной материи. Ящик с галетами был пуст, и я без труда мог проникнуть к ящичку с мануфактурой. Вы помните, что именно через галеты я набрел на шерстяную материю, которая так мне пригодилась. Чтобы достигнуть следующего ящика, надо было просто раскидать рулоны шерстяной ткани: ящик с шерстью был уже взломан.

Для этого мне не нужен был нож. Я отложил его в сторону, чтобы освободить руки. Затем просунул голову в ящик, когда-то полный галет, и залез в него весь. Через минуту, напрягая все силы, я выдерживал из соседнего ящика штуки сукна.

Глава XLIV

КРОХИ

Работа стоила мне гораздо больше времени и труда, чем кажется. Дело в том, что материя была упакована с целью сэкономить место и рулоны были прижаты друг к другу так плотно, как будто вышли из-под пресса. Рулоны, которые я вытащил в самом начале, лежавшие против отверстия ящика с галетами, поддались сравнительно легко; зато с другими я сильно намучился: пришлось пустить в ход всю мою силу, высвобождая их один за другим. Несколько штук более толстой материи были так велики, что никак не пролезали в пролом, и это меня сильно озадачило. Нужна была долгая и кропотливая работа, чтобы расширить отверстие. Взаимное положение двух ящичков не позволяло мне отщепить новую доску; расширить отверстие можно было только ножом; но и это по тем же причинам было довольно трудно.

Тут я придумал план, который тогда казался мне наилучшим, хотя впоследствии оказалось, что я сделал ошибку. Я разрезал шпагат, связывавший рулон материи, и потянул его с конца, постепенно разворачивая скатанный кусок. Таким образом я разматывал рулон, пока он не стал настолько тонким, что без труда прошел в оба отверстия.

Тут работа пошла быстрее, и через несколько часов я уже почти очистил ящик.

Работа моя была прервана очень серьезным обстоятельством: вернувшись в кабину с рулоном материи в руках, я обнаружил, что кабина занята крысами, около дюжины бегало по всем направлениям.

Я бросил сукно на пол и стал выгонять крыс. Едва они ушли, как я увидел, что они съели или утащили часть моих крошек. К счастью, я отсутствовал недолго, и они не успели унести много. Задержись я еще на двадцать минут — от моего запаса пищи и вовсе ничего не осталось бы.

Еще один такой случай был бы для меня равносителен смерти; я решил в будущем быть более осмотрительным. Я оторвал большой кусок ткани, положил в него остаток галет и завернул его в сверток, похожий на рюкзак. Завязав его накрепко полоской той же материи, я положил его в угол.

Ползая на коленях, то с пустыми руками, то нагруженный материей, я походил на муравья, бегающего по муравьиной дорожке и делающего запас на зиму. В течение нескольких часов я не уступал муравьям в усердии и деловитости. Погода снаружи была тихая, и пот катил с меня градом. Я оторвал специальный кусок материи, чтобы вытирать лицо и шею. Временами мне казалось, что я задохнусь. Но я работал и работал, мне и в голову не приходило сделать передышку.

Тем временем крысы напоминали о своем присутствии ежеминутно. Они кишели всюду: между ящичками, во всех щелях и пустотах, они встречались на моем пути и прыгали у меня по ногам. Но с тех пор как я знал, что грызунов привлекают в мою кабину галеты, а не я сам, я боялся их гораздо меньше. Сначала я был убежден, что они явились ко мне, чтобы напасть на меня, но теперь я успокоился. Днем я их вовсе не боялся. Только отправляясь спать, я должен был обеспечить себя от ночных посещений.

Кроме того, опасность подвергнуться нападению крыс померкла перед другой опасностью — умереть от голода.

Разгрузив наконец ящик с сукном, я позволил себе немного отдохнуть и подкрепиться горстью крошек и чашкой воды. Уже несколько часов меня мучила жажда.

Я не хотел отрываться от работы для питья, и сейчас я был способен выпить полгаллона. Я был уверен, что воды мне хватит надолго, и потому выпил, сколько хотел. Драгоценная влага показалась мне слаще меда — я чувствовал себя обновленным с головы до пят.

Теперь следовало закусить. Я повернулся к свертку, в котором хранились мои запасы.

Крик ужаса вырвался из моих уст, как только я ощупал сверток. Опять крысы!

Да! К моему величайшему изумлению, я увидел, что неутомимые грабители разгрызли материю и уничтожили большую часть моей кладовой! Они съели не меньше полкилограмма крошек буквально за несколько минут. Совсем недавно я трогал этот сверток, и вокруг него никого не было.

Нельзя ни на минуту отойти от галет, не рискуя лишиться всего до последней крошки!

С тех пор как я достал их из ящика, остатки галет уменьшились наполовину. Тогда у меня было дней на десять — двенадцать, считая мелкое крошево, которое я тщательно подобрал, а теперь я едва ли дотяну до конца недели.

Положение мое становилось все более мрачным. Но я не впадал в отчаяние. Я решил настойчиво выполнять свой план, как если бы ничего не случилось. Гибель моего продовольственного склада только прибавила мне ожесточения и энергии.

Однако надо было сохранить в целости хотя бы тот жалкий остаток крошек, который крысы еще не успели съесть. Пришлось взять с собой сверток и все время держать его при себе. Конечно, можно было завернуть его в несколько слоев материи, но я был уверен, что крысы доберутся до пищи, даже если бы я закупорил ее в железный ящик.

Я заткнул дыру, проделанную крысами, снова влез в ящик и втянул за собой сверток. Я был готов защищать его ото всех врагов.

Я поместил его меж колен, взялся за нож и принялся проделывать ход к следующему ящику.

Глава XLV

УКУС

Вначале я попытался оторвать доски руками, но, как я ни старался, ничего не вышло — пришлось лечь на спину и пустить в ход каблуки. Я нарочно надел башмаки для этой цели. Но сколько я ни молотил ногами, мне не удалось высадить доски. Они были хорошо забиты гвоздями и, как впоследствии оказалось, по углам были укреплены полосками железа, так что выдержали бы и более серьезные усилия. Таким образом, мои удары и толчки не приводили к цели; как только я убедился в том, что усилия мои напрасны, я решил избрать другой путь, а именно — пустить в дело нож.

Я намеревался надрезать одну из досок с края, а потом подвести под нее лезвие и отщепить. Таким образом я избавлял себя от необходимости резать доску в двух местах.

Дерево было не слишком твердое, обыкновенная канадская сосна; я бы легко разрезал доски, даже поперек волокон, если бы работал в более удобной позе. Но я работал в согнутом положении, достаточно неудобном и утомительном. Рука моя все еще болела от крысиного укуса: ранка еще не закрылась. Возможно, что вечные беспokoйства, тревога, бессонница, лихорадочное состояние мешали ране закрыться. К сожалению, это была правая рука, а левой я не умел работать, хотя не раз пробовал.

В результате я потратил много времени на то, чтобы разрезать основную доску в двадцать три сантиметра шириной и два с половиной толщиной. Под конец я все-таки справился с задачей и, нажав на разрезанную доску каблуками, с удовольствием убедился, что она поддается.

Однако что-то позади ящика мешало мне по-настоящему выломать доску. Был ли то ящик или бочонок, этого я определить не мог, но я этого ожидал. Промежуток был не больше восьми сантиметров, и мне пришлось дергать, трясти, нажимать вверх, вниз, вперед, назад, пока не расшатались железные скрепы и доска не отделилась от ящика.

Я сразу определил, что находилось за ящиком, просунув руку в щель. Там был другой ящик — увы! — такой же, как тот, который я опустошил. То же дерево на

ощупь — а я уже говорил, что мое осязание обострилось до чрезвычайности, — та же форма, та же величина, та же крепкая шероховатая поверхность, те же железки на углах — одним словом, точная копия первого ящика.

Это заключение наполнило меня печалью и разочарованием. Но все-таки я решил убедиться на практике, что этот ящик так же, как его близнец, в котором я сидел, наполнен мануфактурой. Я снова проделал всю работу: сделал поперечный надрез, стал тянуть к себе. Управиться со вторым ящиком было труднее, потому что добраться до него было сложнее, чем до первого.

Я работал сосредоточенно и угрюмо, вернее, без всякой надежды. Лезвие моего ножа уже не раз приходило в соприкосновение с чем-то мягким, рыхлым внутри ящика, — конечно, это была ткань. Я мог бы бросить работу, но какое-то невольное любопытство заставляло меня механически продолжать ее. Я аккуратно работал ножом, пока не дошел до конца.

Конец не был неожиданным: в ящике лежала материя.

Нож выскользнул у меня из рук, и, побежденный усталостью, подавленный горем, я упал навзничь в состоянии полной бесчувственности.

Не знаю, сколько времени я пролежал. Но внезапно я почувствовал острую боль в среднем пальце, словно меня укололи иголкой или резнули отточенным ножиком.

Я вскочил. Мне пришлось в голову, что я наткнулся на свой нож: я его оставил открытым около себя.

Но через секунду я понял, что не холодная сталь причинила мне боль, а острые зубы живого существа. Меня укусила крыса.

Сонливое состояние мгновенно рассеялось. Все прежние ужасы вернулись. Теперь более, чем когда бы то ни было, я был уверен, что жизнь моя в страшной опасности. В первый раз крысы напали на меня без всякого повода с моей стороны!

Раньше мои жесты и громкие крики прогоняли их, но теперь они обнаглели и перестали обращать внимание на шум. Я слишком долго пугал их, ни разу не заставив их почувствовать свою силу.

Теперь я не мог спать спокойно. Они могли напасть на меня сонного. Хотя мои надежды на спасение были очень невелики и меня ожидала голодная смерть, тем не менее я предпочитал умереть от голода, чем быть съеденным кры-

сами. Самая мысль о такой смерти наполняла меня ужасом и заставляла употребить всю свою энергию на избавление от такого конца.

Я очень устал и нуждался в отдыхе. Пустой ящик годился для сна: в нем можно было даже вытянуться во весь рост. Но я решил, что в старом своем убежище мне легче будет бороться с крысами, и, захватив нож, вернулся назад в кабину.

Теперь размеры моей клетушки уменьшились, потому что она была завалена материей, выброшенной из ящика. Я сам да еще мой мешок с крошками целиком заполнили всю кабину.

Я укрепил рулонами материи кабину возле бочонка с водкой, укрепил также и другой конец кабины. Затем съел свой жалкий ужин, напился воды и, наконец, успокоился душой и телом на своем шерстяном ложе.

Глава XLVI

ТЮК С ПОЛОТНОМ

Я спал тяжелым и беспокойным сном. К страхам за будущее присоединились новые страдания: в кабине стало невыносимо жарко. Все отверстия были забиты мануфактурой, притока воздуха не было, и я чувствовал себя, как в раскаленной печи. Как бы то ни было, я немного вздремнул.

Проснувшись, я позавтракал. Это был самый легкий из всех завтраков, какие существуют в мире. Я с наслаждением напился воды, потому что весь был в огне; лихорадка меня трепала, а укушенный палец мучительно ныл.

Все же я не откладывал дальнейшей работы: если в двух ящиках лежит мануфактура, это еще не значит, что из нее состоит весь груз. На этот раз я решил произвести разведку в другом направлении и проложить путь не вбок, к борту судна, а прямо, где у меня могли открыться большие возможности.

Захватив с собой свой продуктовый мешок, я приступил к работе с новой надеждой, и после долгого, упорного труда в согнутом положении, с больным пальцем, мне наконец удалось взломать стенку ящика.

Там лежало что-то очень мягкое. Это меня слегка обнадежило. По-видимому, не сукно, но что именно — я не мог понять, пока совершенно не оторвал доску. Я осторожно просунул руку в отверстие и дрожащими пальцами стал щупать: как будто холст... Должно быть, это упаковка, а что внутри?

Я взял нож и прорезал холст. В образовавшуюся дырочку я снова всунул пальцы.

Внутри было полотно. Прекрасное полотно, скатанное в штуки, как и мануфактура. Но эти штуки полотна были так плотно спрессованы, что ни одной я не мог выдернуть из тюка.

Это открытие повергло меня в глубокую печаль. Теперь я жалел, что это не ящик с сукном. Я бы постепенно его опорожнил и продолжал бы дальше свою работу. Но эту плотную полотняную массу не сдвинешь с места и не прорежешь ножом. Здесь было работы на неделю. У меня не хватит пищи, чтобы продержаться неделю. Нечего было и думать об этом ящике.

Некоторое время я стоял, не зная, что предпринять. Но время было слишком дорого, и только энергичная деятельность могла спасти меня. И я снова бросился работать.

Я вернулся ко второму ящику с мануфактурой с твердым намерением его опустошить и поглядеть, что за ним.

Отверстие было невелико, и я прибегнул к своему прежнему методу — вынимать материю не целыми рулонами, а вытягивать ее метр за метром.

Конечно, это было легче. Но увы! Мой метод привел меня к неприятным последствиям, о которых я скажу потом.

Я выбросил из ящика уже порядочное количество материи, когда мне внезапно пришлось остановиться. Не было места. То есть некуда было девать вынутое сукно!

Все свободное место: кабина, ящик из-под галет и еще один ящик — было целиком забито мануфактурой. Не было ни одного свободного метра.

Я не сразу испугался, потому что не сразу представил себе, какие могут быть последствия. Но когда я хорошенько подумал, я увидел, что стою перед очень опасной проблемой.

Я не могу продолжать разгрузку, пока не избавлюсь от волн шерстяной материи, заполнившей мое жилище. Но как это сделать? Нельзя было ни сжечь материю, ни выбро-

сить ее за борт. Можно было только свернуть ее так плотно, как она была упакована раньше.

Теперь я понял всю неосторожность моего поступка. Разматывая рулоны, я дал материи увеличиться в объеме. Вернуть ее в прежнее состояние было невозможно. Я не мог даже как-нибудь сложить материю, потому что в тесной каморке мне трудно было повернуться. Но если бы даже и было место, я все равно не смог бы довести материю хотя бы примерно до ее прежнего объема. Для этого нужен был большой винтовой пресс конторского типа.

Все это меня совершенно убило.

Но нет! Я не позволю отчаянию овладеть мною. Кое-как освободив место для последней штуки и выбросив эту проклятую штуку из ящика, я доберусь до его противоположного конца. Будет еще время для размышлений, если там окажется опять сукно или полотно.

Трудно сломить надежду в человеческом сердце. Пока человек жив, он надеется. Об этом говорит пословица. И я взялся за работу.

На этот раз мне пришлось резать доску посередине, так как концы ее были недосыгаемы под мануфактурой. Впрочем, разница была небольшая. Лишь бы проделать дыру, чтоб просунуть через нее пальцы.

Результат был очень грустный. Еще один тюк полотна!

Я был обессилен. Я свалился бы, если бы мог упасть. Но это было невозможно: я и так лежал плашмя, лицом вниз, слабый и телом и душой.

Глава XLVII

ВСЕ ВЫШЕ!

Через некоторое время я очнулся. Голод был тому причиной. Природа взяла свое.

Я мог съесть свои крошки где угодно, но для того, чтоб напиться, мне надо было вернуться к бочке с водой, в свое старое логово. Спать я мог в любом из ящиков, совершенно не боясь нападения крыс; но приходилось устраивать свое жилье возле воды.

Нелегко было мне вернуться в кабину. Пришлось расчищать дорогу среди мануфактуры, отбрасывая ее назад, отодвигая в сторону. Я старался сохранить побольше

места, иначе мне некуда было бы поместить собственное тело.

Наконец я достиг привычного места, поел, попил и заснул. Я принял обычные меры предосторожности, и крысы меня не беспокоили. Утром — или, вернее, после того, как я проснулся, — я снова поел и попил. Не знаю, было ли это утро, потому что я два раза забывал завести часы во время работы и они остановились, а я перестал ощущать разницу между днем и ночью. И так как я спал теперь нерегулярно, то и по сну не мог определить суток.

Я съел настолько мало, что остался голоден. Я был бы голоден все равно, даже если б съел весь свой запас, и мне стоило больших трудов удержаться от этого. Такой завтрак был бы последней едой в моей жизни. Я удержался, так как боялся немедленной голодной смерти.

Взамен пищи я наполнил свой желудок огромным количеством воды. Затем я приступил к работе. Я решил работать, пока хватит сил, но голод ослабил меня, я был совершенно истощен и с трудом ворочал тяжелые рулоны материи.

Я пытался исследовать дорогу во всех направлениях. Не буду на этот раз описывать подробно, как стояли ящики и что я чувствовал, вскрывая их. Скажу только, что после нескольких часов работы я не добился ничего путного. Повсюду стояли тюки с полотном.

Я не мог перескочить через них. Не мог и пройти сквозь них. Следовательно, нечего было стараться.

Я был совершенно подавлен.

На этот раз память пришла мне на помощь. Я вспомнил, что когда-то читал книгу, в которой описывалось, как мальчик борется с препятствиями и трудностями, как смелостью и настойчивостью он побеждает повсюду и приходит к благополучному концу. Тот мальчик сделал своим девизом латинское слово «*excelsior*», что значит «все выше».

Думая о собственной борьбе, поражениях и победах, о том, как я преодолевал трудности, я не мог не сравнить себя с ним — и тут мне пришла в голову новая неожиданная мысль.

Слово «*excelsior*» зародило ее во мне. «Все выше... — думал я. — А что, если я буду пробиваться в самом деле все выше и выше, вверх? Ведь я могу найти там пищу!»

Необходимо узнать, что находится надо мной.

Не медля ни минуты, я схватил нож и приступил к работе. Я лег на спину, подпер себя для верности несколькими рулонами материи и начал резать ножом верхний ящик.

Доска быстро поддавалась, и я рванул ее к себе руками. Черт возьми! Неужели мне суждено вечно терпеть неудачи?

Увы, это так! Плотный, грубый холст, а за ним тяжелая холодная масса полотна — вот и все, что я нашел.

Теперь оставался только первый ящик, в котором я обнаружил сукно, и пустой ящик из-под галет. Я еще не знал, что стоит на них, и мог надеяться.

Я вскрыл оба ящика и ничего не добился. Над первым из них было сукно, а над вторым — полотно.

— Неужели я погибну?

Вот и все, что я мог сказать.

Глава XLVIII ПОТОК ВОДКИ

Я опять заснул от усталости. Когда я проснулся, я почувствовал себя гораздо лучше, крепче и веселей, хотя ничто вокруг меня не изменилось.

Я стал думать. Было ясно, что мне не удастся проникнуть за ящики с сукном и полотном, но существовали еще два направления — одно к бортам корабля, другое — за бочонок с пресной водой.

Пройти через бочку с водой было почти невозможно. Я выпустил бы всю воду. Я мог бы проделать большую дыру выше уровня воды, влезть в бочку и, сидя в ней, просверлить дыру в противоположной стенке бочки. Я знал, что бочка полна не больше чем наполовину. В последнее время я много выпил из-за жары. Но я боялся, что внезапный шквал может закачать судно до того, что бочка примет почти горизонтальное положение, и драгоценная влага хлынет потоком через дыру. А без воды — без своего лучшего друга — я быстро погибну.

Я подумал и изобрел новое, гораздо более разумное направление для поисков: через бочонок с водкой.

Он стоял рядом с бочкой пресной воды, но его поставили так, что за ним было еще порядочно места. Часть этого бочонка была закрыта бочкой, но остальная часть была свободна и образовала естественную стену моей кабины. Вот эту-то стену я и решил сверлить. Я влезу внутрь бочонка и проделаю вторую дыру в противоположной его стенке. А что, если за ним я найду пищу? Предположение не было основано ни на чем, но я верил в успех.

Однако плотное дубовое дерево, из которого были сделаны клепки бочонка, уступало ножу куда хуже, чем мягкая сосна ящичков. Нож отказывался работать. Правда, здесь уже был надрез, который я сделал в свое время в поисках пресной воды, — и я погрузил в него нож. Я трудился, пока прочный дуб не поддался под нажимом стали; тогда я лег на спину, уперся головой в сукно и начал барабанить каблуками по бочке. Дело было нелегкое, дубовая доска долго сопротивлялась, но под конец уступила.

Еще несколько ударов — и меня с ног до головы окатил мощный поток водки.

Прежде чем я успел вскочить, я уже утопал в струе водки толщиной с мое тело! Кабина наполнилась пахучей жидкостью, и, только прижав голову к верхним балкам трюма, я с трудом избавился от нее; водка забралась мне в рот и в уши, я ослеп и оглох и долго еще кашлял и фыркал.

В этом не было, однако, ничего веселого; я невольно вспомнил о герцоге Кларенсе, который когда-то выбрал себе странный род смерти: он просил, чтоб его утопили в бочке с мальвазией.

Впрочем, наводнение кончилось так же быстро, как началось. Под полом было достаточно места; в несколько секунд водка ушла вниз, растворилась в трюмной воде и осталась болтаться в подполье до конца путешествия. Только платье мое продолжало вонять алкоголем да в воздухе остался резкий винный запах, от которого трудно было дышать.

Я открыл бочонок как раз в ту минуту, когда корабль качнулся на волне; этот толчок накренил бочку и опустошил ее почти до дна.

Отверстие было достаточно велико для того, чтоб я мог пролезть в него. Откашлявшись, я залез внутрь.

Первым делом я постарался нащупать втулку. Каковы бы ни были размеры отверстия, все же оно облегчит мою

задачу: самое трудное — сделать первый надрез на цельном дереве. Я очень дорожил своей идеей, избавлявшей меня от лишнего труда. Втулку я нащупал, хотя и не там, где предполагал: она оказалась в довольно удобном месте. Несколькими ударами черенка я вышиб ее прочь и принялся за работу.

После дюжины надрезов силы мои вдруг удивительно возросли. Раньше я чувствовал себя ослабевшим, а теперь я готов был рвать дубовые клепки голыми руками. Настроение было превосходное, как будто это была не серьезная работа, а игра, в которой не заботятся об исходе. Кажется, я насвистывал и, возможно, даже пел. Я ни минуты не думал о смертельной опасности, которая мне угрожала, и мне казалось, что все минувшие страхи были просто сном.

Тут меня охватила внезапная мучительная жажда. Помню, что я барахтался в бочонке, стараясь вылезть наружу, чтобы выпить воды. Кажется, я действительно вылез, но, честное слово, не помню, добрался ли я до воды. Вообще, с этого момента я ничего не помню, потому что неожиданно впал в бессознательное состояние.

Глава XLIX НОВАЯ ОПАСНОСТЬ

Несколько часов я лежал без памяти. Мне ничего не снилось. Но когда я пришел в себя, мне показалось, что я долго летал по воздуху и потом упал с большой высоты. Это было отвратительное состояние: я страдал от беспричинного страха.

К счастью, это продолжалось недолго. Я пришел в себя и мало-помалу успокоился. Но меня тошнило, и от головной боли раскалывались мозги. Я понимал, что это не морская болезнь, да и качки на море не было. Судно шло довольно плавно.

Неожиданный приступ лихорадки? Или это от духоты? Нет, я уже перенес и то и другое; новое ощущение не было похоже на прежние.

Я ничего не мог придумать. Впрочем, скоро я начал догадываться, в чем дело. Я был пьян.

Я не пил водки, хотя несколько времени назад утопал в ней. Правда, мне в рот попало несколько капель, но никак не больше чайной ложки. От такого количества нельзя опьянеть. Да я и ненавижу водку! Отчего бы я мог впасть в такое состояние? И, однако, я опьянел. Никогда в жизни я не был пьян, но, по всем признакам, сейчас дело обстоит именно так. Наконец я сообразил: это не от самой водки, а от винных паров, от запаха водки.

Прежде чем влезть в бочонок, я чувствовал уже себя несколько навеселе. Помню, что я чихал от резкого запаха, но, когда я влез в бочонок, я едва не задохнулся от испарений. Потом я сразу почувствовал себя сильным и счастливым.

Потом мне захотелось пить. Хорошо, что я повиновался голосу жажды и вылез из бочонка. Я перестал дышать испарениями спирта. Но я не пил. Если б я вынул втулку из бочки с водой, я, наверно, забыл бы вложить ее обратно, огромное количество воды утекло бы и сейчас вода находилась бы на уровне отверстия. Да и моя сукодная чашка была бы мокрая, а я нашел ее совершенно сухой. Да, мне повезло, я вовремя захотел пить. Останься я в бочонке — последствия были бы губительны. Не знаю, чем бы это кончилось. Я все время оставался бы пьяным, прийти в себя я не мог бы. Возможно, я бы умер в бочонке. Кто знает!

Тут мне захотелось пить по-настоящему. Я готов был осушить всю бочку. Я бросился к чашке и не отрывался от нее, пока не выпил полгаллона воды.

Мне сразу стало лучше, и мозги прояснились. Теперь я мог снова соображать, и самообладание вернулось ко мне.

Стоило ли продолжать работу в бочонке? Мне казалось, что я не в состоянии буду взяться за нее снова. Что, если я опять потеряю память и не смогу вторично выбраться из бочонка?

Быть может, следовало работать, пока я не почувствую, что снова пьянею, и тогда сразу вылезть обратно? Быть может! А если я не успею и опьянение придет внезапно? Сколько я там сидел до того, как со мной случилась эта история? Я не мог припомнить.

Но я ясно помнил, что это состояние пришло незаметно, что я чувствовал себя сначала прекрасно и совершенно не думал о последствиях; я забыл даже обо всех опасностях, угрожавших мне. Если все это повторится, почувствую ли я теперь снова спасительную жажду? Я не

мог ответить на все эти вопросы, но просто боялся снова влезать в бочонок.

Однако другого пути не было. Я должен был продолжать работу. Если уж умирать, так лучше умереть от опьянения. По крайней мере, эта смерть не так мучительна, она без боли.

Я приободрился: ведь все равно выбора не было. И снова влез в бочонок.

Глава I ГДЕ МОЙ НОЖ?

Вернувшись в бочонок, я стал искать мой нож. Я не запомнил, куда его положил. Искал я его снаружи, но безуспешно и решил, что он остался в бочонке. Но и там его нигде не было.

Я начал беспокоиться. Если нож пропал, то все мои надежды на спасение рухнули. Без ножа я не смогу никуда пробиться и должен буду лежать без движения в ожидании смерти. Куда он делся? Неужели его утащили крысы?

Я еще раз обыскал кабину, еще раз обшарил днище бочонка — ничего нет.

Я уже собирался вылезть обратно, когда рука моя машинально прошла по верхней части бочонка, возле отверстия, над расширением которого я работал, когда мне стало дурно, — и, к величайшей моей радости, я обнаружил там нож. Он торчал в клепке, которую я собирался разрезать.

Я немедленно взялся за работу. Но клинок ножа, уже видавшего виды, порядочно ступился, и резать этим клинком дубовую доску было так же трудно, как долбить им камень. Я пытался над доской добрых четверть часа, но не успел углубить ее и на сантиметр.

По-видимому, увеличить отверстие было мне не по силам.

Я снова чувствовал легкое опьянение, в сущности, настолько незначительное, что мог бы продолжать работу; но я уже знал, что шутить с испарениями спирта не стоит, и поклялся, что при малейшем намеке на опьянение моментально покину опасное место; к счастью, я сделал это вовремя. Останься я в бочонке еще минут десять — я снова

потерял бы сознание. Но я вылез. Снова я почувствовал какую-то странную легкость внутри себя. Но когда мозги шпрояснились, я понял, что из-за этих испарений рушится моя последняя надежда: я могу работать, только делая большие перерывы, а принимая во внимание, что нож затупился, мне придется работать таким образом несколько дней, пока я проделаю достаточное отверстие в стене бочонка.

Несколько дней — слишком долго для меня. Мне не хватит маленькой горсти крошек. Ее не хватит и на три дня! Обстоятельства ухудшались. Жизнь висела на волоске.

Если б я знал наверно, что за бочонком меня встретит новый запас пищи, я бы работал изо всех сил. Я собрал бы весь запас воли, упорства и энергии, который еще был во мне, и добился бы своего; но цель моя была сомнительна, десять шансов против одного, что я не найду ничего съестного.

Единственный мой выигрыш был выигрыш в пространстве: взломав бочонок, я увеличил место моего заточения. Теперь я могу перенести в бочонок какой-нибудь из окружающих меня предметов и пробиваться дальше в том направлении, где раньше был этот предмет. Но это небольшое утешение.

И вдруг блестящая идея озарила мой мозг и наполнила меня радостью.

Если я могу передвигаться, завоевывая пространство по горизонтальной линии, почему мне не сделать то же по вертикали? Почему не попытаться (как я уже пробовал) проложить ход наверх и добраться до палубы?!

Мысль эта меня поразила. До сих пор я не думал об этом, сам не знаю почему — я был настолько подавлен, что такая идея показалась бы мне абсурдной!

Правда, надо мной огромное количество ящиков, один на другом. Они заполняют весь трюм, на дне которого я нахожусь. Погрузка продолжалась ведь еще два дня и две ночи после того, как я забрался в трюм (что меня, как вы помните, тогда сильно удивило), и, следовательно, надо мной находится почти весь груз корабля. Если считать, что это составляет около десятка ярусов и что я могу в день опустошать по одному ящику, я должен буду проработать всего десять дней, чтобы оказаться непосредственно под палубой!

Все выше и выше!

Трудно представить себе, как я жалел о том, что эта спасительная мысль не пришла мне в голову раньше. Не слишком ли поздно? Будь у меня ящик с галетами — я мог бы легко выполнить свой план; увы! остались жалкие крохи. Пожалуй, не стоит и начинать.

И все-таки я не мог отказаться от прекрасной надежды завоевать себе жизнь и свободу; я отбросил все печальные сожаления и стал обдумывать положение.

Самое главное — выиграть время. Это беспокоило меня больше всего. Я боялся, что прежде, чем я опустошу хоть один ящик, пища кончится и силы оставят меня. Возможно, что я умру в самом разгаре работы.

Глава LI

НАЛЕВО КРУГОМ!

Итак, я снова воспрянул духом.

Только одно обстоятельство меня смущало: смогу ли я привыкнуть к испарениям алкоголя, от которых дважды уже терял сознание? Освоюсь ли я когда-нибудь с запахом водки настолько, чтобы успешно работать в бочонке? Будущее покажет.

Вот почему, выпив воды, я направился к проклятому бочонку с намерением расширить наконец отверстие.

Да! Я забыл: бочонок ведь я набил материей! Мне снова пришлось вытаскивать из него мануфактуру, рулон за рулоном. За этим утомительным делом мне пришли в голову новые вопросы:

— Зачем я вытаскиваю материю из бочонка? Пусть она лежит там, где лежала! Почему не бросить вообще этот бочонок?

Действительно, теперь не было никакого смысла пробиваться в этом направлении. В этом направлении я не доберусь до палубного люка. Я помнил, что прямо под люком находилась бочка с водой, около которой я сразу очутился, когда спускался в трюм. Потом я повернул вправо, обогнул ящик и оказался в кабине. По-видимому, я находился как раз в середине судна, в стороне штирборта¹.

¹ Штирборт — правая сторона корабля, правый борт.

Работать над водочным бочонком — означало уклоняться от главного люка, через который я попал в трюм. Мало того: длительная работа над дубовой клепкой могла привести к тому, что я задохнулся бы в испарениях алкоголя.

Итак, следовало ли работать над бочонком? Не лучше ли вернуться к ящикам и продвигаться в направлении палубы. Легче пробиться через сосновые ящики, чем через дубовую бочку. Да я уже и начал в свое время работать в том направлении. Таким образом, обсудив все, я окончательно пришел к заключению, что пробиваться через бочонок будет лишней работой. Придя к такому заключению, я решил действовать в обратном направлении — другими словами, повернуть налево кругом и пробиваться к палубе и главному люку.

Я запихнул обратно в бочонок все сукно и постарался спрессовать его получше, чтобы больше вошло.

Закончив все приготовления, я напился воды и забрался в один из пустых ящиков.

Глава LII

ДОГАДКИ

Это был ящик из-под сукна, смежный с ящиком из-под галет. Я выбрал его отправной точкой для моего тоннеля по двум соображениям: во-первых, я был убежден, что он находится точно против люка. Правда, про ящик из-под галет можно было сказать то же самое, но он был слишком мал и неудобен.

Во-вторых, над ящиком из-под сукна находился еще один ящик с такой же материей, в то время как над галетным ящиком возвышался тюк с полотном, и гораздо легче было начинать с вытаскивания рулонов, чем выдергивать плотные, спрессованные штуки полотна.

Я не сразу приступил к работе. Я долго лежал, обдумывая свой план и все его детали.

Этот план пробудил во мне новую энергию; надежда сейчас овладела мной, как никогда с самого начала моего заточения. Перспективы открылись превосходные. Обнаружив бочку с пресной водой и ящик с галетами, я испытал, правда, большую радость — я убедился в том, что мне хва-

тит пищи и питья до конца путешествия, но впереди были месяцы молчания, мрака, одиночества. А сейчас все шло по-другому. Счастье улыбнется мне наконец! Я увижу сияющее небо, я буду дышать свежим воздухом, я увижу лица людей и услышу сладчайший из всех звуков — чудесный звук человеческой речи!

Я чувствовал себя, как путник, который после долгого странствования по пустыне видит вдалеке следы человеческого жилья — неясные ли это очертания деревьев или голубой дымок, поднимающийся над далеким очагом, — все наполняет его надеждой на скорую встречу с людьми, которых он давно не видел.

Надежда все крепла во мне и превращалась в уверенность.

Именно надежда удерживала меня от спешки в выполнении моего плана. Дело было слишком серьезно, чтоб относиться к нему легкомысленно, чтоб осуществлять его поспешно и небрежно. Могли возникнуть непредвиденные обстоятельства, из-за пустого случая дело могло провалиться.

Чтобы избежать этого, я решил действовать с величайшей осторожностью и перед тем, как приступить к делу, обдумать его самым тщательным образом.

Одно было мне ясно: моя задача была нелегка. Я знал, что нахожусь на дне трюма; знал также, что глубина трюма очень велика на больших судах. Я вспомнил, что скользил по канату очень долго, пока добрался до пола. Когда я после этого взглянул вверх, то увидел отверстие люка на большой высоте над собой. Так как все это пространство было сейчас заполнено товаром, то мне предстояло проделать очень длинный тоннель.

Если весь трюм загружен товарами, то как трудно будет проложить дорогу через ярусы ящиков! Я не смогу идти по прямой линии. Если на пути будут ящики с сукном, дело пойдет легко, но, если встретится тук с полотном, мне придется обходить его.

Иногда я буду продвигаться по вертикали, иногда по горизонтали и шаг за шагом буду приближаться к люку.

Однако число ящиков и расстояние до палубы беспокоили меня не так сильно, как характер товаров.

Представьте себе, например, что товары эти, распакованные, увеличиваются в объеме и я не сумею их при разгрузке по-настоящему уплотнить, как это однажды уже

случилось с сукном; тогда я не буду в состоянии добраться до бочки с водой и не смогу продолжать работу.

Больше всего я боялся полотна. Оно «непроходимо», а если его вынуть кусками, то сложить обратно будет почти невозможно. Оставалось надеяться, что среди груза немного этой прекрасной и полезной ткани.

Я передумал множество вещей. Я даже старался припомнить, что за страна Перу и какие товары туда возят из Англии. Но к сожалению, я очень плохо разбирался в экономической географии. Одно было ясно: груз «Инки» относился к разряду ассортиментных грузов, какие обычно идут в порты тихоокеанского побережья Америки. Тут было всего понемножку, и я мог встретиться с любым из продуктов больших промышленных городов.

Около получаса я размышлял надо всем этим и убедился в полной бесполезности таких размышлений. Дело было темное. Надо было приступить к работе, и, отбросив на время рассуждения, предположения и размышления, я начал осуществлять свою задачу.

Глава LIII Я СТОЮ ВО ВЕСЬ РОСТ

Вы, конечно, помните, что при первой моей экспедиции в ящики с мануфактурой в поисках галет или чего-нибудь съестного я обследовал грузы, которые их окружали. Вы помните также, что сбоку от первого ящика, ближе к главному люку, я нашел полотно, а над ним ящик с суконной материей. В последнем ящике я уже проделал отверстие. Мне оставалось выбросить из него сукно, и первая ступень будет пройдена. Такая большая экономия времени и труда сильно меня подбодрила.

Итак, я приступил к разгрузке ящика без всякого промедления.

Впрочем, самая разгрузка была вовсе не так легка. Мне снова пришлось пройти через те же трудности, что и раньше. Трудно было вытащить первые рулоны, плотно прижатые друг к другу. Я бросал их один за другим в угол, образовавшийся в моей кабине, за бочонком из-под водки, после взлома ящиков. Я собрал рулоны и уложил самым

тщательным образом, чтоб освободить побольше места и заткнуть все крысиные ходы и лазейки.

Теперь я не боялся больше крыс. Я даже не думал о них, хотя и чувствовал, что они находятся где-то поблизости. Мой последний кровавый «набег» нагнал на них страху. Отчаянные вопли крыс, попавших в мою ловушку, разнеслись по всему трюму и послужили хорошим предупреждением для остальных. По-видимому, они были сильно напуганы. Убедившись в том, что я опасный сосед, они уступили мне господство над трюмом на весь остаток путешествия.

Не боязнь крысиного нашествия заставила меня закупорить все лазейки, а экономия пространства, стремление сохранить как можно больше места, потому что, как я уже говорил, именно этот вопрос внушал мне большие опасения.

Благодаря моей настойчивости и усиленному темпу работы ящик скоро опорожнился. Вся материя была сложена в углу по возможности аккуратно.

Первые шаги меня вполне удовлетворили; настроение мое улучшилось. С веселым сердцем я забрался в пустой ящик. Я укрепил в поперечном положении одну из отщепленных при взломе досок и уселся на нее, свесив ноги. В таком новом для меня положении я мог сидеть выпрямившись и испытывать величайшее наслаждение. Я долго находился в кабине высотой меньше метра, в то время как мой собственный рост достигал почти метра с четвертью; я вынужден был стоять наклонившись или сидеть, согнув колени и упрятав в них подбородок.

От таких неудобств не страдаешь, когда это вынужденное положение длится недолго, но, когда оно затягивается, начинаешь утомляться и чувствуешь боль во всем теле. Поэтому я ощутил громадное облегчение, когда выпрямил спину. Больше того: я теперь мог даже стоять, потому что проломленные ящики соединялись между собой и от дна одного до крышки другого было около ста восьмидесяти сантиметров. Таким образом, между моим теменем и потолком моей новой комнаты оставалось еще шестьдесят сантиметров, и, даже подняв руку, я не мог дотянуться до него пальцами.

Не теряя времени, я перешел в верхний ящик, чтобы обследовать его. Мне пришло в голову, что нет необходимости лежать в ящике скрюченным, когда я получил воз-

можность стоять. Поэтому я устроил ноги в нижнем ящике, а голову, шею и плечи всунул в верхний. В таком положении было замечательно приятно и отдыхать и работать. Я предпочитал стоять, чем сидеть; в этом не было ничего удивительного, если припомнить, что я многие дни и ночи провел в сидячем положении. И теперь я был счастлив занять то гордое прямое положение, которое свойственно человеческому роду с древнейших времен.

Стоя, я долго размышлял, какое избрать направление для тоннеля: прямо вверх или в сторону главного люка? Следует ли выбить крышку ящика, стоявшего боком, или же боковую стенку, обращенную к люку? По-видимому, следовало избрать диагональное направление, среднее между горизонтальным и вертикальным. Я долго колебался, прежде чем принял решение.

Направление прямо вверх будет, конечно, самым коротким — оно быстрее всего приведет меня к верхнему ярусу груза. Там я могу отыскать свободное пространство между ящиками и балками трюма и пробраться к люку. Идти же в горизонтальном направлении, кажется, бесплодно, так как я не буду при этом приближаться к палубе.

Двигаться по горизонтали допустимо только в тех случаях, когда на пути вверх попадутся серьезные препятствия. Тогда придется обходить их.

И все же я начал работать именно в горизонтальном направлении и сделал это по трем соображениям.

Во-первых, доски боковой стенки ящика почти совсем отщепились и их легко было выломать.

Во-вторых, просунув нож в щель верхнего ящика, я наткнулся на один из тех непроницаемых мягких на ощупь тюков, с которыми я уже дважды боролся, всячески их проклиная.

Повсюду мой нож наткался на полотно. Дерево ящика было довольно твердое, хотя это была сосна; но будь это даже самое твердое дерево — я бы сладил с ним скорее, чем с полотном.

Было у меня еще и третье соображение.

Дело в том, что по тогдашним английским законам суда облагались налогом по тоннажу, то есть по грузоподъемности, а не по вместимости трюма.

Чтобы обойти этот закон и платить поменьше налога, судовладельцы заказывали суда, которые, имея определенный тоннаж (тоннаж определяют, множа длину кила

судна на ширину палубы и на глубину трюма), по вместимости превосходили его на треть!

Корабли строились с выпяченными, пузатыми боками. Данные, по которым исчислялась величина налога, то есть длина киля, ширина палубы и глубина трюма, были невелики, но пузатые бока, которые налогом не облагались, забирали в себя дополнительный груз, и, таким образом, фактически тоннаж корабля был намного больше того, который был показан на бумаге.

Добрый корабль «Инка» был построен точно таким же способом: со шлюпки, причаленной к его борту, пузатые его бока казались навесами. Все торговые суда моего времени были таковы.

Глава LIV

СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Я уже говорил, что, пробуя кончиком ножа содержимое груза, который находился над опустошенным мною ящиком, я нащупал что-то похожее на полотно; потом я обнаружил, что тюк с полотном не так велик, как я ожидал, и занимает только часть крышки нижнего ящика; кусок сантиметров в тридцать оставался свободным, а над ним была пустота, образуемая плоскостью ящика и выгнутой стенкой трюма.

Это легко объяснить: тюк находился как раз в том месте, где борт корабля начинал загибаться; сверху тюк упирался в стенку трюма, образуя полость между крышкой ящика, на котором стоял тюк, и обшивкой трюма.

Если я буду идти вверх по прямой линии, я в конце концов упрусь в борт корабля, который загибается все больше по мере приближения к палубе. Мне придется на пути встретить множество мелких препятствий — всяких посылок и коробок, которыми загружают промежутки между ящиками и с которыми возни больше, чем с ящиками и бочками. Исходя из этих соображений, я решил свой первый шаг сделать не по вертикали, а по горизон-тали.

Вы удивляетесь, что я так долго думал об этом; но если вы примете во внимание, что работа у меня была тяжелая,

что проделать дыру в стенке ящика и еще одну дыру в соседнем ящике занимало почти целый день, вы поймете, почему я старался не делать необдуманных шагов.

Кроме того, продумать все это заняло гораздо меньше времени, чем рассказать. Не больше пяти минут заняли у меня все те мысли, о которых я вам сообщил. Но мне было приятно сидеть, вытянув ноги, и я провел в этом положении около получаса.

Потом я принялся за работу; с великой радостью влез я в верхний ящик. Я был уже во втором ярусе, на два метра выше дна трюма; я поднялся на метр выше, на метр ближе к палубе, к небу, к людям, к свободе.

Внимательно ощупав стенку, которую я собирался резать, я, к полному своему удовольствию, обнаружил, что она держится очень плохо. Пошарив кончиком ножа за ней, я убедился вдобавок, что соседний ящик отстоит на несколько сантиметров, потому что я едва мог достать до него острием ножа. Таким образом, достаточно было ударить каблуками по стенке, чтоб она выпала из ящика. Я так и сделал. Раздался скрежет, гвозди поддались, доска вывалилась и упала в промежуток между ящиками.

Я просунул руку в брешь, чтобы ощупать соседний предмет, но почувствовал лишь шершавые доски обыкновенного ящика. Невозможно было определить, что содержится в нем.

Я выбил ногами еще несколько досок, чтобы легче было обследовать ящик. Но к моему удивлению, я увидел, что шершавая поверхность тянется во все стороны на огромное расстояние: она поднималась, как стена, вверх и уходила в стороны так далеко, что как я ни старался, не мог достать рукой до угла. Это был ящик невероятных размеров.

Единственным утешением мне было то, что ни сукна, ни полотна в нем лежать не могло. Иначе он был бы похож на остальные ящики.

Я просунул нож в щель — там было что-то вроде бумаги. Но бумага могла быть только упаковкой, потому что дальше мой нож наткнулся на что-то твердое и гладкое, как мрамор. Но это не были ни камень, ни дерево. Это было что-то очень твердое и к тому же полированное. Я ударил ножом посильнее, и в ответ мне послышался долгий звенящий звук: тванг! — но я так и не мог понять, в чем тут дело.

Оставалось только взломать ящик и ознакомиться с его содержимым.

Я немедленно начал резать стенку ящика. Она оказалась толщиной больше десяти сантиметров, и мне пришлось проработать много часов. Нож мой совершенно затупился, и работа стала еще трудней.

Я разрезал поперек одну из досок огромного ящика. Затем я отложил нож, просунул руку в отверстие и отогнул доску.

То же самое я сделал с другой стороны — открылось довольно большое отверстие.

Я вытащил бумагу и обнажил гладкую поверхность таинственного предмета. Я провел по ней пальцами: это было дерево, настолько гладко отполированное, что поверхность его казалась стеклянной. На ощупь она походила на красное дерево. Я постучал по ней — снова раздался тот же звенящий гул. Я ударил посильнее и получил в ответ долгий вибрирующий музыкальный звук, напоминающий эолову арфу.

Теперь я понял, что это такое. Это пианино.

Я уже был знаком с этим инструментом. Он стоял в маленькой гостиной в родительском доме, и покойная мать моя извлекала из него чудесные звуки.

Да, предмет с гладкой поверхностью, преградивший мне дорогу, был не что иное, как пианино.

Глава LV В ОБХОД ПИАНИНО

Не могу сказать, что мне было особенно приятно убедиться в этом. Без сомнения, пианино на пути моего продвижения представляло серьезную трудность. Как преодолеть такой барьер? Это пианино было гораздо больше того, которое стояло в гостиной моей матери.

Пианино стояло на боку, и крышка его была обращена ко мне; по резонансу — в ответ на мои удары — я сразу определил, что оно сделано из красного дерева толщиной сантиметра в два с половиной. Притом дерево было цельное, так как на всем протяжении я не нашел никакой щелки. Даже будь это простая сосна, мне предстояло бы основательно потрудиться, а тут передо мной было красное дерево удвоенной крепости благодаря полировке и лаку.

Но предположим, что мне и удалось бы проделать дыру в крышке пианино (это не было невозможно), что тогда?

Внутри пианино меня ожидало огромное количество работы. Я плохо разбирался в устройстве таких инструментов. Я припоминал только какую-то мешанину из крашеной черной и белой слоновой кости, множество крепких металлических струн, каких-то палочек, кусочков дерева, продольных и поперечных педалей... Все это очень трудно будет вынуть.

Но были еще и другие трудности. Предположим, что мне и удастся очистить внутренность пианино. Сумею ли я влезть в него? Хватит ли мне места внутри инструмента для того, чтобы просверлить противоположную его стенку, проделать еще одну дыру в большом ящике, в котором пианино стоит, да еще одну дыру в соседнем ящике? Сомнительно. Скорей всего ничего не выйдет.

Чем больше думал я об этом предпринятии, тем яснее я видел, что оно неосуществимо. Наконец я отбросил эту мысль и решил идти в обход.

Решение это испортило мое настроение: я потерял полдня в работе над вскрытием ящика. Возня с предыдущим ящиком — ящиком с материей — тоже оказалась напрасной. Но делать было нечего, оставалось отправиться на разведку кружных путей, чтобы обойти «крепость».

Я был по-прежнему уверен, что надо мной находятся тюки с полотном, и это убеждение отбило у меня всякий вкус к работе в этом направлении: оставалось выбирать между правой и левой сторонами.

Я знал, что прокладка пути по горизонтали не приблизит меня к цели. Я останусь на первом ярусе, и даже когда я выберусь повыше, это будет снова второй, а не третий ярус. Но слишком уж я боялся проклятого тюка с полотном!

Однако у меня теперь было одно преимущество: взломав боковую стенку ящика с материей, я обнаружил, как вы уже знаете, порядочное расстояние между ним и упаковкой пианино. Теперь я запущу туда руку по самый локоть и прощупаю соседние грузы.

Так я и сделал. Справа и слева были ящики, в точности похожие на тот, в котором я сидел. Это было превосходно. Я так напрактиковался во взломе и опустошении ящиков с сукном, что считал такую работу сущей безделицей; я

Глава LVI СЛОМАННОЕ ЛЕЗВИЕ

хотел бы, чтобы весь груз в трюме состоял из этого товара, создавшего славу Западной Англии.

Размышляя так и ощупывая в это время края ящиков, я случайно поднял руку — проверить, насколько тюк с полотном выдается над краем ящика. К моему удивлению, я увидел, что он не выдается вовсе! Я сказал «к моему удивлению», потому что привык, что тюки с полотном были примерно тех же размеров, что и ящики; этот тюк был несколько сдвинут к стенке трюма и, следовательно, должен был торчать с другой стороны. Но он не торчал — ни на сантиметр! Это был маленький тюк.

Волнуясь, я исследовал его более тщательно пальцами и кончиком ножа. С большим удовольствием убедился я в том, что это вовсе не тюк, а деревянный ящик!

Он был покрыт сверху чем-то мягким, вроде войлока, — вот почему я ошибся.

Снова у меня возникла надежда проложить ход прямо вверх, по вертикали. Я быстро справлюсь с войлочной упаковкой и взломаю ящик.

Больше я не думал о кружных путях: я решил теперь двигаться вверх.

Не стану описывать, как я вскрывал ящик, в котором сидел: вы уже это знаете. Ящик поддался легче, чем я ожидал, благодаря пустому промежутку справа, и я очутился перед войлочной обшивкой.

Я сорвал войлок и очистил дерево: это была обыкновенная сосна.

Доски были тоньше, чем обычно. Ящик был заколочен мелкими гвоздями. Здесь не было надобности резать дерево — можно было просунуть кончик ножа под одну из досок и вскрыть ящик тем же движением, каким вскрывают посылки, действуя ножом, как рычагом.

Мне казалось, что это сократит мне работу. Увы! Неожиданный шаг стал причиной величайшего несчастья, и я впал в полное отчаяние.

Я вам объясню в нескольких словах, что произошло.

Пробуя сопротивление тонких дощечек, я подсунул под них нож.

Я даже не думал вскрывать ящик этим лезвием. Но случайно я нажал на черенок посильней — раздался сухой треск, который потряс меня сильнее, чем выстрел, — нож сломался!

Да, нож сломался начисто и застрял в щели, между досками. Черенок остался у меня в руке; я ощупал его большим пальцем — клинок отскочил почти у самого основания; в ручке осталось не больше четверти сантиметра стали.

Трудно описать мои страдания. Подумайте сами: что мне было делать без ножа?

Я был теперь безоружен и беспомощен. Я не мог продолжать прокладку туннеля. Я должен был забыть о предприятении, на которое возлагал столько надежд, — другими словами, мне оставалось только сложить руки ждать печального конца.

Было что-то устрашающее в реакции, которую я испытывал. Она была особенно мучительна. Внезапность, с которой произошла эта ужасная катастрофа, сделала удар еще более тяжелым. Неожиданное несчастье разбило все мои планы и бросило меня в бездну отчаяния и безнадежности.

Я долго колебался, не мог сосредоточиться. Что делать? Работать нечем: нет инструмента.

В полной растерянности я машинально гладил большим пальцем остаток лезвия. Ошеломленный, я простоял так довольно долго.

Я даже размышлять не мог.

Постепенно самообладание вернулось ко мне. Я стал соображать, что можно сделать с помощью сломанного лезвия.

Я вспомнил слова поэта: «Сражаться сломанным оружием лучше, чем голыми руками» — и применил эти слова к себе.

Я вынул лезвие из щели и ощупал его. Оно было цело, но что мне было делать с ним без ручки?

Я попробовал зажать лезвие в кулак и действовать им, как целым ножом. Кое-что можно было сделать, если обернуть толстый конец лезвия тряпкой, но все же работать им долго нельзя: это было бы мучительно. О том, чтобы всадить лезвие обратно в рукоятку, не могло быть и речи, хотя я и думал об этом. Не было возможности вырвать из рукоятки засевший в ней остаток. Если бы его не было, я

бы всадил лезвие в рукоятку и привязал бы его крепкой бечевкой. Но остаток лезвия в рукоятке исключал эту возможность.

От рукоятки больше не было никакой пользы. Употреблять ее как кусок дерева не имело смысла. Всякий другой обрубок был бы для меня полезней, потому что я приладил бы к нему лезвие, а здесь остаток стали мешал мне.

Эта идея воодушевила меня, и я стал думать о том, как бы приделать к лезвию новую рукоятку.

Нужда делает людей изобретательными. Через час я держал в руке нож с новой рукояткой, правда, довольно грубой, но вполне заменяющей старую. И снова ко мне вернулось превосходное настроение.

Как я сделал рукоятку? Очень просто: материалом для нее послужил отрезок доски толщиной сантиметра в три. Я обстрогал его и придавал ему форму рукоятки. Я действовал с помощью лезвия, обмотанного тряпкой. Затем я слегка расщепил рукоятку и всадил в нее сталь. Оставалось только привязать ее бечевкой. Я сначала думал о шнурках из-под мануфактуры, но потом раздумал: бечевка будет постепенно развязываться, протираться, ослабевать. Рисковать же не следует.

Что бы такое найти, чтоб прикрепить сталь к лезвию более прочно? Хорошо бы раздобыть метра два проволоки, но где ее взять?

Как так? А пианино! Струны! Уж они-то, конечно, делаются из проволоки!

Я стал снова присматриваться к пианино. Сумею я влезть в него — я бы немедленно стащил одну из струн. Но как до них добраться? С моим ножом в его нынешнем виде это было просто невозможно. Пришлось мне расстаться с моей мыслью.

Но тут мне пришло в голову другое: железные скрепы, соединяющие части ящиков, могут пригодиться вполне. Вот как раз то, что нужно! Эти гибкие, тонкие полоски, обернутые вокруг ножа, образуют прочное предохранительное кольцо, и у меня будет превосходная рукоятка.

Так я и поступил — и снова у меня в руках был нож! Правда, клинок стал несколько короче, но я был убежден, что он будет превосходно резать и сверлить самые толстые доски. Я чувствовал полное удовлетворение.

Все последние работы заняли часов двадцать. Я очень устал, мне уже давно следовало отдохнуть. После того как

нож сломался, я не мог думать об отдыхе. Я все равно не заснул бы.

Но теперь я успокоился; теперь я мог позволить себе тот давно желанный отдых, которого так настойчиво требовали душа и тело.

Голод заставил меня раскрыть мой жалкий пищевой склад.

Глава LVII ПУСТАЯ ПОЛОСТЬ

Я провел ночь или, вернее сказать, часы отдыха в старом своем помещении, за бочкой с пресной водой. Я больше не заботился, день или ночь на дворе. Я прекрасно выспался и встал освеженный и окрепший.

После завтрака я отправился в свою галерею и влез в пустой ящик, где провел накануне почти целые сутки.

Не без сожаления думал я о потерянных напрасно двадцати часах: ведь я не продвинулся ни на сантиметр, но меня поддерживала тайная надежда на благополучный конец.

Я намеревался продолжать работу, которая прервана была поломкой ножа. Я уже говорил, что доски очередного ящика держались довольно слабо. Их можно было бы выломать палкой.

Теперь я ни за что больше не стал бы употреблять для этого нож. Я научился ценить драгоценное орудие. Моя жизнь зависела от его сохранности.

Хорошо бы крепкий деревянный клин!

Я вспомнил, что, делая дыру в бочонке с водой, я отколол от него порядочных размеров дубовые клепки. Не взять ли их?

Я пошарил в кабине, нашел эти клепки и выбрал подходящую дощечку. Я обстрогал ее, как мог, засунул в щель, крепко забил ее увесистым куском дерева и приналег на свободный конец изо всей силы — гвозди затрещали, посыпались, и доска отошла от ящика. Действуя своим клином как рычагом, я отщепил еще две доски.

В ящике лежали продолговатые пакеты, формой напоминавшие штучки сукна или полотно, но гораздо более лег-

кие и упругие. Я вынул их из ящика очень легко, без всякого усилия.

Собственно говоря, я не интересовался даже, что это за товар — я видел, что он несъедобный, — и так и не узнал бы об этом, если бы случайно не прорвалась обертка одного из пакетов; нащупав пальцами что-то гладкое, шелковистое, я понял, что это превосходный бархат.

Я быстро очистил ящик и бережно сложил пакеты позади себя; затем я поднялся в очищенное пространство. Еще одним этажом ближе к свободе!

Все это заняло у меня два часа. Хорошее предзнаменование! День начался удачно, и я решил продолжать работу, не теряя ни минуты.

Я выпил воды и вернулся в бывшее вместилище бархата. Осмотрев ящик изнутри, я сразу увидел, что крышка пианино отстоит от него, как и в предыдущем случае, на несколько сантиметров, и, следовательно, стенку ящика можно просто вышибить. Я лег на спину и начал колотить по ней каблуками.

Этот процесс занял у меня порядочно времени, потому что ящик был мал и в нем трудно было расположиться как следует. Но под конец доски уступили одна за другой.

Я встал на колени и предпринял новую разведку. Я боялся, что крышка от ящика с пианино, как и раньше, занимает сплошной стеной всю открытую мною поверхность. Действительно, огромный ящик был тут как тут, но, ощупав его рукой, я едва удержался от радостного восклицания: он занимал всего половину отверстия! Другая же половина была совершенно пуста — там хватило бы места еще для одного ящика с бархатом!

Это был приятный сюрприз: порядочный кусок тоннеля был уже готов и открыт для меня.

Я вытянул руки — час от часу лучше: пустота распространяется не только в ширину, но и в высоту, доходя до верха пианино и образуя пустую полость. Это объяснялось формой старинного пианино, в котором был вырез, как в нынешнем рояле. Пианино стояло боком, на более широкой своей стороне, а на месте выемки образовалась пустота, в которую нечего было поместить при погрузке.

«Тем лучше», — подумал я, протянул руки и влез в пустой угол.

Глава LVIII

ЯЩИК С МОДНЫМИ ТОВАРАМИ

После нового обследования я увидел, что с другой стороны пустой полости, справа, стоят большие ящики, которые совершенно загораживают проход, а слева идет по диагонали край ящика пианино.

Но я очень мало думал о правой и левой сторонах; меня больше всего занимал потолок, куда шел мой тоннель. Горизонтальное направление меня не интересовало, а главное преимущество моего открытия было в том, что я нашел дорогу в обход пианино и подвинулся в сторону люка. Я не хотел двигаться ни направо, ни налево, ни вперед. Мне надо было идти вверх. Все выше! Все выше! Вот чем были полны мои мысли. Сердце мое билось при мысли, что еще два-три яруса — и я, может быть, буду свободен.

Когда я поднял руку, чтобы ощупать потолок моей новой кабины, мои пальцы дрожали. Какой-то холст!..

Черт возьми! Еще один тюк с проклятым полотном!

Впрочем, я не был в этом уверен. Я вспомнил, что раз уже ошибся таким образом.

Я сильно постучал кулаком по дну нижней части тюка. Прекрасный звук! Нет, к счастью, это не полотно. Это ящик, а вовсе не тюк, но только он почему-то обшит холстом. Тюки с полотном дают глухой звук, а этот ящик отвечает протяжным гулким звуком. Похоже, что он пустой.

Довольно странно! Зачем стали бы грузить пустой ящик? А если он не пустой, то что в нем?

Я постучал рукояткой и получил в ответ такой же гулкий звук.

«Ладно, — подумал я, — если он пуст, то тем лучше; но если в нем есть что-нибудь, то этот груз легкий, и с ним легко будет разделаться. Отлично!»

И я приступил к работе.

Стоит ли — в который раз — рассказывать вам, как я вскрывал ящик? Одна из досок была разрезана, потом отщеплена, за ней другая — и брешь готова.

Я был несколько удивлен, когда проник в ящик и ознакомился с его содержимым. Я довольно долго щупал эти странные предметы, пока не догадался, что это шляпы.

Да, дамские шляпы, отделанные кружевами и украшенные перьями, цветами, лентами!

Если бы я знал тогда, как одеваются туземные женщины в Перу, я удивился бы еще больше, найдя такой странный товар среди груза. Ни одна перуанка в те времена не носила шляпы. Но я об этом ничего не знал.

Впоследствии, однако, я понял, в чем дело: в южноамериканских городах живет множество англичанок и французенок — это жены и сестры европейских купцов и официальных представителей, которые живут там постоянно, — и, несмотря на огромное расстояние, отделяющее их от родины, они стараются в точности следовать модам Лондона и Парижа, хотя их прекрасные туземные соседки из Испанской Америки и смеются над ними.

Вот для кого предназначалась коробка со шляпами.

Мне очень жаль, но я должен признаться, что на этот сезон ожидания американских дам оказались обманутыми. Шляпы не дошли до них, а если бы и дошли, то в таком состоянии, что не способны были бы кого-нибудь украсить. Я мял и кромсал их беспощадно и не остановился, пока все шляпы не были затиснуты в угол и спрессованы там так плотно, что заняли десятую часть того пространства, которое занимали раньше.

Множество проклятий впоследствии сыпалось на мою несчастную голову; единственное, что я мог возразить, — это сказать правду. Дело шло о моей жизни и смерти, и я не мог заботиться о шляпах. Вряд ли это было оправданием для жительниц богатых домов, куда везли эти шляпы. Но я их не видел. Я только могу прибавить, что впоследствии — много позже — я возместил весь убыток заокеанским торговцам модными товарами.

Глава LIX

ЧУТЬ НЕ ЗАДОХНУЛСЯ

Вынув шляпы, я немедленно вскарабкался в пустой ящик. Следовало избавиться от крышки, а для этого надо было, по обыкновению, произвести предварительную разведку. Как всегда, я пустил в ход нож, просунув его в щели крышки. Он был сейчас короче, и щупать им сосед-

ние предметы стало труднее, но все же его длины хватало для того, чтобы пропустить его на семь — восемь сантиметров сквозь щель и установить, лежит там твердый или мягкий предмет.

На этот раз верхний груз оказался исключительно мягким. Мой нож прошел через что-то вроде холста и погрузился сразу в какую-то рыхлую массу. Не было и следов деревянного ящика.

Но во всяком случае, это не полотно. Нож как бы погрузился в масло; полотно оказало бы более серьезное сопротивление, так что я успокоился. Все остальное меня не смущало.

Я пробовал в нескольких местах, и всюду мой нож погружался по самую рукоятку без всякого усилия. Груз состоял из чего-то нового, чего я до сих пор не встречал.

Но я не ожидал встретить серьезные препятствия. В прекрасном настроении я принялся выдергивать доску из крышки.

Мне снова пришлось заняться скучной и долгой работой — резать доску ножом. Эта работа занимала у меня гораздо больше времени, чем все остальное, но без нее нельзя было обойтись, потому что других способов у меня не было.

Но крышка ящика со шляпами была сделана из более тонкого дерева и поддавалась легче, чем другие. Через три четверти часа, не больше, я разрезал доску пополам и выдернул обе половинки. Я оторвал холст, покрывавший ящик сверху, и рука моя нащупала странный груз. Это был мешок.

Мешок чего? Ячменя? Овса? Пшеницы? Нет, зерна там не было. Мешок был много мягче. Что же это? Мука?

Я скоро убедился в этом. Клинок мой вошел в мешковину и проделал дыру величиной с кулак. Мне даже не пришлось всовывать руку в мешок. Прямо на ладонь мне посыпался сверху мягкий порошок, и, сжав пальцы, я понял, что у меня в кулаке целая пригоршня пшеничной муки. Я поднес руку ко рту и убедился в том же на вкус. Я открыл мешок с мукой.

Прекрасное открытие! Я нашел пищу, которой мне хватит на много месяцев. Теперь я не умру с голоду. Нет! С мукой и водой я буду жить, как принц. Что в том, что

она сырая? Зато она вкусна, питательна, полезна для здоровья.

Опасность миновала!

Я работал уже долго и решил отдохнуть. Я проголодался и не устоял перед соблазном попробовать мучной болтушки. Наполнив карманы мукой, я спустился к бочке с водой. Предварительно я заткнул на всякий случай холстом проделанную мною дыру. Замешав порядочное количество муки водой, я съел тесто с таким наслаждением, как будто поглощал превосходное кушанье, известное в Англии под названием «пудинг наскоро».

Потом я спал несколько часов; проснувшись, снова поел теста и вернулся в свой тоннель.

Пробираясь через второй этаж, я понял почему-то в густой слой пыли. В пустой полости около пианино я погрузился в эту пыль до самых лодыжек. Я заметил, что на голову и плечи мне падает пыльный дождь; когда я поднял лицо вверх, пыль набилась мне в глаза и рот, и я начал немилосердно чихать и кашлять.

Я испугался, что задохнусь, и первым моим движением было убежать и спрятаться за бочкой. Но оказалось, что достаточно отступить к ящику с галетами: там уже ничего не было.

Я недолго раздумывал над объяснением этого странного явления. Это была, конечно, мука, а не пыль. Корабль качнулся, холщовая затычка выпала из мешка, и мука начала уходить в дыру.

Мысль о том, что я останусь без муки и должен буду снова голодать, напугала меня. Надо было обязательно заделать мешок.

Я закрыл рот и глаза и ринулся вверх, в ящик из-под шляп.

Повсюду была мука, но теперь больше она уже не сыпалась. Почему? Очень просто: потому что она высыпалась вся. Мешок был пуст.

Я готов был считать это происшествие бедствием, но потом я утешился. Конечно, много муки ушло в щели и просыпалось на дно трюма; но на всех окружавших меня предметах был густой слой муки, а в пустой полости она лежала горой, так что я мог ее собрать в достаточном количестве.

Впрочем, это оказалось несущественным, потому что в следующий момент я сделал открытие, которое оконча-

тельно вытеснило у меня из головы все мысли о муке и вообще обо всяких продуктах, даже о воде.

Я вытянул руку, чтобы проверить, пуст ли мешок. Он был пуст. Значит, можно было вытянуть его через отверстие и убрать с дороги. Я так и сделал: выхватил мешок и бросил его вниз.

Потом я высунул голову из ящика в ту дыру, над которой раньше был мешок.

Что я вижу! Что это? Свет! Свет! Свет!

Глава LX

СВЕТ И ЖИЗНЬ

Да, я видел свет, исходивший с неба. Я ликовал. Не могу описать то счастье, которое меня охватило. Я больше не боялся за свою судьбу. Исчезли малейшие опасения. Я был спасен! Это была небольшая полоска света, вернее, тоненький лучик; он проходил через щель между двумя досками. Он был надо мной, но не прямо, а, скорее, по диагонали, примерно в трех метрах.

Свет не мог проникнуть через доски палубы. Между ними не бывает щелей. Это главный люк. Луч проходит в том месте, где люк соединяется с палубой; должно быть, там отогнулся покрывающий его брезент.

Никогда я не видел ничего радостнее этого тоненького лучика, сиявшего надо мной. Ни одна звезда на небе не казалась мне более блестящей и прекрасной. Это был привет, посланный мне из мира живых людей.

Я недолго оставался внутри шляпного ящика.

Я знал, что работа моя пришла к концу, и не хотел откладывать своего освобождения. Чем ближе была цель, тем с большим нетерпением я стремился к ней; и без промедления я стал расширять отверстие в верхней крышке ящика.

Свет, который я видел, говорил о том, что я нахожусь на верху груза. Раз я видел луч, следовательно, между мной и им ничего не было. Значит, я находился на поверхности груза. Иначе неоткуда было взяться пустоте.

Расширить дыру, чтобы вылезти из ящика, было трудно. Не больше чем через двадцать минут я осторожно пролез в эту дыру и оказался на ящике.

Я поднял руки, взмахнул ими. Вокруг меня ничего не было. Рядом с собой я мог нащупать ящики, тюки, мешки, но прямо передо мной был воздух.

Несколько мгновений я сидел на ящике, свесив ноги в пустое пространство, не рискуя сделать шаг, чтобы не свалиться в какой-нибудь провал. Я глядел на тоненький луч света, который сиял надо мной.

Постепенно мои глаза привыкли к свету; и хотя его было мало, но я начал различать ближайшие предметы. Пустота вокруг меня была ограничена. Я находился на дне небольшого углубления полукруглой формы, похожего на амфитеатр, окруженного со всех сторон ящиками груза. Между мной и люком было пространство, оставшееся незаполненным после погрузки; кругом лежали бочки и мешки, без всякого сомнения наполненные провизией для команды. Они были положены на самый верх, чтоб их легче было достать.

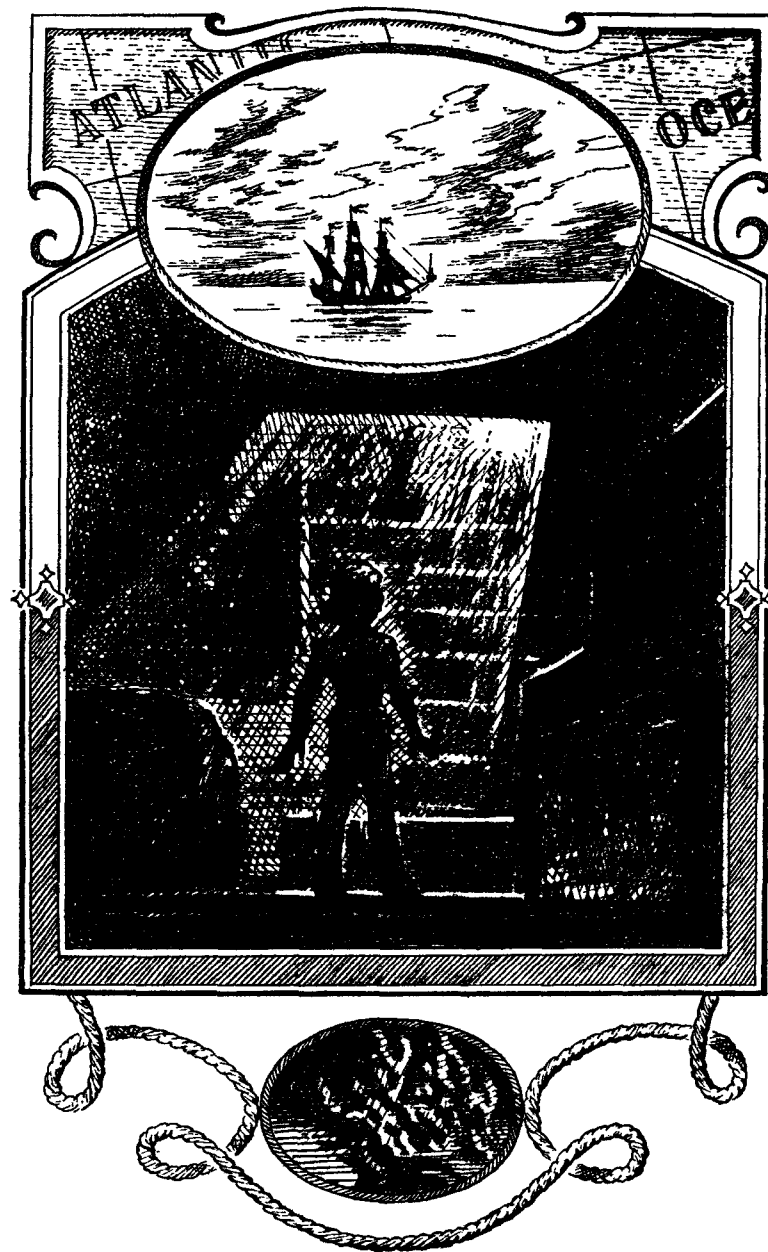
Мой тоннель кончился на одной из сторон этого углубления, и я теперь находился под краем люка. Мне оставалось сделать один-два шага, постучать в палубу и призвать на помощь экипаж корабля.

И хотя достаточно было одного удара или крика, чтобы освободиться из темницы, я никак не мог решиться крикнуть или постучать.

Вы сами понимаете почему. Подумайте, что делалось подо мной, подумайте о том, сколько я испортил товаров,— может быть, я причинил убытка на сотни фунтов,— подумайте о том, что у меня не было никакой возможности вернуть или возместить стоимость этих товаров,— подумайте обо всем этом, и вы поймете, почему я так долго сидел на ящике из-под шляп. Я был весь во власти ужасного страха. Я боялся развязки этой драмы во мраке, боялся дойти до ее конца.

Как предстану я перед суровым лицом капитана? Как перенесу ужасный гнев свирепого помощника? Как я выдержу взгляды, их слова, их упреки, может быть, даже их удары? А вдруг они выбросят меня в море?

Холод пробежал у меня по жилам, когда я подумал о таком исходе. Настроение мое резко изменилось. За минуту перед тем мерцающий луч света наполнил мою душу радостью, а теперь я глядел на него и сердце у меня сжималось от страха и смятения.

Глава LXI

УДИВЛЕНИЕ КОМАНДЫ

Я стал думать, как бы возместить убыток. Но мечтать об этом было нелепо, и оставалась одна горечь. На свете у меня не было ничего, кроме карманных часов, а их с трудом можно было обменять разве что на коробку хлопушек!

Впрочем, нет: у меня было еще кое-что, чем я дорожил и дорожу до сегодняшнего дня больше, чем тысячей часов, хотя его реальная цена вряд ли больше шести пенсов. Вы догадываетесь, о чем я говорю? Конечно, догадываетесь, и вы правы: я говорю о моем дорогом старом ноже.

Конечно, дядюшка ничего для меня не сделает. Он только позволял мне жить в его доме и делал это из корысти, а не из чувства ответственности за ребенка. Уж никак не станет он расплачиваться за мои проделки; нечего и думать об этом.

У меня была маленькая надежда, одна мысль, которая казалась мне до некоторой степени логичной. Я мог наняться на службу к капитану на долгий срок. Я мог бы стать юнгой, вестовым, слугой — одним словом, чем угодно, лишь бы отработать долг.

Если он меня примет (а ему больше нечего делать со мной, разве что действительно швырнуть меня за борт), тогда все будет в порядке.

Я обрадовался такой мысли. Как только я увижу капитана, сейчас же предложу ему свои услуги.

В этот момент надо мной гулко раздались шаги. Множество людей тяжело расхаживало взад и вперед по палубе, над люком. И я услышал голоса — человеческие голоса. Как приятно было мне слышать их! Сначала я услышал только возгласы и отдельные слова, затем все смешалось в нестройный хор. Голоса были грубые, но какой прекрасной, музыкальной казалась мне рабочая матросская песня!

Она наполнила меня решимостью. Я больше не буду сидеть в темнице. Как только песня кончилась, я подбежал к люку и деревянной рукояткой ножа начал громко стучать в доски.

Я прислушался. Меня слышали.

Наверху шел какой-то разговор, и до меня доходили даже удивленные восклицания. Но хотя шум голосов не прекращался, никто не пытался открыть люк.

Я постучал сильнее, начал кричать; но голос мой был еще слаб, и вряд ли его слышали наверху. Снова раздался хор удивленных восклицаний; голосов было много, — по-видимому, вся команда собралась вокруг люка. Для верности я постучал в третий раз и замер в ожидании.

Что-то зашуршало над люком. Снимали брезент. Свет брызнул во все щели.

В следующий момент надо мной открылось небо; поток света ударил мне в лицо и ослепил меня. Я совершенно ослабел и свалился на ящики. Я не сразу потерял сознание, но постепенно впал в обморочное состояние.

Когда люк открылся, я успел заметить вокруг него грубые лица — человеческие лица, которые в ужасе отшатнулись, увидев меня. Я услышал восклицания; но тут звуки постепенно замерли в моих ушах, свет погас, и я окончательно потерял сознание.

Я был в обмороке и ничего не ощущал. Я не видел, как эти обветренные лица снова появились над краем люка и глядели на меня с тревогой. Я не видел, как один из них, набравшись смелости, полез вниз, за ним другой, третий, пока не набралось несколько человек, которые с шумом окружили меня. Я не слышал, как они бережно брали меня на руки, щупали у меня пульс и прикладывали свои грубые руки к моему сердцу, проверяя, бьется ли оно. Не слышал я, как рослый матрос прижал меня к себе, поднялся по лесенке, вынес из трюма и осторожно положил на палубу. Я ничего не слышал, не видел, не чувствовал, пока холодная вода, которой плеснули мне в лицо, не пробудила меня от забытья и не вернула меня к жизни.

Глава LXII

РАЗВЯЗКА

Очнулся я на палубе. Кругом толпились люди. Куда ни кину взгляд, везде человеческие лица. Но на этих обветренных лицах я не видел и следов неприязни, наоборот, они смотрели на меня с жалостью, и я слышал сочувственные замечания.

Это были матросы. Вокруг меня столпилась вся команда. Один из них, наклонясь надо мной, вливал мне в рот воду и клал мне на лоб мокрую тряпку. Я узнал его с

первого взгляда. Это был Уотерс, тот самый, который высадил меня когда-то на берег и подарил мне свой драгоценный нож. Матрос и не знал, какую громадную услугу оказал мне.

— Уотерс,— сказал я,— вы меня помните?

Он остановился, пораженный.

— Тресни мои мачты,— услышал я,— тресни мои мачты, если это не тот сморчок, который подлезал к нам в порту!

— Который набивался в море! — подхватили другие.

— Тот самый, убей меня бог!

— Да,— сказал я,— тот самый я и есть.

Новый взрыв восклицаний.

— Где капитан? — спросил я.— Уотерс, отведите меня к капитану.

— Опять тебе нужен капитан? Да вот он, паренек,— добродушно ответил рослый матрос, раздвигая толпу.

Я посмотрел туда. Невдалеке, у двери в каюту, стоял хорошо одетый человек, в котором я узнал капитана. Я поглядел на его лицо. Выражение лица было суровое, но гнева в нем не было.

Я колебался некоторое время, но потом, собрав всю свою энергию, поднялся на ноги, шатаясь бросился вперед и опустился перед ним на колени.

— Сэр,— воскликнул я,— мне нет прощения!

Не помню точно, как я выразился. Но это было все, что я мог сказать.

Я больше не мог глядеть ему в лицо. С опущенными глазами я ждал его ответа.

— Встань, паренек, и пойдем,— сказал он мягко,— встань и пойдем в каюту.

Он взял меня за руку, поднял и увел. Сам капитан шел рядом со мной и поддерживал меня, потому что я шатался. Не было похоже, чтобы он собирался бросить меня акулам. Мог ли я думать, что все кончится благополучно?

В каюте я случайно увидел свое отражение в зеркале. Я не узнал себя. Я был весь белый, весь в муке, а лицо у меня было бледное, изнуренное, худое. Страдания и голодовка совершенно истощили меня.

Капитан усадил меня на кушетку, позвал буфетчика и приказал принести стакан портвейна. Он молчал, пока я не выпил весь стакан. И тогда, устремив на меня взгляд, в котором не было ни тени суровости, он сказал:

— Ну, малыш, теперь расскажи мне обо всем!

Я рассказывал долго. Я ничего не утаил; я объяснил, почему убежал я из дому, какие разрушения произвел в трюме.

Он уже знал об этом, потому что половина команды побывала в трюме, в углу за бочкой с пресной водой, и доложила ему обо всем.

Наконец я подошел к концу и изложил ему свое предложение; с бьющимся сердцем я ожидал ответа. И скоро получил его.

— Молодец, — сказал он, вставая и направляясь к двери. — Ты хочешь быть матросом? Ты заслуживаешь этой чести. И в память о твоём отце, которого я знал, ты будешь матросом.

— Эй, Уотерс! — крикнул он старому морскому волку, который ожидал снаружи. — Возьмите этого мальчугана и поставьте его на ноги; как только он окрепнет, научите его обращаться со снастью.

И Уотерс научил меня обращаться со снастями. Скоро я знал их наперечёт. Несколько лет подряд он был моим учителем и товарищем по плаванию, и под командой доброго капитана я перестал быть «морским волчонком» и был включен в список команды «Инки» как «опытный моряк».

Но я не остановился на этом. Девизом моим оставалось «все выше»; с помощью благородного капитана я стал впоследствии третьим помощником, потом первым и, наконец, шкипером!

Через некоторое время я был уже капитаном собственного судна.

О большем мне и не приходилось мечтать — теперь я мог уходить в море, когда мне было угодно, бороздить океан в любых направлениях и плыть в любую часть света.

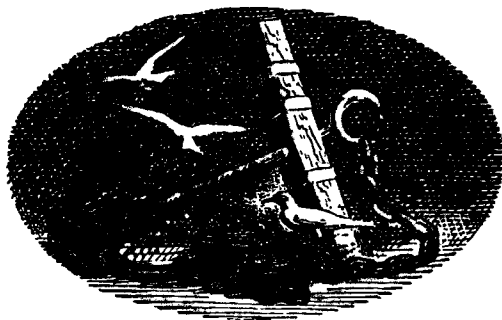
Одним из первых и наиболее удачных плаваний на моем судне был рейс в Перу; я взял с собой коробку шляп для англичанок и француженок, живущих в Кальяо и Лиме. Эти шляпы пришли в целости и, без сомнения, понравились прекрасным креолкам, которые так долго их ждали. За продавленные шляпы, вылитую водку и испорченное сукно и бархат давно было выплачено. Оказалось, что это не очень большая сумма, и благодаря заступничеству капитана мне было разрешено выплатить все в рассрочку. Через несколько лет я избавился от долгов.

А теперь, мои молодые друзья, мне остается добавить, что, проведя на морях долгие годы и заработав достаточно денег, чтобы обеспечить остаток своих дней, я начал уставать от океанских валов и штормов и меня потянуло к спокойной жизни на суше. С каждым годом тяга эта все усиливалась, так что в один прекрасный день я решил больше не сопротивляться ей и бросить якорь где-нибудь у берега.

Я продал свой корабль и судовые склады и вернулся в прелестный поселок, где я родился, где познакомился с вами и где я намереваюсь умереть.

А теперь — всего хорошего!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. МОИ ЮНЫЕ СЛУШАТЕЛИ	5
Глава II. СПАСЕННЫЙ ЛЕБЕДЕМ	10
Глава III. ПОДВОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ	14
Глава IV. ТУЗИК	17
Глава V. ОСТРОВOK	20
Глава VI. ЧАЙКИ	24
Глава VII. ПОИСКИ МОРСКОГО ЕЖА	28
Глава VIII. ТУЗИК УПЛЫЛ	30
Глава IX. СИГНАЛЬНЫЙ СТОЛБ	32
Глава X. Я ЛЕЗУ НА СТОЛБ	34
Глава XI. ПРИЛИВ	38
Глава XII. Я ДЕРЖУСЬ НА СТОЛБЕ	40
Глава XIII. ПОДВЕШЕН К СТОЛБУ	44
Глава XIV. ЗАВТРА В ПЕРУ!	46
Глава XV. Я УБЕГАЮ ИЗ ДОМУ	50
Глава XVI. «ИНКА» И ЕЕ ЭКИПАЖ	53
Глава XVII. НЕ ВЫШЕЛ РОСТОМ!	57
Глава XVIII. Я ПРОНИКАЮ НА КОРАБЛЬ	59
Глава XIX. УРА! МЫ ОТЧАЛИВАЕМ!	64
Глава XX. МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ	66
Глава XXI. ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ	70
Глава XXII. ЖАЖДА	72
Глава XXIII. СЛАДОСТНЫЙ ЗВУК	73
Глава XXIV. БОЧКА ПРОБУРАВЛЕНА	75
Глава XXV. ВТУЛКА	78
Глава XXVI. ЯЩИК С ГАЛЕТАМИ	81
Глава XXVII. БОЧОНОК С ВОДКОЙ	83
Глава XXVIII. ПЕРЕХОЖУ НА ПАЙКИ	86
Глава XXIX. ЕМКОСТЬ БОЧКИ	90
Глава XXX. ЕДИНИЦА МЕРЫ	92
Глава XXXI. «ЧТО И ТРЕБОВАЛОСЬ ДОКАЗАТЬ»	95
Глава XXXII. УЖАСЫ МРАКА	98
Глава XXXIII. БУРЯ	101
Глава XXXIV. ЧАША	104
Глава XXXV. ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	105
Глава XXXVI. ВТОРЖЕНИЕ	108
Глава XXXVII. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРЫСАХ	110
Глава XXXVIII. ВСЕ ЗА КРЫСОЛОВКУ!	112
Глава XXXIX. ВРАЖЕСКАЯ СТАЯ	115
Глава XL. НОРВЕЖСКАЯ КРЫСА	118

Глава XLI. СОН И ЯВЬ	120
Глава XLII. ГЛУБОКИЙ СОН	123
Глава XLIII. В ПОИСКАХ ВТОРОГО ЯЩИКА С ГАЛЕТАМИ	126
Глава XLIV. КРОХИ	128
Глава XLV. УКУС	131
Глава XLVI. ТЮК С ПОЛОТНОМ	133
Глава XLVII. ВСЕ ВЫШЕ!	135
Глава XLVIII. ПОТОК ВОДКИ	138
Глава XLIX. НОВАЯ ОПАСНОСТЬ	140
Глава L. ГДЕ МОЙ НОЖ?	142
Глава LI. НАЛЕВО КРУГОМ!	144
Глава LII. ДОГАДКИ	145
Глава LIII. Я СТОЮ ВО ВЕСЬ РОСТ	147
Глава LIV. СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ	150
Глава LV. В ОБХОД ПИАНИНО	152
Глава LVI. СЛОМАННОЕ ЛЕЗВИЕ	155
Глава LVII. ПУСТАЯ ПОЛОСТЬ	157
Глава LVIII. ЯЩИК С МОДНЫМИ ТОВАРАМИ	159
Глава LIX. ЧУТЬ НЕ ЗАДОХНУЛСЯ	160
Глава LX. СВЕТ И ЖИЗНЬ	163
Глава LXI. УДИВЛЕНИЕ КОМАНДЫ	166
Глава LXII. РАЗВЯЗКА	167

Дорогие ребята!

Вы, конечно, хорошо знаете автора этой книги. Его романы «Оцеола, вождь семинолов» и «Всадник без головы» и переиздавались, и экранизировались много раз.

Но вот повесть «Морской волчонок» вам, наверное, менее знакома. Поэтому редакции было бы интересно узнать, понравилась ли она вам. Не показалось ли вам, что история Филиппа Форстера, рассказанная им самим, перекликается с известной историей Робинзона Крузо? Если показалось, то в чем сходство этих историй и в чем их различие? Кому из героев, на ваш взгляд, было труднее?

Напишите нам, пожалуйста, об этом. Ждем ваших писем.

Наш адрес: 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги.

Литературно-художественное издание
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
для среднего школьного возраста

Рид Томас Майн

МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

Ответственный редактор *М. Ю. Чугорина.*
Художественный редактор *В. П. Дроздов.*
Технический редактор *Е. А. Капитонова.*
Корректоры *В. Г. Арутюнян и Н. Н. Жукова.*

ИБ № 13008

Сдано в набор 05.04.90. Подписано в печать 13.09.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 9,53.
Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1-100 000 экз.). Заказ № 4456.
Цена 1 р. 30 к.

Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Рид Томас Майн

Р49 Морской волчонок: Повесть/Пер. Л. Рубинштейн;
Худ. П. Парамонов.— Л.: Дет. лит., 1990.— 174 с.: ил.
(Б-ка приключений и научной фантастики.)

ISBN 5-08-000015-5

Повесть классика приключенческой литературы.

Р 4804010100—168 Без объявл.
М101(03)-90

И (Англ.)
ББК 84.4Вл

